

№3

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

АНАР. Смертный час. <i>Повесть</i>	3
ПАРВИН. <i>Рассказы</i>	28
Александр ЖДАНОВ. Мектуб, китаб, катиб. <i>Рассказ</i>	68
Марк БЕРКОЛАЙКО. Лунные затмения. <i>Повесть</i>	80
Медина ЭЛЬДАРОВА. <i>Миниатюры</i>	111
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Новеллы</i>	114
Савелий КОЛМАНОВСКИЙ. Гасанбала	126

ПОЭЗИЯ

Сергей ЖАДАН. <i>Стихи. Перевод Лачина</i>	27
Афаг РАФИК ГЫЗЫ. «С каждой осенью я все мудрей и моложе...»	57
Ирина ОЗЁРНАЯ. <i>Стихи</i>	101
Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. <i>Стихи</i>	122

ПУБЛИЦИСТИКА

Махир ГАМЗАЕВ. Винчас Креве – писатель, дипломат и гуманист	17
Фидан ДЖАФАРЗАДЕ. О том, оправдывает ли цель средства	54
Ляман БАГИРОВА. Второй Первый	63
Тамирлан БАДАЛОВ. Искусство – это только «Как... каким образом»	104

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 4.4. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

АНАР

СМЕРТНЫЙ ЧАС

Повесть на основе рассказа «Красный лимузин» и сценария «Преследование»

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

*В семихолмном городе дальнем
Я простился с милой моей,
Не стыдно бояться смерти,
И не стыдно думать о ней.*

Назым Хикмет

Он внезапно остановился. Оглянулся вокруг. Это место показалось ему знакомым, но в то же время казалось, что видит эту узкую улочку впервые. Одноэтажные, двухэтажные дома, тяжелый запах из неопрятных дворики, упершийся в отвесную стену глухой тупик. Всё вокруг – словно далекий мираж, словно истонченные временем воспоминания, словно мутная греза – напоминало какой-то зыбкий мир. Это воспоминания из его детства?

Нет, его детство прошло не в этом квартале. Может, он некогда, давным-давно приходил сюда к кому-то в гости, может, в одном из этих домов проживали родственники или друзья, знакомые, и он просто не мог вспомнить. Путь в редакцию, где он работал, проходил не через эти улочки. Да и желания бродить, не помня себя, по городу и заблудиться в сторонних кварталах у него не имелось. Только отчего всё вокруг казалось ему столь родным и близким, будто он некогда обошел тут всё пядь за пядью, шаг за шагом. А еще эта тревога у него в душе, эта странная тоска, беспокойство – откуда они? Будто он чего-то боялся. Но чего? У него было такое чувство, будто он бродит не по незнакомому кварталу города, где прожил всю жизнь, а по знакомым улочкам чужого города.

Может, его пугал лунный свет. В безлюдье переплетенных, как запутанный клубок, узких улочек, в их отдающей звонком в ушах тишине лунный свет окрасил всё вокруг в серебристо-серый цвет. Чудилось, этот потусторонний цвет просачивался из какого-то иного мира. Нет, он не ведомый лунным светом лунатик, бродящий по ночам с открытыми глазами. Порой во сне он словно в царстве невесомости легким толчком ног отрывался от поверхности и преодолевал в прыжке огромное расстояние. Он вспомнил, что в тех же снах у него сводило ноги судорогой, и он не мог сделать ни шагу, а только пятился назад. Да, всё это происходило во сне. Но сейчас он не ощущал ни судорог, ни легкой невесомости.

Ему казалось, он бодрствует, и потому всё виденное выглядело еще ужасней.

Османа одолевал кошмар. А вот сейчас некто под гул бормашины бежал по узким улочкам Ичеришехера. На лице бежавшего застыл страх. До Османа вдруг дошло, что бежавший – это он сам.

В яви лицо Османа, лежавшего в постели, покрыла испарина.

Тот Осман, который находился во сне, пробовал бежать и спастись от преследования. Вдобавок бормашина сверлила его зуб и добралась до самой болевой точки. В том же сне он мучился от нестерпимой зубной боли.

Он увидел преследовавший его красный лимузин. В узких улочках Ичеришехера красный лимузин в серебристом лунном свете преследовал Османа по пятам.

Осман сворачивал то вправо, то влево. Наконец, уперся в глухой тупик и замер. Впереди отвесная стена, он запыхался, дыхание сбилось. Участвовавшее биение сердца – оно готово было выскочить из груди – сливалось с гулом бормашины и ревом приближающегося автомобиля. Осман, чьи глаза расширились от ужаса, теперь видел отчетливо наезжающий на него красный лимузин. За рулем едущего автомобиля никого, салон автомобиля – пуст. В тот миг, когда автомобиль прижал Османа вплотную к стене и собрался разнести его в клочья, он резко проснулся. Утер пот со лба. Окинул взглядом комнату, где прожил долгие годы. Всё было, как прежде, привычным образом...

Старая мебель в комнате с высоким потолком. Ветхая кровать, ветхий письменный стол, обитое кожей кресло, изразцовая печь, две большие фотографии на стене – на одной старик с седой бородой и в бухарской папахе. На другой – Гасанбек Зардаби, Исмаил-бек Гаспринский, Алимардан-бек Топчибашев...

Всё на месте, всё, как он привык на протяжении долгих лет.

Но всё еще раздавался сверлящий мозги гул, набравший обороты. Он понял, что этот гул раздается из соседской квартиры – звук дрели.

Осман посмотрел на напольные часы, половина седьмого. Еще рано, озноб от странного сна всё еще не покидал его. Спустя пару секунд сознание прояснилось, он понял, что находится у себя в квартире, в своей постели, и всё только что виденное – сон, кошмар. Осман улыбнулся и потрянул головой.

Можно было бы еще немного подремать. Но сомкнуть глаз не удалось. Гул на короткое время затихал, но потом раздавался сильнее. Он попробовал заткнуть уши подушкой, укрылся с головой, но без толку. Гул пробирался сквозь подушку и одеяло, проникал через уши в самый мозг.

Осман встал и подошел к стене, начал колотить в нее. Гул не затих. Стал колотить сильнее. Наконец, сверлить перестали.

Он понял, что поспать больше не удастся, не получится погрузиться в светлую ли, темную ли пучину сна.

Начинался новый день. Он задумался о делах, которые сегодня предстояло сделать, и, вспоминая всю эту ежедневную рутину, испытал чуть ли не отвращение. Но что поделать, вскочил с постели, соблюдая раз и навсегда заведенный распорядок жизни. Зевнул, потянулся, сделал легкую разминку, сходил в туалет, набросил на плечи белый халат, умылся, побрился, нагрел чайник, налил чаю и позавтракал хлебом с сыром.

Затем прошел за стол, привел в порядок вчерашние бумаги, принялся что-то писать.

Немного спустя часы стали бить семь часов ровно.

Осман оделся. Коричневые брюки и пиджак, белая рубашка, галстук в клетку... Вытер туфли, надел с помощью рожка.

Захлопнул входную дверь и вышел на лестничную площадку.

В ту же секунду открылась и соседская дверь, и вышел одетый с иголки мужчина примерно того же возраста, что и Осман.

– Доброе утро, – сказал он с подчеркнутой вежливостью Осману, – если не ошибаюсь, вы Осман муаллим.

Осман несколько удивленно кивнул головой.

– Осман Гасаноглу, – с пафосом молвил сосед, – знаменитый журналист. – Сосед протянул руку. – Мехман Иманов, ваш новый сосед. Очень рад знакомству, – сказал мужчина и достал из кармана визитку, протянул Осману и добавил: – Владелец туристической компании «ЕврАз», то есть Европа – Азия. Мы всегда в вашем распоряжении. Если соберетесь в путешествие, мы к вашим услугам. Конечно же, предоставим скидки... Если соберетесь куда-нибудь – от Лиссабона до Сингапура, – достаточно только сообщить.

– Я тоже рад, – молвил Осман, и они стали спускаться по лестнице.

– Хорошо, что я вас увидел, – сказал Мехман, – кажется, мы немного вас по-
беспокоили спозаранку...

Не успел Осман ответить, как начала звучать песня в исполнении Ниямеддина.
Мехман достал из правого кармана мобильный и начал говорить:

– Да, буду через пятнадцать минут. Что?

А сейчас стала звучать другая песня в исполнении Агададаша, и Мехман достал
из левого кармана другой мобильный:

– Я ведь сказал, подпись пока не ставьте, подождем пару дней. Сами умолять
станут. Да... Фазиля сразу не принимай, пускай подождет в приемной часок, чтобы
знал свое место. О'кей. Пока.

Мехман дал отбой и сунул оба телефона в карманы.

– Простите, ради Бога, – обратился он к Осману, – наша беседа прервалась. Я
купил эту квартиру три дня назад, она была в ужасном состоянии. Бывший хозяин из
обнищавших партократов, в свое время занимал должность секретаря райкома, но
квартира-то, квартира, даже смотреть страшно...

Осман промолчал.

– У меня ни секунды свободного времени, – продолжил Мехман.

Снова раздался звонок.

– Да, это я. Приходи ровно в два, но смотри у меня, ни минутой позже, не опаз-
дывай, мы люди пунктуальные. Бай-бай.

Зазвонил второй телефон.

– Да разве это жизнь? – улыбнулся Осману Мехман. – Никак в покое не оста-
вят, чтобы нам с вами парой слов перекинуться. С этими мобильными одна беда. –
Затем Мехман сказал в телефон: – Условия наши вы знаете. Ни на один процент
меньше. Это наше окончательное слово, и точка. Будьте здоровы. – После этих слов
Мехман снова обратился к Осману: – А давайте-ка я выключу эти телефоны, никак не
дадут пару слов сказать. Я о вас наслышан. Говорят только хорошее. Стало инте-
ресно, кто же сосед? Ваша квартира однокомнатная, а моя...

– Трехкомнатная, знаю, – сказал Осман.

– Нет, четырехкомнатная, – рассмеялся Мехман. – Я купил еще одну из сосед-
него блока. Там жила вдова одного художника. Она продала комнату с одним усло-
вием: вместе с жилплощадью толкнула мне картины мужа. Мол, что мне с ними
делать, не выбрасывать же... Короче, пришлось и за них немало заплатить. Между
нами говоря, всё мазня, но знаю, иностранцам такие картины нравятся, даст Бог, им
и раздарю.

Они дошли до второго этажа.

– Да, – продолжал Мехман, – о чем я... днем у меня совсем нет времени, потому
мастера работают по ночам. За ними глаз да глаз нужен. Они сейчас сносят стену
между этими двумя комнатами. Скорее всего, эта дрель и не дала вам спать. Ради
Бога, простите.

– Бог простит.

– Я велел мастерам закончить ремонт за месяц. Семья моя в Сумгайыте. Спе-
шим переехать в Баку.

Они дошли до дверей подъезда. Мехман бросил взгляд на старинную стенную
роспись и сказал:

– Рисуют всё, что взбредет в голову. У меня две дочери, – кивнул он на полу-
обнаженную Венеру, – не хочу, чтоб они видели такое бесстыдство.

Перед подъездом стоял серебристый «Мерседес». Как только водитель их уви-
дел, спешно сошел, поздоровался с Мехманом, достал из кармана мобильный и про-
тянул ему.

– Это Муршуд, – сказал шофер.

– Привет, Муршуд, – поднес телефон к уху Мехман, – слушаю... – Затем обратился к Осману. – Могу вас подвезти.

– Благодарю, мне тут недалеко.

Продолжая говорить по телефону, Мехман сел в автомобиль. Осман с удивлением заметил, что за «Мерседесом» Мехмана стоит еще один автомобиль без водителя и пассажиров, тот самый красный лимузин, который он видел во сне. Но в отличие от серебристо-серой лунной ночи во сне, сейчас солнечный ясный день. Красный лимузин, припаркованный у подъезда Османа, не вызвал в нем никакого беспокойства и страха. Ну, да, машина как машина, стоит себе и пусть стоит. Может, она стояла тут со вчерашнего дня, Осман того не заметил. Не заметил, но по какой-то бессознательной логике автомобиль проник в его сон.

«Да хватит тебе, нашел. над чем голову ломать», – упрекнул он себя.

Заметив автобус, пытаясь одолевающий подъем, он поспешил к остановке. Еле протиснулся через заднюю дверь в битком набитый салон.

На второй остановке многие сошли, в салоне стало свободней, и Осман сел на освободившееся сиденье. Он смотрел в окно на городские улицы, по которым сновали люди и машины, и никак не мог собраться с разрозненными мыслями по поводу виденного этой ночью странного сна. Особенно внимательно он присматривался к автомобилям, проносящимся слева и справа, будто выискивал что-то взглядом. Внезапно пришедшая в голову мысль вызвала улыбку: «Может, я высматриваю красный автомобиль, соскучился, давно не видал».

Сойдя с автобуса у станции метро «Насими», он снова увидел чуть поодаль красный лимузин и вздрогнул. Зашел в метро, бросил жетон, прошел через турникет и, спускаясь на эскалаторе, неотвязно думал о красном лимузине. «Может, в город завезли партию красных автомобилей, и они мне снятся потому, что я невольно их повсюду замечаю».

Затем его пронзила дрожь от внезапной мысли: «А может, это одна и та же машина, и она меня преследует...»

Ему снова стало смешно. «Тоже мне – важная персона, которую преследуют даже во сне».

Он дал себе слово, если заметит этот красный лимузин в очередной раз, непременно обратит внимание на номер. Эти странные, необъяснимые, нелогичные мысли так захватили его, что он впервые за всю жизнь проехал свою остановку: вдруг спохватился, что двери вагона закрылись, поезд пришел в движение, а голос в репродукторе объявил не его остановку, а следующую. На следующей остановке он сошел, немного подождал и сел на поезд, едущий в обратном направлении. Наконец, сошел на своей остановке, встал на эскалатор и вышел из утробы метро. Как только вышел из барабанных дверей и ступил на улицу, заметил на обочине красный лимузин и ничуть не удивился. Будто вовсе не сомневался, что увидит его вновь. На сей раз он обратил внимание на номер пустого автомобиля: 19-91.

По пути в учреждение он всё думал: а красный автомобиль, он последует за мной до редакции? Или я замечу его у входа в здание? Нет, это невозможно. Единственная дорога в редакцию проходит через эту улицу, значит, он непременно должен проехать мимо меня, и тогда я увижу и водителя.

Не может же машина разезжать без водителя – это ведь не сон. Он приглядывался к проезжающим мимо машинам, красных среди них не было. Перед редакцией припарковали немало автомобилей, но и среди них красного лимузина он не заметил.

Он поднялся лифтом на восьмой этаж, в рабочий кабинет. Из окна кабинета просматривался двор. Жаль, окна не выходят на улицу, а то можно было бы наблюдать за проезжей частью. «Я, кажется, с ума схожу. На кой черт сдалась мне эта красная машина...»

В кабинете за письменными столами работали три сотрудника. Вслед за Османом в кабинет вошла Рейхан-ханым, она была средних лет. Села за свой стол, открыла сумочку, достала зеркальце и принялась пудрить нос.

– Как поживаете, Рейхан-ханым? – поинтересовался Садых.

– Ой, не спрашивайте, не спрашивайте. Вчера опять сердце прихватило. Так болело, что я думала концы отдам. На том свете побывала.

– Путешествовать приятно, Рейхан-ханым, – сказал Шамиль.

Все рассмеялись.

– Эзвай, – сказала Рейхан, – я умираю, а он шутит.

Садых отложил текст, который редактировал:

– Вы только гляньте на его редактуру, ради Бога! Я пишу: «Соревнование состоялось в Гранаде». А он правит: «Соревнование состоялось в Канаде». Умник, знать не знает, что в Испании есть город Гранада.

– Кстати, какой город столица Канады? – спросила Рейхан у Садыха.

– Оттава, – ответил тот.

– Не голова, а компьютер, – вставил Шамиль. – Зачем тебе столица Канады, Рейхан-ханым, теперь туда собралась?

– Нет, вечером заполняла кроссворд и никак не могла вспомнить столицу Канады.

– А сама говоришь, вчера на тот свет отправилась. Это там ты заполняла кроссворд?

– Эзвай.

– А что такое «эзвай», – поинтересовался Толик. – Рейхан-ханым часто повторяет.

– Это от слова «эзиз», дорогой, – сказал Шамиль, – можешь так называть свою любимую.

Толик хлопал глазами, ничего не понимая.

– Ты почему над парнем издеваешься? – сказал Садых, затем обратился к Толику. – Да шутит он, «эзвай» – это «злюка». Когда же ты научишься говорить на государственном языке?

– Я всё понимаю. Говорить стесняюсь.

– А ну скажи, кем был Карл Маркс? – снова вмешался Шамиль.

– Мыслитель, – ответил Толик.

– Нет, скажи на родном языке. Я же тебя учил.

– А... помню... сейчас скажу. Мутакяфкир.

Раздался взрыв смеха.

– Ах, ты, русскоязычная чушка. Не мутакяфкир, а мутафаккир. Гандын(Понял)?

– Знаю-да... Ганд – это сахар...

Раздался еще один взрыв смеха, на сей раз сильнее. Не удержавшись, громко рассмеялся даже хранящий серьезность Осман.

– Осман, и ты изволишь смеяться? – сказал Шамиль. – Знаешь ли, братец Осман, совсем скоро Толика примут в члены Союза писателей в качестве выдающегося народного поэта.

Осман не успел ответить – услышал знакомый гул. Вскочил с места и пошел по направлению к гулу, вышел в коридор. В одну из открытых дверей увидел молодого парня, бреющегося электробритвой. Это электробритва издавала шум, напомнивший Осману гул бормашины и дрели.

Осман вернулся за стол, достал из выдвинутого ящика кипу фотографий. Начал откладывать те из них, что отражали ужасы Карабахской войны, Черного Января, Ходжалинского геноцида.

В селекторе раздался сигнал, он нажал на кнопку. Послышался голос редактора отдела Махмуда:

– Верстка готова?

– Совсем скоро.

– Зайди ко мне!

Осман прихватил фотографии и набранные тексты, зашел в кабинет редактора отдела. Разложил перед ним набранную страницу и фото.

Махмуд посмотрел на снимки и мотнул головой:

– О, Господи! Опять беженцы, Ходжалы, Карабах...

– Но что может быть важнее? – сказал Осман.

– Мой дорогой, статьями и снимками Карабах не вернешь. Читателю надоело слышать и видеть все эти ужасы. Люди хотят развлечений. У них навалом своих забот и проблем.

– Но до каких пор мы будем развлекать читателей?

– Это и есть задача нашей газеты. Не знал, что ли? Меня только что вызывал главный редактор. Устроил головомойку. Знаешь хоть, как упал тираж? Давайте читателю то, что ему интересно. – Махмуд хитро улыбнулся: – Главный редактор и сам предложил несколько интересных тем. Слышал, шоу-звезда Эллада устроила пышные похороны своей любимой кошке? И даже поминки дала. Весь бомонд там собрался. Или другой шокирующий факт: Рауль Чайбасарски арендовал огромную яхту на свадьбу сына. Прикинь, пятьсот гостей сопровождают жениха и невесту в морском круизе. Вот какими деталями интересуется читатель.

– Тот самый читатель, которого мы сами приучили к такой чепухе.

– Ладно-ладно, успокойся, не читай мне мораль. Но, дорогой мой правдолюб, не забывай, что и твоя, и моя высокая зарплата и гонорары зависят от тиража. Так что, хочешь не хочешь, приходится угождать тем, кто нас кормит. Хотя бы вот что: выберите какую-нибудь нашу знаменитость, придумайте сплетню и вынесите на первую полосу как шокирующую новость. Вот что завлекает читателя...

– Выходит, ради праздного любопытства парочки обывателей мы должны поливать грязью уважаемых людей?

– Не начинай. Я ведь не говорю позорить их, пишите так, будто это всего лишь слухи да сплетни, чтобы в суд не подавали.

– Извини, Махмуд, я этого не смогу. Оклеветать ни в чем не повинных людей...

– Ладно, – перебил его Махмуд, – пускай не кто-то конкретно, а организация какая-нибудь. Сам знаешь, с особым кайфом читают сплетни о Союзе писателей.

– Лучше поручи это Шамилю. Его год назад исключили из Союза писателей, он всё еще не остыл, ходит, огрызается. Напишет, что угодно.

– Ладно, а как быть с завтрашней полосой?

– Извини, но я не могу за пару часов подготовить новую полосу.

– Никаких готовых материалов нет?

– Типа кошки Эллады? Такого нет.

Редактор отдела вздохнул и помотал головой:

– Ну, что поделать, дай свой материал, но чуть что – пеняй на себя. И возьми себе на заметку – я из-за тебя виноватиться перед главредом не собираюсь.

Осман вернулся к себе в кабинет. Тот пустовал. Рабочий день близился к концу. Вот и Осман собрал свои бумаги в папку и вышел. Он так ушел в работу с послезавтрашними материалами и письмами, что забыл даже спуститься в перерыве в буфет и слегка отобедать.

Спустился на лифте. Площадка перед редакций была забита машинами. Он предчувствовал, среди машин окажется и красный лимузин. Интуиция не подвела. Среди автомобилей, прямо по центру красовался и красный лимузин. Он бросил взгляд на номер и вздрогнул: 19-91. Тот же самый лимузин.

Осман совсем опешил. Некоторое время так и стоял, как вкопанный, ошарашенно поглядывая на красную машину. Сомнений не осталось. Именно его, Османа,

преследовал автомобиль. Он точно знает его домашний и рабочий адрес, маршрут из дому на работу. Осман и сам удивился тому, что думает о машине как об одушевленном существе. Будто машина САМА, по СОБСТВЕННОЙ воле преследует его.

От этой необъяснимой загадки Осман потерял дар речи. Будто он кого-то, чего-то дожидался. В конце концов должен появиться некто – хозяин или водитель этого автомобиля – появиться и подойти к автомобилю, и вот тогда эта загадка разрешится. Осман прождал немало, но так никто и не появился. Время от времени в свои машины садились сотрудники учреждения, заводили мотор и уезжали. Постепенно вся площадка опустела. Осталась всего пара-тройка автомобилей и один из них – красный лимузин.

Осман понимал, совершенно бесполезно стоять тут всё это время и чего-то дожидаться. Никакой хозяин этой наводящей ужас машины не объявится. А еще он был абсолютно уверен: когда доберется к себе домой, увидит у подъезда этот красный лимузин. Почему он был так уверен, сам не понимал. Но так оно и было.

Осман пошел пешком. Теперь он обращал больше внимания не на машины, а на прохожих. Ни одного знакомого лица. Будто он взял и очутился в чужом и чуждом городе. Это, конечно, не мимолетное чувство. Как и остальные коренные жители, Осман в последние пару лет не узнавал свой город. Они совсем отвыкли от этого пространства, где родились и выросли, прожили целую жизнь. Такое ощущение, что город наполнился совсем иными обитателями.

Осману вспомнилась чья-то точная фраза: теперь в этом городе мне знаком лишь дождь.

Изменились не только лица, но сами люди, их поведение, манеры, повадки – всё абсолютно другое, чужое. Некогда, выходя из редакции или из дому, он шагов через десять непременно встречал кого-нибудь из знакомых и по пути на работу успевал несколько раз сказать и услышать «привет».

А теперь он мог бродить по улицам часами – и ни одного знакомого лица.

Оставив за спиной несколько улиц, он задержался у здания с вывеской «Стоматологическая поликлиника». И почудилось, сама эта вывеска разбудила затихшую зубную боль. После минутного колебания решил войти. Зашел в нужный кабинет и поздоровался со старым своим приятелем стоматологом Маликом.

– Наконец-то изволил явиться, – сказал Малик. – Ты ведь еще на прошлой неделе собирался.

– Дела.

– Ладно, садись.

Осман сел в кресло, врач стал мыть руки. Затем подошел к пациенту:

– Открывай, – сказал он и через секунду ахнул. – О, Боже... Они в ужасном состоянии.

Малик, качая головой, сделал укол новокаина, затем включил бормашину. Раздражающее жужжанье аппарата звучало ужасней, чем во сне. Осман вскочил, как ужаленный:

– Прости, оставим на следующий раз, я сегодня не готов.

– Как не готов? Знаешь, в каком состоянии твои зубы? – повторил Малик.

Осман выбежал, не попрощавшись.

Увидев красный лимузин перед поликлиникой, на сей раз не удивился. Ступил мимо пустого автомобиля, напустив на себя безразличный вид, будто эта странная игра никакого к нему отношения не имеет. Остановил такси.

Сойдя у своего подъезда, удивился в очередной раз. Оглянулся. Нигде, ни поблизости, ни поодаль никакого красного лимузина.

Войдя в подъезд, обомлел. Рабочие покрывали шпаклевкой стенную роспись.

– Что вы делаете, это ведь...

Не успел он рта раскрыть, как рабочие его перебили:

– Хозяин велел закончить к вечеру, – отрезали они.

И вправду, уже поздно, уже нечего спасать. Шпаклевка почти полностью покрывала стенную роспись. Не говоря ни слова, он поднялся к себе. Открыл холодильник, достал еду, поковырял вилкой, вернул в холодильник. Никакого аппетита. Сел в кожаное кресло. Включил телевизор. Шли новости – одна ужасней другой – смерть, кровь, слезы... Закрыв глаза и довольно долго вот так недвижно просидел.

Зазвенел звонок. Осман вскочил, открыл дверь. Это был Мехман, теперь одетый в дорогой спортивный костюм.

– Решил вот поведать соседа. Можно?

– Проходите.

Они прошли в комнату. Мехман окидывал всё взглядом, особенно присматриваясь к изразцовой печи.

– И у меня такая же, – сказал он.

Осман убавил громкость телевизора.

– Знаю, – сказал Осман.

– Разве вы были в моей квартире?

– Я там жил.

– Как это жил?

– Весь этот этаж принадлежал моему деду.

Мехман кивнул на одну из фотографий на стене, где был изображен интеллигент с бородой и в папаше:

– Ваш дед?

– Да.

– А как так вышло, что эта квартира...

– Дед умер своей смертью, но, когда арестовали и выслали отца, отняли всю квартиру, нам с мамой осталась только вот эта комната.

– Почему арестовали вашего отца?

– Из-за этой фотографии, – кивнул Осман на фотографию, где были запечатлены Зардаби, Гаспринский и Топчибашев.

– Который из них ваш дед?

– На этом снимке нет моего деда, тут Гасан-бек, Топчибашев и Гаспринский.

– Кто?

– Алимардан-бек Топчибашев во времена Мусавата был председателем парламента, Исмаил-бека Гаспринского считали пантюркистом. А Гасан-бек Зардаби, как вам, наверно, известно, издавал нашу первую газету, «Экинчи».

– Могли арестовать только из-за этого?

– Могли, раз арестовали...

– Странно, из-за одной только фотографии...

– Дело в том, что Топчибашев был знаком с моим дедом.

– Кем же был ваш дед?

– Просветителем, учителем. Саттар Салимбеков, может, слышали, некогда в Баку была знаменита школа Салимбекова. Это не оригинал снимка, я снял копию позже. На подаренном деду оригинале имелась подпись Топчибашева, это он подарил деду снимок. Кто-то об этом проведал и настроил донос, вот отца моего и арестовали, мол, хранишь у себя фотографию врагов народа. Скорее всего, донос настроил бывший владелец вашей квартиры.

– Господи, какие страшные времена были. Оклеветать, донести, а потом отнять квартиру. А как общалась эта ваша комната с моей квартирой?

– Вот здесь находилась дверь, – указал Осман на замурованную часть стены.

– Отлично! Прекрасно. В очень подходящем месте.

– Чаю будете?

– Нет, спасибо.

– Ладно, скажите, почему вы велели рабочим заштукатурить стенную роспись?
– В порядочном доме такое не годится, у нас дети, я ведь вам сказал, что у меня две дочери. К чему им видеть эту порнографию?

– Это не порнография. Это роспись начала века в стиле ренессансных художников. То есть важный исторический...

– Вы совсем по этому поводу не переживайте, Осман-муаллим! – перебил его Мехман. – Пускай европейские художники рисуют себе в Европе. А я вот закажу местным нашим художникам, таким, как Саттар Бахлулзаде, нарисовать красивейшие пейзажи нашей родины: Гёй-гёль, Шахдаг, Бешбармаг... Пускай иностранцы видят, сколь прекрасен Азербайджан. Честно говоря, из-за этих иностранцев я и купил эту квартиру. У меня много гостей из-за рубежа, много партнеров, а больше всего их в Баку привлекает Ичеришехер. Знаете, я могу себе позволить купить любую квартиру в любой части города. Но я решил занять квартиру непременно в Ичеришехере, в старинном доме с высокими потолками. Одна только эта печка чего стоит! Иностранцы диву дадутся при ее виде.

– Ну, что сказать, на здоровье.

– Благодарю. Вы не обижаетесь, что я стану жить в вашей бывшей квартире?

– Нет, чего обижаться... Она давно не моя.

– Я так и думал, человек вы интеллигентный. Все отзываются о вас хорошо. Вы наша гордость, – сказал Мехман и добавил с пафосом. – Знаменитый журналист Осман Гасаноглу...

– Полно вам. Никакой не знаменитый.

– Вы так скромны. В наше время такое не катит. Верю, мы подружимся. Может, я услужу вам чем-нибудь.

– Благодарю.

– Дорогой Осман, ей-богу, даже не знаю, как начать. Но вы сами мне подсobili, сказали, что раньше всё это была одна большая квартира. Как думаете, могу вам сделать предложение? Я готов купить вам в любой точке города трехкомнатную квартиру с евроремонтom взамен этой одной комнаты. Что скажете? А?

Осман опешил от неожиданного предложения, не нашелся, что ответить. А потом сказал спокойным тоном:

– Скажу «нет».

– Да, чуть не забыл, кроме квартиры, готов доплатить кругленькую сумму.

– Благодарю. Но это невозможно.

– Почему же? Поглядите, тут всё еще остаются контуры от прежней двери. Объединить эти комнаты проще простого. Разве нет, Осман муаллим?

Осман закурил:

– Как вам объяснить? Это память о моей семье. Здесь жил мой дед, отсюда моего отца отправили в ссылку, даже не знаю, где его могила. Здесь умерла моя мама. У меня нет ни близких родственников, ни детей. Я тоже умру здесь. После меня можете брать эту комнату.

– Да что вы? К чему такие слова? Дай вам Бог долгих лет жизни. Но ведь одними воспоминаниями не проживешь... Есть в жизни и другие удовольствия.

– Для меня воспоминания – это всё...

– Вы никогда не были женаты?

– Нет.

– Почему?

Осман снова попытался сдержанно ответить на неуместный вопрос гостя:

– В молодости пришлось много работать, на нескольких работах, чтобы прокормить больную мать, а потом оказалось поздно.

– Ну, почему поздно... Переедете на новую шикарную квартиру, и денег окажется вдоволь. Станете завидным женихом.

– Извините, видимо, мы с вами совсем по-разному относимся к таким вещам.
– Я вас не тороплю. Не заставляю тут же принять решение. Обдумайте всё хорошенько, посоветуйтесь с друзьями. Дай Бог, вернемся к этому вопросу.

Осман затянулся сигаретой:

– Мое решение окончательное.

– В любом случае, подумайте еще раз. Доброй вам ночи.

– И вам доброй ночи...

Проводив Мехмана, он вернулся в комнату, сел в кожаное кресло. Прибавил звук телевизор, и, глядя на ужасные сцены, погрузился в дрему.

Теперь он видел те же сцены во сне. В том же сне эти сцены сменились похоронной церемонией. Обычные похороны: гроб, цветы, траурная музыка. Певица Эллада снимала черные очки, по ее щекам струились слезы. Эллада была в странном облачении – на голове черный траурный платок, на лице черная вуаль, но платье с глубоким декольте. Вдруг из гроба в объятия Эллады прыгнула кошка. Та радостно прижала кошку к груди. Участники похорон разбежались кто куда. Остался лишь Осман посреди пустой улицы. Внезапно на него стал наезжать красный лимузин, и за секунду до того, как зажевать его под своими колесами, Осман крикнул и проснулся.

Он некоторое время походил из угла в угол, затем снял трубку и позвонил.

– Махмуд, здравствуй. Это Осман, прости, что беспокою. Я не выйду завтра на работу. Страница у Садыха.

– Почему, что стряслось?

– Я решил уйти из газеты.

– Что же, в конце концов, случилось? Ты обиделся из-за нашей беседы? Мы ведь давнишние друзья и коллеги, из-за одного только откровенного разговора...

– Нет, нет. Не поэтому.

– Сам знаешь, это не моя воля. Я человек подневольный. Кто платит, тот и заказывает музыку, вдобавок...

– Я уже сказал, что это тут ни при чем. Ни на кого я не обижался. Что-то нервы мои сдают, чувствую огромную усталость. Постараюсь найти работу поспокойней.

– Надейся-надейся, найдешь, а как же. Думаешь, в наше время легко найти хоть какую-то работу... К тому же, где тебе еще станут платить такие деньги. Послушай...

– Это мое окончательное решение... Ни ты, ни кто-либо другой ни в чем не виноваты. Будь здоров. Завтра вышлю заявление об увольнении.

– Ну, что мне сказать, тебе виднее... Не забывай нас.

– Конечно. Ладно, пока...

Он оделся и вышел на улицу. Красный лимузин стоял прямо перед подъездом. Смутные, тревожные чувства в душе Османа запутались, как клубок: и удивление, интерес к разгадке необъяснимой тайны, и некоторая тревога, страх, и, вдобавок, возрастающая ярость. Раз кто-то решил сыграть с ним, именно с ним, Гасаноглу Османом – ибо знает – дом, редакция, остановки метро и автобуса – его привычный маршрут – и играет в эту игру умышленно, Бога ради, пусть играет. Он не станет уклоняться от этой игры, он готов играть в эту мутную игру: только вот бы знать условия и правила этой игры, узнать игроков. Хотя бы увидеть их в лицо.

Если в эту игру и вправду играют с ним с какой-то целью – но цель еще неясна – конечно, они точно знают весь привычный маршрут Османа. Значит, этот козырь в их (чьих? – неважно, чьих) руках, руках преследователей. А смешать их карты – в моих руках, думал Осман. Сейчас я выйду из Ичеришехера и пойду такими окольными улочками, что собою их – кто бы они ни были – со следа.

Придерживаясь своего плана, Осман проходил через самые немислимые дворы, о которых преследователи не могли бы догадаться наперед. Кажется, он добился своего, наконец-таки сбил преследователей со следа. Каждый раз выходя на

новую улочку и не видя вокруг никакого красного автомобиля, он радовался своей находчивости, тому, что удалось провести преследователей. Свернув за очередной угол и выйдя на новую улицу, Осман вдруг остановился. Он не ставил перед собой такой цели, но ноги сами привели Османа к этому хорошо ему знакомому дому. Он стоял в двух шагах от дома, куда некогда приходил чуть ли не каждый день, но чей порог в последние два года не переступал ни разу. Дом секретарши.

Секретаршу звали Алия, но все называли ее Аллой. А сотрудники редакции отчего-то Секретаршей. Она устроилась на работу в качестве секретарши, но затем стала работать редактором.

Как-то вечером, точнее, ночью и Осман, и Алла оказались дежурными по номеру. Сдав в полночь, в десять минут первого номер, они вышли из редакции вместе. Осман проводил Аллу до дому. Проехав две станции метро, они вышли и по пути беседовали о всякой всячине – о работе, коллегах, погоде.

Моросил дождик.

Они работали с Аллой уже год, но до сих пор ни разу близко не общались. Но сейчас, беседуя по пути о самом разном, оба догадывались: эту ночь проведут вместе. Алла и сама много времени спустя в том призналась.

Алла была молода, красива и маняща. Проживала одна. Осман тоже был холост. И в ту пору, конечно же, был моложе.

Кто первым дал намек, знак, сделал приглашение? Алла ли пригласила Османа зайти на чашку чая; Осман ли попросил у секретарши спички, прекрасно понимая, что спички у нее только в квартире? Или случилось и то, и другое, что показалось вполне естественным. А потом, когда поднялись к ней, и он, и она сказали, что уже поздно, метро закрыто.

Он впервые видел квартиру секретарши. Там и провел ночь.

Их отношения, длящиеся около трех лет, подходили к концу, они несколько устали друг от друга. Может, поэтому секретарша, заранее предвидя такой исход, сменила работу. А домашнего телефона у нее не имелось.

Но они успели остыть друг от друга еще до ухода Аллы. Не встречались уже несколько недель. Спустя полмесяца после того, как секретарша покинула редакцию, Осман взял и заявился у ее порога.

У Аллы были гости – новые коллеги-подружки. Она встретила Османа холодно. Осман посидел немного и ушел. Спустя неделю пришел снова, но Аллы дома не оказалось. Затем пришел еще раз, ее снова не оказалось. А потом вовсе перестал.

Это расставание Османа не огорчало и не мучило. Он за долгие годы привык к одиночеству. Одиночество его не тяготило. А когда хотелось близости – случались и такие дни, – он звонил какой-нибудь давнишней подруге, они встречались на час-другой либо у нее, либо у него, а потом разбегались, не созваниваясь месяцами. Именно такое вот общение устраивало обе стороны.

Повинуясь мгновенному импульсу, Осман прошел во двор и стал подниматься по еще живым в памяти ступенькам (на втором этаже одна ступенька сломана, следовало ступать осторожно) на третий этаж и, будто исчез этот промежуток в два года, нажал на звонок.

Послышались шаги.

– Кто там?

Осман назвался.

Дверь открылась.

– Ты? – изумленно взглянула Алла. – Какими судьбами?

Осман сказал, что проходил мимо и решил ее проведать...

Они всё еще стояли в дверях. Наконец, Алла пригласила Османа войти.

– Проходи, – сказала она, – но, прости, тут немного не убрано. Не знала, что будут гости.

Комната выглядела странно. Совсем пустая, без мебели. Из прежнего только зеркало на стене. На месте снятых со стен фотографий торчат гвозди. На обоях иного оттенка квадраты – там раньше висели фотографии. В углу комнаты книги в картонных коробках. Кипа таких же книг, журналов, газет перед окном, на полу.

Зеркало вызвало в памяти Османа кое-какие сцены, и Алла это заметила, поняла, какие чувственные сцены он воскрешает в своем сознании: им нравилось порой заниматься любовью перед зеркалом. Осман отвел взгляд от зеркала и еще раз окинул взором комнату. Небольшой прямоугольник на поверхности пола тоже иного оттенка. Тут стояла кровать.

Их кровать.

Ложе испытанного некогда и теперь ушедшего наслаждения. Осману даже почудился скрип кровати. Неумолчный скрип кровати под тяжестью их крупных тел,двигающихся без остановки...

– Попрощаться пришел? – спросила Алла.

– Попрощаться? – не понял он. – Разве переезжаешь?

Алла кивнула.

– В другую квартиру?

– В другую страну.

Осман некоторое время пристально глядел на Аллу. Время, конечно же, проделало свою работу. Алла выглядела по-прежнему привлекательно, но лицо уже не то.

– Куда едешь?

– Далеко, – слегка улыбнулась Алла. – На другой континент. За океан.

Только сейчас Осман припомнил, что мать Аллы еврейка, у нее в Америке родственники, тетя или дядя...

– Когда?

– Послезавтра. Я продала все вещи. Сегодня унесли и кровать. Сегодня придется спать на полу.

– А книги?

– Тоже, завтра заберут... Погоди, – вдруг спохватилась Алла, – всё еще остались чайник и стаканы. Сейчас налью тебе чай.

– Не хочу, – сказал Осман.

Но Алла уже прошла на кухню.

Осман подошел к зеркалу и долго смотрел на себя. Складывалось впечатление, что волосы не поседели, а покрылись плесенью.

Осман снимал с кипы одну книгу за другой, листал, возвращал на место. Тут среди старых энциклопедий, собраний сочинений, словарей, относящихся к самым разным сферам, были и раритеты, редчайшие экземпляры. В большинстве книг карандашные пометки по краям, краткие заметки. Некоторые слова, фразы и предложения подчеркнуты. Порой встречались вопросительные и восклицательные знаки.

Алла принесла из кухни две табуретки. На одну поставила стакан с чаем и сахарницу. Вторую протянула Осману.

– Садись.

– Оказывается, у тебя такая богатая библиотека. Даже не знал.

– От мамы с папой. Да я и сама что-то прикупала. Но основная часть их.

– Почему же я до сих пор не обращал внимания? Где ты это всё прятала?

Алла горько усмехнулась:

– А на что ты обращал внимание?! Как только переступал порог, набрасывался на меня и тащил в постель. А потом, получив свое и успокоившись, только и делал, что поглядывал на часы. И, чтобы спасти положение, я говорила: «Ты, кажется, спешишь, у тебя срочные дела». А ты тут же соглашался: «Да, очень срочное дело, надо идти». И тут же убегал.

И вправду, всё случалось именно так, как говорила Секретарша – Алла. Они обсуждали это и раньше, и именно эти упреки стали одной из причин их расставания.

Не желая возвращаться ко всем этим жалобам и упрекам, Осман сменил тему.

– Эти заметки делал твой отец?

– И отец, и мама. Во всяком случае, не мои, – улыбнулась Алла и добавила, – я не столь умна и образованна.

– Отец знал и английский?

– Английский, немецкий, фарси. Я еще не говорю о нашем родном языке и русском.

– Кому ты оставляешь все эти книги?

– Никому, всё продала.

– Продала? Кому?

– Разным людям. Одних интересуют одни книги, других – другие...

– Не жалко? Все эти заметки твоих родителей, их мысли...

– Что поделаешь? Они умерли. Умерли и мои родители, и книги...

– Книги тоже умирают?

– Конечно.

– Растолкуй-ка.

– Нечего тут растолковывать. Всё и так ясно. Когда умирают владельцы книг, то есть те, кто их покупал, собирал, читал, проводил с ними время, думал о них, записывал мысли по поводу прочитанного или просто делал заметки, так вот, когда они умирают – они забирают с собой свои любимые книги. То есть умирают и книги. А то, что оказывается в руках новых владельцев, это совсем другие книги. Только внешне те же.

Осман отпил глоток чаю и посмотрел на Аллу, на ту секретаршу, с которой был знаком годами, но так и не узнал.

– Я люблю читать и думать о книгах, – сказала Алла. – Не только об их содержании, но в целом о книгах. Большинство этих книг находятся вместе уже лет шестьдесят. Живут в одном и том же доме. Они соседствовали на полках. Пригрелись. Порой мне казалось, герои этих книг по ночам ходят друг к другу в гости, беседуют, занимаются любовью, ссорятся и мирятся. Точь-в-точь, как мы с тобой.

– Мы не ссорились, чтобы мириться...

– Да, конечно. Эти книги были одной семьей. Теперь они разлучаются, семья распадается. Завтра они окажутся в чужих квартирах, в чужих руках. Больше ни разу не встретятся, – Алла вдруг смолкла, затем добавила, – как мы с тобой.

Он теперь впервые видел женщину, которую все звали Секретаршей, впервые видел Аллу.

– Вот ты какая, – сказал Осман. – Почему ты не говорила мне всего этого раньше?

– Да разве ты давал хоть слова вставить... Как только заходил, тут же набрасывался на меня, а потом...

– Ладно, не начинай...

– Но ведь так и было... на работе всё официально – то отнеси, сё принеси. А дома... у меня ты задыхался, не мог продохнуть, а потом... зевал...

Нависла тишина, затем Алла сказала:

– Я порой вспоминала нашу первую ночь. Как в полночь мы вышли с работы, ты меня провожал... моросил дождь...

Все эти детали и не вспоминались Осману, когда он случайно – случайно ли? – забрел сюда. Но теперь от всех этих воспоминаний, которые Алла вольно или невольно пробуждала, он чуть с ума не сходил и думал: они с Секретаршей никогда не занимались любовью вот так на полу, среди разбросанных книг и журналов.

Он встал, попытался обнять Аллу. Та мягко, но решительно отвела его руку.

– Не надо. Ничего не вернешь, – сказала Алла и умолкла, затем продолжила. – Я в последнее время редко тебя вспоминала, ты мне даже не снился. И звонить тебе мне не хотелось. Но пронеслось мельком желание повидаться с тобой напоследок, перед тем, как я уеду навсегда. Сердце меня не обмануло. Вот ты и пришел сам. Неужели не слышал, что я уезжаю?

– Нет, ей-богу. Я пришел абсолютно случайно. Правда, есть кое-что...

– Что?

Ему захотелось поведать о красном автомобиле, но потом передумал. Да и что тут рассказывать? Что он мог объяснить? Сегодня он видел раза три-четыре один и тот же автомобиль в разных частях города. И что? Видел так видел...

К тому же Алла находилась отныне далеко-далеко, не здесь, не в этой комнате, не в этом городе. Будто ее голос исходил из другого мира...

Осман думал о плоти Аллы, каждый выступ и впадину которой хорошо помнили его руки, и думал еще о том, что, зная близко это тело, совсем не знал эту душу.

Дикое желание охватило Османа: разбить вдребезги это зеркало, хранящее воспоминания, чтобы оно больше никому не досталось. Но тут же вспомнил: разбитое зеркало к беде. Ни Алле, ни себе он не желал несчастья. Наверно, она продала и это зеркало, свидетеля их любви, и завтра за ним зайдет покупатель. И, может, в какой-то иной квартире найдется пара, которой тоже нравится заниматься любовью перед зеркалом. Отныне каждая минута в этой опустевшей, молчаливой комнате казалась Осману пыткой. Было высказано всё, что на душе, пора уходить.

– Счастливого пути, – повторил Осман, – пусть твоя жизнь там удачно сложится. – Затем добавил. – Может, когда-нибудь где-нибудь еще встретимся.

Хотя оба знали: они больше никогда и нигде не встретятся.

Открылась дверь. Осман торопливо поцеловал Аллу в лоб и стал спешно спускаться по лестнице. На сломанной ступеньке второго этажа подвернул ногу и чуть не скатился кубарем. Обернулся. Алла всё еще стояла в дверях и махала рукой. Никаких слез в глазах. Она улыбалась.

Как только немного прошла боль в ступне, Осман стал медленно спускаться дальше. Услышал звук со скрипом захлопнутой двери. Скрип двери напомнил скрип кровати, и Осман в этот миг всем своим существом ощутил: они простились навсегда. Понял и то, что Алла – Секретарша была единственным и последним близким его человеком в этом мире, хоть они и не встречались годами.

Ему захотелось вернуться, высказать Секретарше все свои тревоги и страхи.

«Не уходи, не переезжай, – хотелось ему сказать. – Давай поженимся, станем жить вместе, – хотелось ему сказать, – или хотя бы проведем эту ночь вместе, подложим под себя книги, укроемся газетами, обнимемся, спрячемся от мира».

Но это было невозможно, он и сам знал. Всё подошло к концу, и точка. Больше ничего не изменишь. От судьбы не убежишь.

Прихрамывая, он добрался до первого этажа, вышел на улицу. И сама эта улица, куда он приходил годами, стала иной, чуждой...

Только облака те же. Привычные облака проливались привычным дождем.

Дождь лил не с неба, не с облаков, а из Минувшего.

«Завтра надо посоветоваться с Михаилом по поводу новой работы», – подумал Осман. Он сошел с тротуара, собираясь перейти улицу, и именно в эту секунду из поворота выскочил на скорости красный лимузин, подмял Османа под колеса и долго тащил, пока колеса не уперлись в асфальт.

**22-27 августа 1991г., Баку. Апрель 2007г., Баку.
1-5 июля 2023г., дом творчества «Шабран»**

ПАМЯТЬ

МАХИР ГАМЗАЕВ

ВИНЦАС КРЕВЕ – ПИСАТЕЛЬ, ДИПЛОМАТ И ГУМАНИСТ

В марте 2024 года исполняется 105 лет со дня учреждения и начала деятельности консульства Литовского государства в независимой Азербайджанской Республике (1918-1920). Тогда – 26 марта 1919 года – консулом Литвы в Баку был назначен выдающийся классик литовской литературы, прозаик, драматург и ученый, именитый общественно-политический и культурный деятель Винцас Креве-Мицкявичюс (1882–1954). Представляем вам неизвестные и уникальные факты из консульской деятельности Винцаса Креве в Баку.

Педагог, ориенталист и политик

Прежде всего следует отметить, что самый активный и плодотворный период жизни и деятельности В. Креве связан с Азербайджаном (1909–1920 гг.). После окончания Киевского Императорского университета он в конце августа 1909 г. прибыл в Баку, где с нового 1909-1910 учебного года стал преподавать в 1-м Бакинском реальном училище русский язык и литературу. В Азербайджане Винцас Креве был известен под русифицированным именем и отчеством – Викентий Иосифович Мицкевич (*Креве – его литературный псевдоним – М.Г.*).

Период наивысшего творческого подъема В. Креве также пережил в Баку, и здесь он создал наиболее весомые художественные произведения, которые до сих пор занимают значительное место в сокровищнице как литовской, так и мировой литературы. Здесь он ближе познакомился с древней историей Азербайджана, с его богатейшей литературой и уникальной культурой, углубился в мир восточной философии, серьезно увлекался религиозными концепциями древней Индии – индуизмом и буддизмом, а в смысле ислама и в сурах Корана искал ответы на волновавшие его кардинальные вопросы бытия, также исследовал извечный вопрос о прародине индоевропейцев, изучал фольклор и этнокультуру Кавказских народов. Тем самым В. Креве в Баку стал блестящим знатоком религий, истории, философии, фольклора и литературы Востока.

Все это нашло свое потрясающее художественное отражение в творчестве писателя, в его произведениях из цикла «Восточные сказки»: «Пратьекабудда», «Страна Азерстан», «Женщина», «Противоборствующие силы», «Кувшин, в котором король хранил свое лучшее вино», а также в легенде «Песня об орле». Роман-эпопею «Сыны неба и земли» (не окончен) он посвятил осмыслению различных религиозных и философских учений, истории христианства, интерпретации библейских сюжетов.

Учитель 1-ой Бакинской реальной школы Викентий Иосифович Мицкевич (Винцас Креве). г.Баку, 1914 год. (Фото из архива Института литовской литературы и фольклора).

В.Креве своей ориентальной прозой, тематикой и восточным колоритом произведений, оригинальными образами, новым стилем философского мышления в значительной степени обогатил литовскую национальную литературу. Его «*ориентальная проза интересна ещё и тем, что является своего рода ключом к другим творениям Креве*» («История литовской литературы». Вильнюс, изд. «Vaga», 1977, стр. 362).

Незаурядный талант В. Креве, его потрясающая эрудиция и многогранная творческая деятельность вызывали восхищение у людей разных национальностей и самых разных убеждений и во многом определяли литературный климат Литвы тех лет.

Один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века, поэт-символист, переводчик и эссеист Константин Бальмонт (1867–1942) так писал о литовском писателе в своих письмах, адресованных Винцасу Креве в 1929–1931 годах:

«...Я очень люблю Ваше творчество и что Вы более, чем кто-либо из литовских писателей, дали мне почувствовать всю силу, нежность, красоту и многозвучное разнообразие литовского языка...»

...Приветствую в Вас художника, проникшего в душу древней и теперешней Литвы, создателя лучшей литовской поэтической прозы, какую довелось мне читать. Великое искусство художника (...) заключается в том, что лица, им созданные, возникают в воображении читателя как живые, их видишь, их любишь или ненавидишь, с ними проходишь их путь, с ними волнуешься, о них беспокоишься. Этим даром Вы владеете в степени чрезвычайной, – и спасибо Вам, что Вы даете мне радость быть моею мыслью в Литве...»

Для тех, кто с личностью В. Креве знаком поверхностно, на самом деле он является всего лишь почетным реликтом прошлого – классиком литературы с некоторыми противоречивыми политическими заявлениями и действиями. Но ситуация в корне меняется, стоит только ближе прикоснуться к этой масштабной и драматической личности.

Один из выдающихся поэтов литовской эмиграции XX века, студент Винцаса Креве (но отнюдь не апологет своего преподавателя-профессора) Альфонсас Ника-Нилюнас (1919-2015) на известие о смерти В. Креве 7 июля 1954 года в своем дневнике сделал следующую запись: *«...Первое ощущение от этой вести – как если бы умер река Нямунас, Вильнюсский кафедральный собор или гора Шатрийос: столь глубоко он укоренился в моем сознании. С самого детства, в первых словах и в первых книгах, дома и в школе, – везде был Креве...»*

По-видимому, и сегодня многие литовцы могли бы сказать о В. Креве то же самое. Кто не помнит его «Предания Дайнавской старины», драматическую эпопею «Шарунас», пьесу «Скиргайла», легенды «Могила великана» или «Песнь об орле»? Кто только не черпал вдохновения из его романтических историй о прошлом народа и страны. Творчество В. Креве всегда уподоблялось стремительному вихрю, призывающему не успокаиваться на достигнутом, стремиться к новым вершинам, мечтать...

Этим ветром всегда были наполнены паруса и самого писателя. Правда, такие ветры нередко заносили В. Креве к опасным берегам или даже на рифы, но это уже другой вопрос. В особенности это касается противоречивой и неуёмной склонности В. Креве ввязываться в политику, которая, мягко говоря, его призванием не была. Именно в такие мгновения писатель, не имея надежного компаса, путался в своих траекториях и нередко принимал решения, которые могли быть губительными не только для его репутации, но и для жизни.

Следует отметить, что из Бакинского периода жизни В. Креве так же важен и интересен отрезок его политической деятельности (1917–1918). Ведь в политическую деятельность В. Креве втянулся именно в годы жизни в Баку. Здесь он в 1917 г. после Февральской революции в России сблизился с местными эсерами. 6 марта 1917 г. на общем собрании учителей г. Баку и его районов был избран представителем в Союз общественных организаций г. Баку. В том же месяце 1917 г. был избран руководите-

лем Союза учителей гор. Баку и его районов и был делегирован в Бакинский исполнительный комитет общественных организаций. 29 октября 1917 года по списку партии эсеров был избран гласным Бакинской городской думы и до 20 апреля 1918 года принадлежал фракции эсеров в городском Совете и Думе.

Менее известна и только фрагментарно исследована его политическая деятельность в Баку. Но сегодня речь пойдет не о политической деятельности В. Креве. На этот раз коснемся дипломатической службы писателя в Азербайджане (1919–1920), длившейся около полутора лет, о которой почти ничего не известно. Листая до сих пор нигде не обнаруженные документы в архивах Азербайджана и Литвы, убедимся, что этот отрезок его жизни до сих пор овеян любопытными и важными фактами, в том числе и тайнами.

Консул и праведник

В издании «Литовский альбом», изданном в 1921 г. в Каунасе, литовский писатель Людас Гира (1884-1946) упоминает, что В. Креве, находясь в Азербайджане, *«немало помог нашим соотечественникам, забравшимся в эту далекую страну, выдавая им паспорта Литвы, которые в Азербайджанской Республике всё же давали некоторые гарантии, спасал попавших в тюрьму и т. п.»*. Это едва ли не единственное свидетельство о малоизвестной консульской деятельности В. Креве.

Кое-что о консульской деятельности В. Креве в Баку можно найти в датированном 1958 г. рукописном труде юриста и историка культуры межвоенного периода Литвы Зигмаса Толюшиса (1889-1971) «Винцас Креве: материал для биографии».

Автор цитирует следующие слова известного политического деятеля, одного из лидеров Бакинского комитета Российской партии народной свободы (кадетов) и Бакинского Русского национального совета, члена Бакинской городской думы Михаила Флоровича Подшибякина (1884-1963): *«Креве человеком был своеобразным; он не чурался средств, когда требовалось сделать доброе дело. Он был смел и смыслён, когда требовалось спасти людей, которым грозили арест или расстрел, Креве выдавал фиктивные свидетельства о гражданстве Литвы, с которыми те люди могли добраться до более безопасного места»*.

К слову сказать, и сам М. Подшибякин, с 1920 г. известный в Литве под фамилией Миколаша Баниявичюса, после захвата большевиками Азербайджана едва успел бежать в Каунас по выданному В. Креве фиктивному литовскому паспорту.

Как видим, свидетельства весьма скудные и документально не подтвержденные, но даже из них складывается впечатление, что консул Литвы в Баку В. Креве спасал людей от красного террора, чем сильно рисковал.

В жизни люди нередко подвергаются испытаниям на смелость и порядочность. Но только немногим удастся такие испытания преодолеть, достичь высот и величия на первый взгляд простыми действиями, в которых проявляется уважение и любовь к человечеству. История мировой дипломатии помнит немало таких величественных поступков, совершенных дипломатами различных стран в годы Второй мировой войны. Консул Японии в Каунасе Тиунэ Сугихара (1900-1986), дипломат Швеции в Будапеште Рауль Густав Валленберг (1912-1947), дипломат Турции на острове Родос Селахаттин Улькумен (1914-2003), консул Португалии в Бордо Аристидеш де Соуза Мендеш (1885-1954), генеральный консул Испании в Венгрии Джорджо Перласка (1910-1992) и множество других, в то время рискуя своей жизнью, спасли тысячи евреев от расстрела и нацистских лагерей (к примеру, Р. Валленберг после того, как Красная армия заняла Венгрию, был схвачен и замучен на Лубянке).

В истории мировой дипломатии мы не найдем сведений о том, как В. Креве спасал людей от красного террора. Но в захваченном большевиками Баку писатель, покоряясь голосу своего сердца и совести, не остался равнодушным к царящему

повсеместно насилию и вступил в незримую борьбу с властью большевиков. Это также было тяжелейшим испытанием человечности, ничем не уступающим уже упомянутым фактам. Существенная разница в том лишь, что В. Креве помогал не только евреям, но людям разных национальностей и политических взглядов, и даже своим оппонентам.

В независимом Азербайджане в 1918–1920 годах действовали представительства шестнадцати зарубежных государств. В то время большинство из них выдавали своим гражданам паспорта и легализовали различные документы. Их выдавали даже действовавшие тогда в Баку национальные сообщества. К примеру, Эстония и Латвия в независимом Азербайджане своих дипломатических представительств не имели, но выдачей эстонцам и латышам паспортов и легализацией документов в Баку занимались национальные советы латышей и эстонцев. Выполнение такой работы входило в обязанности консула Литвы В. Креве. Однако он был единственным дипломатическим представителем зарубежного государства, который, в нарушение официальных инструкций, выдавал фиктивные документы о происхождении тем лицам, кому угрожали смерть или невыносимые мучения. А мощь и жестокость большевистской машины репрессий ничем не уступали действовавшей в 1939–1945 годах нацистской системе лагерей смерти.

В. Креве тогда во имя спасения человека доказал свою способность самопожертвования, готовность пожертвовать своей карьерой, перечеркнуть надежды на будущее. Тогдашняя его деятельность – это пример храбрости, великодушия, доброты и любви к человечеству.

А фиктивные свидетельства и паспорта о гражданстве Литвы, выданные в ту пору В. Креве людям разных национальностей, в действительности стали их визами на жизнь...

Невзирая на свои политические предпочтения или открыто демонстрируемое отношение к некоторым национальностям, в жизни В. Креве остался тем, кем он был и в своем творчестве – великим гуманистом.

Мосты через пламя войны

Необходимость учреждения консульства Литвы в Баку в начале 1919г. была вызвана потребностью поддержания более тесных связей с независимой Азербайджанской Демократической Республикой и взаимодействием на Парижской мирной конференции с другими провозгласившими свою независимость бывшими окраинами Российской империи на пути к международному признанию. Но не менее важной являлась защита интересов граждан Литвы, которые проживали на территории Азербайджана.

Судя по различным архивным документам, на тот момент в Азербайджане могли проживать несколько тысяч выходцев из Литвы, а немалую их часть составляли военные беженцы из Литвы времен Первой мировой войны и демобилизованные военнотружущие литовцы с Кавказского (русско-турецкого) фронта. Большинство из них после провозглашения независимости Литвы намеревались вернуться на родину. Помочь им в этом и была одна из основных задач консула В. Креве.

Но осуществить эту задачу было весьма затруднительно, поскольку два независимых государства в 1918–1920 годах были разъединены пламенем гражданской войны в России. На консула Литвы пришелся тяжкий труд и бремя ответственности за желающих вернуться домой соотечественников.

Свидетельством тому является написанное В. Креве в декабре 1919 года и адресованное министру иностранных дел Литвы Аугустинасу Вольдемарасу (1883-1942) официальное письмо за № 372 следующего содержания:

«Министру чужестранных дел.

Настоящим доводим до Вашего сведения, что в Закавказье остается множество граждан Литвы, в их числе немало интеллигенции; в одном только Баку проживают несколько литовских офицеров, один полковник, четыре военных врача и т. д. Дороговизна поездки не позволяет им и помышлять о возвращении в ближайшее время из этой страны на родину.

Большинство из них были вынуждены здесь остаться после демобилизации с турецкого фронта. Все они удручены чрезвычайно отсутствием известий с родины.

Настоящим ходатайствуем о Вашем, Глубокоуважаемый Министр, содействии всем тем гражданам Литвы, которые через подателя сего изъявляют желание переслать известия в Закавказье, чтобы они могли это сделать».

Проживавшим в Азербайджане литовцам было не только сложно вернуться на родину, но даже послать о себе весточку оставшимся на родине родным – никакого прямого почтового сообщения между Азербайджаном и Литвой не было. Консул Литвы взялся решить и эту проблему. 13 ноября 1919 года в газете «Азербайджан» было напечатано обращение консульства Литвы к местным литовцам. В нем сообщалось, что желающим отправить письма на родину надлежит принести их в консульство, откуда специальный посланник через Францию доставит корреспонденцию в Литву.

Несколькими днями позже – 18 ноября 1919 года – в газетах появилось сообщение, что проживающие на территории Азербайджана литовцы воспользоваться правами граждан Литвы могут только в случае наличия у них действительного заграничного паспорта Литовской Республики.

На тот момент никто еще не мог и предположить, что всего через каких-то полгода литовские паспорта или документы происхождения станут билетами в жизнь для сотен людей. И не только для литовцев.

Безопасно вернуться домой литовцы могли разве что окружными путями – через Грузию до Батуми, оттуда – на корабле до Константинополя, а затем – через Западную Европу. Судя по документам тех лет, консульство Литвы уповало на помощь действовавшей в Азербайджане британской миссии. В государственной газете «Азербайджан» за 27 марта 1919 года наряду с сообщением об учреждении консульства Литвы указывается, что отправка домой желающих вернуться на родину граждан Литвы будет начата в конце мая или начале июня:

«Организовать отpravку надеемся с помощью английских властей. Если к тому времени в Украине не воцарится мир, дипломатическое представительство Литвы надеется, что удастся организовать путешествие в Литву окружным путем через Европу и высадиться в Либаве» (в Лиепае – М.Г.).

К сожалению, это начинание успехом не увенчалось: позднее в конце 1919 года в письме другу Людасу Гире В. Креве жаловался:

«...Англичане обещали отвезти, но до сих пор не вывезли, просто, как они поступают всегда и везде, обманули. Сейчас в ожидании, что откроется путь через Беларусь. Окружным путем через Европу ехать не можем, слишком дорого, дорога обходится в 1000 франков, а здесь один франк стоит 20 ср.» (ср. – скорее всего, автор письма имел в виду серебряные рубли царской России – М.Г.).

Инвазия большевиков

К сожалению, независимое Азербайджанское государство просуществовало только 23 месяца.

Ворвавшиеся в ночь на 28 апреля 1920 года в Баку части 11 Красной армии помогли большевикам свергнуть парламент и правительство страны. На штыках большевиков была принесена новая власть – Военно-революционный комитет.

Сам В. Креве в документально-политическом очерке «Большевики», напечатанном в Каунасе на литовском языке в трех номерах культурно-политической газеты «Народ» за июль-август 1920 года, эти трагические для Азербайджана дни вспоминает так:

«...Первыми шагами ново организованного ревкома, в который вошли только местные большевики татары (азербайджанцы – М.Г.), была отправленная в Москву Ленину телеграмма, в которой они лживо заявили, что местный народ, взявший Баку без боя в свои руки, приветствует его и Троцкого как своих вождей. Поскольку существует опасность пробуждения в красном Азербайджане контрреволюции, они призывают братскую русскую Красную армию, которая до сих пор боролась за свободу и счастье всех трудящихся, прибыть в Азербайджан и помочь им свернуть шею контрреволюционной гидры.

Телеграмма дана была в тот момент, когда русское войско свергло местную власть, но она была необходима Москве с дипломатической точки зрения, дабы показать миру, что не сами русские большевики прибыли в Баку, а по призыву местного населения и трудящихся.

В тот же день были арестованы польская, английская, французская, грузинская и итальянская миссии, которые не ожидали ничего подобного со стороны большевиков и не успели покинуть Баку. Намеревались арестовать и полномочное лицо Латвии, но тот успел скрыться; его так и не нашли.

В тот же день были арестованы и видные русские, еврейские и армянские деятели, арестованы все члены и председатели различных национальных комитетов. Арестованы были даже комитет социалистов-революционеров и вся редакция их партийной газеты «Знамя труда», несмотря на то, что она уже давно признала советский порядок и не скрывала, что именно такого порядка желает для Азербайджана. Арестованы были и все видные социал-демократы.

«Чрезвычайка», сформированная из местной шпаны в возрасте 18-20 лет, а то и еще моложе, арестовала всех, кого только могла, и бросала всех в тюрьму. Никаким иным образом революционная власть в тот день себя не проявила...»

Как видим из очерка В. Креве, дипломатическая неприкосновенность для большевиков ничего не значила. Но консульство Литвы, в отличие от консульств Англии, Франции, Польши, Украины, Грузии или дипломатических представительств некоторых других государств, закрыто не было, и самого В. Креве участники переворота не тронули. Это кажется тем более странным, зная, что после переворота был схвачен весь комитет партии эсеров города Баку. Более того, бежать или скрываться В. Креве, в отличие от дипломатов других стран, даже не намеревался. Почему так случилось, расскажем в следующий раз...

Перед лицом насилия

А сейчас вернемся к нелегким будням консула Литвы. Большевики не были бы большевиками, не действовали бы своими классическими революционными методами и не займи они в первую очередь железнодорожный вокзал, почту и телеграф. Город Баку уже с первых дней переворота оказался изолирован от внешнего мира. Дипломатические представительства исключением не были.

Тогда В. Креве стал действовать и обороняться обычным оружием дипломата – нотами. Одним из важнейших условий нормальной работы консульства было восстановление телефонной связи с внешним миром. Поэтому в одной из первых нот консула – в ноте под № 361 от 3 мая 1920 года, адресованной только что учрежденному Народному комиссариату иностранных дел Азербайджанской ССР, литовский «консул ходатайствует «дать указание включить номер телефона консульства 4-37 в городскую сеть»».

В ноте за № 398 от 13 мая консул В. Креве просит Народный комиссариат *«дать возможность сообщить литовской дипломатической миссии в Тифлисе о положении граждан Литовской Республики в Азербайджанской Советской Республике»*.

На незавидное положение в Баку литовцев и других выходцев из Литвы указывает целая охапка нот, адресованных комиссариату в мае-июне 1920 г., в которых заявляются различные ходатайства, протесты и требования относительно граждан Литвы, попавших в мясорубку большевистских репрессий.

В части нот консул ходатайствует о том, чтобы не были реквизированы квартиры, малые предприятия, музыкальные инструменты, меховая одежда, сбережения, писчая бумага, домашние вещи и иное имущество граждан Литвы. К примеру, в ноте за № 367 от 8 мая В. Креве просит у Народного комиссариата *«дать распоряжение об отмене незаконной реквизиции квартиры гражданина Литвы Дембо»*. В ноте под № 400, датированной 14 мая, В. Креве обращается в комиссариат *«относительно ареста АзЧК гражданина Литвы Якова Штерлинга без ведома консульства»* и просит предоставить сведения о преступлении Я. Штерлинга, *«в связи с которым тот был заключен под стражу, а также сведения о предъявленных ему обвинениях»*. Аналогичная просьба консула Литвы изложена в ноте № 499 от 20 мая *«относительно причин ареста гражданина Литвы Абрама Миколаевского»*.

В те беспокойные дни права граждан Литвы, намеревавшихся вернуться на родину, попирались ежедневно. И тогда В. Креве делает смелый и беспрецедентный шаг – 5 июня он посылает ноту за № 710, в которой консул в достаточно жестком тоне подает жалобу на незаконные действия Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Азербайджанской ССР, который неоправданно не выдает гражданам Литвы разрешений на выезд из страны.

Не всем гражданам Литвы удалось вырваться

Как уже упоминалось, в то время в Азербайджане по различным причинам обосновалось немало литовцев. В годы независимости Азербайджанской Республики инспектором мореходной школы в Баку служил Винцас Каралюс, главным контролером Бакинского городского акцизного управления Министерства финансов Азербайджанской Республики был Доминикас Константинас Мацьявичюс, начальником железнодорожного управления Министерства путей сообщения был Альфонсас Вейсис. Также следует упомянуть заместителя заведующего бюро регулирования железнодорожных перевозок в том же министерстве Паулюса Вашкиса, уполномоченного сотрудника службы бухгалтерского учета на нефтепроводе Баку-Батуми Стяпонаса Аугулиса, члена Бакинского окружного суда Министерства юстиции Владислоvas Витартаса, заместителя прокурора Гянджинского окружного суда Йонаса Вальтиса, следователя Ленкоранского округа Юозаса Крукаускаса, врача-эпидемиолога Бакинской городской больницы Юргиса Венцкунаса и многих других. После учреждения в конце марта 1919 года в Баку консульства Литвы многим из них были выданы документы происхождения гражданина Литвы. Как явствует из архивных документов, в начале деятельности консульства в месяц выдавалось 10-15 литовских паспортов. К примеру, 25 августа 1919 года был выдан паспорт за № 43 родившемуся в 1871 году в Каунасской губернии Сигизмундасу Антанавичюсу, работавшему в городе Баку плотником. Позднее консульством в месяц в среднем выдавалось 40-50 литовских паспортов.

Но даже и получив документы, не все литовцы могли отправиться на родину. Путь через Советскую Россию был закрыт в связи с гражданской войной, а плыть в Литву окружным путем через Европу для многих было неподъемной роскошью. После того, как армия Антона Деникина (1872-1947) отступила с Кавказа, а в Баку ворвались части 11 Красной армии и в Азербайджане закрепился режим большевиков, чуть позднее сухопутный и морской путь через Россию в Литву стал возможен.

По нему на родину хлынули граждане разных стран: эстонцы, латыши, литовцы, финны и прочие. Образовавшиеся большие потоки реэмигрантов вызвали нехватку железнодорожных вагонов и мест на кораблях. Поэтому немало литовцев были вынуждены временно остаться в захваченном большевиками Азербайджане и работать там ради куска хлеба. Имели место случаи, когда литовцы юристы, медики, почтовые служащие, учителя, железнодорожники устраивались на работу в учреждения, которые в условиях военного положения считались военизированными структурами. Например, граждане Литвы Антанас Каупялис, Она Каупялите, братья Альфонсас и Владисловас Приляй, Владисловас Витартас, Людвика Даугелене, Казимира Пятраускене и другие работали в народных судах города Баку судьями, секретарями, писарями, курьерами и даже сторожами. А, к примеру, родившийся в 1870 году в Вильно медик Юлийонас Блажявичюс был принят на работу главврачом Военно-санитарного автотранспортного управления. Позднее гражданам Литвы, служившим в таких структурах власти, было чрезвычайно сложно уволиться с работы.

К примеру, в 1921 году консульство Литвы было вынуждено позаботиться о судьбе литовца Станисловаса Криштопайтиса в связи с тем, что он, устроившись в армию советского Азербайджана сапожником, позднее категорически отказался подчиниться законам и стать красноармейцем.

Постепенно ноты стали превращаться в протесты. Когда власть большевиков реквизировала аптеку гражданина Литвы Б. Беркмана с медикаментами и его личную квартиру, консульство Литвы в ноте за № 504 от 21 мая заявило протест в отношении таких действий и потребовало, чтобы *«были сняты печати о наложении ареста на это имущество»*. В ноте за № 598 от 25 мая консул В. Креве требует *«остановить реквизицию имущества граждан Литвы и гарантировать неприкосновенность прав граждан Литвы»*. В тот же день консул в ноте за № 599 требует *«отозвать реквизицию аптеки и товаров гражданина Литвы Менделя Вейнבלата»*. Согласно документам, провизор М. Вейнблат родился в 1869 году в Каунасе, несмотря на то, что долгое время жил в Азербайджане, литовский язык не забыл и считал себя настоящим литваком и потомком Великого Княжества Литовского. То же можно сказать и о других проживавших в Баку евреях Литвы: о родившемся в 1886 г. в Каунасской губернии инженер-химике Ефиме Абрамсоне, о родившемся в 1893 г. в Радвилишкисе враче Маркусе Гинзбурге, об уроженце Вильнюса провизоре Бере Беркмане 1862 года рождения, об уроженце города Шяуляй враче Гавриле Сегале 1874 года рождения и о сотнях других литваков.

Но В. Креве не ограничивался только жесткими нотами. Из закипевшего в Азербайджане большевистского ада пыталось вырваться множество людей, среди которых были не только граждане Литвы. Консул Литвы не мог остаться глухим к их мольбам о помощи, поэтому вскоре пошел на подвиги, из-за которых и сам мог сильно пострадать. Как уже упоминалось в начале этой статьи, дипломат стал выдавать фиктивные документы о литовском происхождении невинным людям, у которых с Литвой ничего общего не было, единственно для того, чтобы они могли покинуть Азербайджан и направиться в более безопасное место. И люди эти далеко не всегда были друзьями или единомышленниками В. Креве.

В. Креве выдавал им документы о литовском происхождении, не обращая внимания ни на национальность, ни на политические взгляды, ни на социальное положение. По возможности, он помогал всем: будь это его коллега, уклонявшийся от службы в большевистской армии – учитель математики в Бакинском реальном училище из Эстонии Альфред Сипол, или адвокат Яков Бер Шнитке родом из Курляндской губернии, или государственный служащий Владимир Пенеженников, уроженец Сморгони Гродненской области, или высококвалифицированный польский юрист из Варшавы Чеслав Клосовский, или должностное лицо высокого ранга Борис Серебряков, из русского дворянского рода...

То же самое можно сказать и о литовских татарах из Вильнюсского края – должностных лицах высокого ранга братьях Ольгерде и Арслане Кричинских, Исмаиле Хурамовиче, Саре Хурамович, Джейран ханум Сулейманович, Юлии Фатиме Киясбековой, Марьям Байрашевской, Али Алибекове, Александре Полторжицком, Лейле Сулькевич, Константине Сулькевиче, Салех Тохтамыше и еще о многих других крымских, польских и литовских татарах, которые в 1918–1920 годах служили в Канцелярии правительства независимого Азербайджана, в структурах Министерства иностранных дел, Министерства юстиции, Министерства обороны страны, в военных частях, в прокуратурах и судах, а также в других государственных органах и учреждениях.

Несмотря на то, что большинство из них в силу тогдашних геополитических причин до того близко общались не с В. Креве, а с консулом Польши в Азербайджане Стефаном Рыльским, часто участвовали в официальных мероприятиях и праздничных приемах в польском представительстве, а когда с вторжением большевиков для них наступили тяжелые дни, они всё же посетили консульство Литвы. Несмотря на свое отношение к оккупировавшей Вильнюсский край Польше, консул Литвы не только не оттолкнул татар-полонофилов, но и протянул им руку помощи. Если бы не этот благородный жест В. Креве, большинство литовских татар, трудившихся на поприще создания независимого Азербайджана, повторили бы судьбу их соотечественника генерала, начальника штаба армии Азербайджанской Республики Мацея Сулькевича, 15 мая 1920 года расстрелянного большевиками в Баку. Тогда как вице-министр юстиции независимого Азербайджана Ольгерд Кричинский (1884-1942) по выданному В. Креве литовскому паспорту через Европу успешно добрался до Литвы.

Увы, 15 февраля 1941 года О. Кричински был схвачен НКВД в Вильнюсе. Сразу же после начала войны – вечером 23 июня 1941 г. – его вместе с другими заключёнными из вильнюсской тюрьмы эвакуировали вглубь СССР, а 2 июня 1942 года он за то, что служил на руководящих должностях в системе органов прокуратуры Азербайджанской Республики, был расстрелян в тюрьме города Горький.

В. Креве спас и его младшего брата – известного деятеля литовских татар, директора канцелярии Правительства независимого Азербайджана, начальника Особого отдела Управления делами правительства и редактора издания «Правительственные вести» Арслана (Леона) Кричинского (1887-1939). Он выдал А. Кричинскому документы о литовском происхождении на имя Олешкевича-Кричинского, занес его в список работников консульства Литвы и 25 июня 1920 года создал условия, чтобы он вместе с группой других деятелей, представлявших опасность для режима большевиков, под прикрытием дипломатического иммунитета, смог вырваться из погрязнувшего в насилии Баку. Эта группа примерно из 15 лиц была сформирована из видных деятелей и членов их семей. Среди них был и еще один литовский татарин вице-директор канцелярии МИД Азербайджанской Республики Константин Сулькевич (ему В. Креве выдал документы на имя Гузмана-Сулькевича), также литовец врач Юргис Венцкунас, уже упомянутый М. Подшибякин-Банявичюс с женой Апполиinarieй Исаевной (ее имя и отчество в литовских документах также были изменены), А. Мажонас, И. Маурагас, Ф. Опульский и другие спасенные. К слову сказать, в состав этой группы вошел и сам В. Креве, и члены его семьи.

Тысячи спасенных судеб

В. Креве после апрельского переворота в Азербайджане еще около двух месяцев в условиях красного террора продолжал исполнять обязанности консула.

Литовские архивные источники, связанные с деятельностью Литовского представительства в Баку – в частности, нумерация исходящих документов консульства, свидетельствует, что В. Креве за этот период более 400 раз официально обращался в самые разные инстанции.

Немалую часть этих обращений составляли дипломатические ноты, адресованные в Народный комиссариат иностранных дел и другие инстанции Азербайджанской ССР, и почти все они были связаны с защитой законных интересов граждан Литвы, проживающих в Азербайджане.

Убедившись, что «война нот» с большевистской властью Азербайджана становится опасной для жизни, В. Креве вместе с семьей в конце июня 1920 года из Баку через Москву отправился в Литву, а должность консула передал своему свояку, известному бакинскому общественно-политическому деятелю, кадетскому партийному активисту и врачу одонтологу Михаилу Дмитриевичу Марковскому.

Как явствует из архивных документов, группа граждан Литвы под руководством В. Креве прибыла в столицу Советской России 2 июля 1920 г. В тот же день группа обратилась в Народный комиссариат иностранных дел Советской России о выдаче транзитной визы для поездки в Литву.

14 июля 1920 г. литовское телеграфное агентство ELTA сообщило, что *«Винцас Креве-Мицкявичюс, известный литовский писатель, наш бывший консул в городе Баку, в Закавказье, сегодня из Риги прибывает в Каунас, вместе с ним на поезде прибывают и несколько членов его консульского персонала».*

Литовское консульство в Баку было для В. Креве чем-то вроде младенца, творения, созданного усилиями писателя. 28 августа 1922 года усилиями компартии и ЧК советского Азербайджана при участии Сергея Кирова, Лаврентия Берии и его подручного Владимира Деканозова консульство было безжалостно уничтожено.

В. Креве, на тот момент уже находившийся в Каунасе, очень болезненно переживал связанные с консульством события. Утешиться он мог лишь тем, что за весь период работы дипломатического представительства с марта 1919 года по август 1922-го консульство Литвы в Азербайджане выполнило грандиозный и важный труд, в первую очередь связанный с защитой прав граждан Литвы и с их возвращением на родину. Такая деятельность консульства за упомянутый период предоставила защиту Литовского государства тысячам человек. Большая их часть была эвакуирована в Литву и другие безопасные места. Судьбы людей были защищены от большевистских пуль, репрессий, арестов и пыток.

После захвата большевиками Азербайджана, только с мая 1920 года по июнь 1921 года *«консульством Литвы в Баку было выдано 687 паспортов Литвы и документов о литовском происхождении. В течение этого периода в Литву выехали около 400 человек. На тот момент на территории Азербайджанской ССР еще оставалось 607 граждан Литвы, 200 из которых тогда готовились к поездке в Литву».* Такие цифры приводятся в ноте № 297 литовского консульства от 24 июня 1921 года, которой дается ответ на запрос Народного комиссариата иностранных дел Азербайджанской ССР сообщить, сколько граждан Литвы проживает на территории республики.

Обобщая вышесказанное, нужно отметить, что благодаря заботе литовских консульств в Азербайджане и в Грузии, а также благодаря самоотверженному труду и неординарным решениям В. Креве, в 1918–1922 гг. в Литву вернулись более 10 тысяч разбросанных по различным уголкам Кавказа литовских ссыльных, экономических мигрантов, демобилизованных военнослужащих с Кавказского фронта, инвалидов войны, военных беженцев, насильственно выселенных из прифронтовых Сувальской, Гродненской, Ковенской и Виленской губерний, и ряд других выходцев.

Не вызывает сомнений, что судьбы большинства этих спасенных людей являются прекрасными цветами в венце деятельности консула Винцаса Креве...

Баку – Каунас – Вильнюс - Баку, 1919–2024 гг.

СЕРГЕЙ ЖАДАН

Где брат твой?

Где твой брат, слышишь, где брат твой?
Почему его нет уже несколько дней?
Или знатной его заманили приманкой?
Что хоронится он, будто рыба на дне?

Этот город славен ста церквами,
Тут без счёта костёлов и тьма синагог.
Мне неведомо, где он. Кровь черна под ногтями.
Бог и сам разберётся, коли вправду он бог.

Кровь проступает на одежде, как лик,
На дёснах кровь горчит и на зубах.
Как у висельника, виснет солнца язык.
Стоят чёрные волы дождя на тяжёлых горбах.

В этом городе у всех свои секреты,
тут всегда хватало злата и вина,
не хватало страсти смертной меты,
а брата привлекала лишь одна она.

Только у него был лучший товар, всегда
чёрный глаз имел он, острый слух.
Я ж сидел и выпасал призраков стада.
Что я знать могу то? Я, пастух...

Что теперь рассказать о его рубашках,
что всю жизнь я донашивал за ним,
о его разговорах, его замашках,
о семье, что держалась им одним?

Что рассказать теперь о той ночи,
когда привёл он эту женщину в наш дом,
о том, что никогда я не видал такие очи –
такого неистовства, источаемого лицом,

о том, что её волосы были такого веса,
что никак не рассыплются, мёдом налиты,
посуду я брал у неё, как драгоценность принцессы,
прятал паспорт её у себя, как золота слиток,

о том, что легко с нею сбиться со счёта,
дни считая томительны, и ночей долгий ряд;
не глядят на неё – так убить бы уroda,
тем более – каждого, кто метнёт таки взгляд.

... С утра в городе голоса церкви, все сто.
Дичь лесная перепугана, дрожит.
Как? Страсть из чего состоит? Да не знает никто.
Она вот знает. Но не скажет – смолчит.

ПАРВИН
РАССКАЗЫ
Истинное Спасение...

Ты пришел тогда, когда я обиделась на весь мир, когда пошатнулась моя вера во всё... До сих пор не понимаю, почему Аллах подарил тебя?! Ведь мне казалось, что в моей жизни ни для кого не осталось места?!

Все слова были сказаны, все чувства прожиты, часть желаний исполнилась, остальные потеряли смысл. Теперь мне даже не приходило в голову насладиться ванильным мороженым, вкусом кофе. У меня не было желания познать какое-то новое чувство либо впустить в свою жизнь нового человека!!! Может, просто жить стало неинтересно!!! Но...

Когда человек, обладающий самым глубоким умом, из всех, кого я знаю, сказал: «Мне кажется, что я в пустыне, и никто меня не слышит», право слово, я была поражена. Я долго раздумывала на эту тему! В итоге Америку я, конечно, не открыла, но ещё раз поняла, что в эпоху, когда всё смешалось, когда отношения и слова стали неискренними, – это самая большая беда человека! Всё есть, и ничего нет. От букв мы перешли к пиктографической письменности, от слова «люблю» к символу «сердца». С расширением мира, с открытием всё новых «земель» наши чувства «теряют голову»... Международный день доброты, день влюблённых, день объятий, день помощи и еще много подобных дней, дни есть, а чувства на пороге вымирания! Современный человек сходит с ума в хаосе, новостном изобилии и скандалах! Он делится со всеми в соцсетях своей едой, с людьми, с которыми встречается, с местами поездок, с завоёванными успехами, деньгами и даже своими возлюбленными, становится счастливым от количества «лайков» и «фолловеров», однако всё равно одинок и чувствует себя словно в пустыне. Обратите внимание, не на необитаемом острове, а именно в пустыне... Ведь в крайнем случае на необитаемом острове есть океан, дикая, но всё же природа. В этом плане Робинзон кайфует! В пустыне же днём сжигающая тебя дотла жара, а ночью страх, от которого кровь стынет в жилах... Нужда в глотке воды! Так почему же в эпоху такого изобилия человек должен находиться в таком настроении?! Прости, я отошла от сути. Я пишу это лишь для того, чтобы ты понял мое состояние... Вот я и говорила, что со временем все люди становятся обычными, но не ты, ты другой. С каждым днём мы сближались всё больше, ты становился всё больше интересен, все больше проникал в мою душу. Знаешь, мне кажется, на протяжении всей моей жизни я никому так долго не смотрела в глаза. Сама не знаю, что я ищу в глубине твоих глаз. Я всё смотрю и всё дальше отдаляюсь от мира... Не знаю, может, я в этом и нуждалась?! В мужчине, который бы заполнил мою жизнь и самое главное – вырвал бы меня из моих собственных рук! Но я даже не знаю цвета твоих глаз! Прочитаешь ли ты когда-нибудь эти слова?! Какая разница! Но в любом случае я не могу не писать, прости...

В былые времена, чтобы отправить на далёкое расстояние Слово, люди держали голубей. Прикрепляли к их лапкам написанное письмо и отправляли адресату. Тот «адресат» же вначале ласкал, гладил голубя, а затем снимал с его лапки письмо и читал. Нынче всё настолько просто, что даже писать стало бессмысленно... Теперь слово долетает туда, куда даже не может полететь птица, выражение «скорость света» теперь

спокойно можно поменять на «скорость слова», и я не знаю, хорошо это или плохо!

Расстояния уменьшились, а мир поместился в приборе размером с ладонь. Но человек опять одинок!

Если сейчас кто-нибудь выйдет и спросит: «Чего тебе не хватает?», современный человек не найдёт ответа. Ведь теперь эти длинные хлебные очереди и мир, состоящий из одних «нельзя», остался в прошлом. Теперь можно всё... Вот поэтому человек пробует на прочность всевозможные табу. Это можно? И это тоже? А так тоже можно? И на это нет запрета? За это ведь не станут упрекать, не так ли? Когда на все вопросы получаешь ответ «можно», интерес теряется... Верно говорят: противодействие держит человека в форме! Преодолевая каждую новую преграду, становишься сильнее, всё больше углубляешься в себя, открываешь в себе новые грани, осознаёшь, что ты способен на большее... Сейчас ты скажешь, какое это имеет отношение к тебе, и будешь прав! Правду сказать, я не люблю говорить с тобой о проблемах, скрываю от тебя смерти, потери, трауры, разрывающую душу боль, стараюсь улыбаться, когда ты смотришь на меня, говорить «мой дорогой!», когда зовешь, хочу, чтобы ты видел и чувствовал, насколько я счастлива и спокойна рядом с тобой... Да ты и видишь. Знаешь ли ты, какое счастье, сбегав от всего мира, говоря всем, что «нет времени», прилетать к тебе?! Когда я иду к тебе, ноги мои не касаются земли... В твоих глазах счастье плещется через край, свет твоего лица ослепляет глаза, и я думаю: «Но почему же он так любит меня? Что я сделала такого? Чем я заслужила такое большое сердце?! Оставлять тебя, заниматься другим делом огорчает меня, но что поделать, это вечная работа, невозможно отдалиться... Говорю работа, но что за работа?! Я прекрасно понимаю, знаю, что никто сейчас не читает книгу других писателей. Я думаю об этом, когда провожу ночи за клавиатурой, когда приветствую солнце словом. Интересно, кому всё это нужно? Мир никогда не был таким. Никто не читает, но все пишут и заказывают писать о себе!!! Может, это тоже во имя спасения, для того, чтобы хоть немного отдалиться от мира! Знаю, сейчас ты переверозишь все мои книги и спросишь: «А ты почему пишешь?» Ответ очень прост: Я хороню себя на работе, ну, или хороню себя работой, можно по-всякому сказать. Я нахожу немного успокоения лишь тогда, когда пишу, когда мшу клавиатуре. Ведь как сказал поэт, «переживаний много, сопереживающих нет!»...

Ну, хорошо-хорошо, знаю, сейчас начнешь свои шалости, как только увидишь меня огорченной, придумаешь что-то, чтобы меня рассмешить, разве не так?! Знаешь, мне казалось, что уже никто не сможет рассмешить меня, как раньше, от всего сердца. Но получилось, и автором этого чуда являешься ты... Не понимаю, как ты это делаешь! Каждый раз я так смеюсь, что сердце готово остановиться, и всё думаю, что на свете не может более счастливого смеха... Но проходит немного времени, и ты снова и снова меня сметишь! Возможно, всё это происходит потому, что вместе с тобой я начала шаг за шагом исследовать себя и весь мир... Помнишь, что ты сказал в тот день? Ты сказал: «Подними голову и посмотри – из машины видно небо и даже солнышко видно...» Мне кажется это немного странным и смешным... Оказывается, даже в этот холодный осенний день и небо, и солнце отражаются в стекле автомобиля! Подумать только!... А я и не замечала...

Перед смертью один великий писатель говорил об этом. Говорил, что только благодаря солнцу, теплу, любящим и родным людям можно быть счастливым и ни из-за чего не стоит страдать. Ради Бога, прости меня, знаю, я грузю тебя, но я действительно хочу знать, в каком возрасте человек начинает вбирать в себя грязь мира?! Лишь для того, чтобы понять это, я пристально слежу за каждым твоим состоянием... И ещё, обязательно ли нужно почувствовать холод смерти, чтобы узнать цену жизни?! То есть тепло солнца, синева неба превращаются в обыденные вещи?! Прости, я упрекаю себя! Значит, если ты есть, стоишь целого мира, то не стоит думать о повышении рыночных цен, о нехватке читателей, о потере ценностей, о пробках, где люди демонстрируют все свои недостатки?! Видимо, неблагодарность – часть природы человека...

Да и великий писатель пытался это объяснить перед смертью. «Я ухожу», – говорил он и держал по себе траур, этим он возвещал миру: «Жизнь важнее всего!!! Кто-то уходит, пусть уходит, кто-то тебя не ценит, пусть не ценит, кто жалит тебя и наслаждается этим, получает удовольствие, отравляя тебе жизнь, пусть делает. Когда ты делаешь шаг вперед, кто-то, вцепившись в твои ноги, тянет тебя на пять шагов назад, пусть тянет... Плечи сгибаются от тягот, тебе кажется, что сердце остановится на полпути... Пусть остановится! Нет, нет, пусть бьётся! Я знаю, чтобы сделать тебя счастливым, тебе нужно большое, здоровое сердце!»

Признаюсь, я преступница! Я пишу всё это, чтобы хоть как-то облегчить свою участь... Когда ты нуждаешься во мне, я занимаюсь другими людьми, думаю о других людях, трачу своё время на них! Но ты не обижаешься! Вот что поражает и до умопомрачения стыдит! Ведь я привыкла, что годами за малейшую ошибку меня распинали! Ну, почему ты другой?! Ты днями не видишь мое лицо, а когда видишь, не жалуешься, часами оставляю тебя без внимания, но ты ничего не спрашиваешь!!! Невозможно вытерпеть зло других людей и твое добро... Ты единственный человек, который ничего у меня не просит! Я вымещаю на тебе злость за бессмысленные слова какого-то грубого человека! Резко отвечаю, обижаю... Не проходит и пяти минут, ты уже улыбаешься мне, дружелюбным взглядом вновь лаская мою уставшую душу... Я боюсь за тебя! Меня спас ты... Но не знаю, найдется ли тот, кто спасет тебя! Но знаю точно, я причинила тебе много боли. Я согрешила против тебя, принесла в этот бездушный, бессмысленный мир! Да, сыночек, я понимаю все это! Мой грех перед тобой велик... И невозможно смыть этот грех киндерами, игрушками, планшетами! И боюсь, что однажды ты спросишь с меня за всё это... Но не упрекай меня, я стараюсь, очень стараюсь, чтобы ты не знал о моих тяготах! И ещё я радуюсь, что ты не знаешь букв, что прочитаешь о моём нынешнем состоянии только много лет спустя, а может, вообще не узнаешь! Так даже лучше, не узнавай меня!

P.S. ... Вот что ещё забыла сказать...

Ты любишь стелить газету на пол и сидеть на ней!

А я когда-то, уходя в воспоминания, выучила алфавит жизни...

Ты не торопись, проживи свое детство! Чтобы у тебя всегда был повод улыбнуться... Смотри, я тоже улыбаюсь, причем из этой машины видно небо... Отлично!

Путник усталый

Почему, не знаю, но совершенно не люблю продавать... Ни человека, ни вещь, ни дом, ни машину. Может, я и продал бы, да только никто не захочет купить у меня.

Наверное, друзья, знакомые знают мой характер, да и моя нетерпеливость сразу бросается в глаза, вот поэтому. Самое большее потерплю 2-3 дня, а затем просто подарю. Если время вещи на исходе, и ты готов с ней проститься, то не стоит ждать. Я с детства такой, как только учебный год заканчивался, полностью высвобождал ранец и приходил домой, не оставляя ни единой тетради, ручки, все раздаивал друзьям... Заработанные в молодости деньги словно щекотали меня, я быстро их растрчивал. А мама все говорила: «Давай зашью дырку в кармане». Не имело значения, что это было, я не любил держать и прятать что-то у себя.

Да, и люди такие... Нельзя медлить, нужно вовремя и тихо удалиться. Это я поздно понял. Жизнь на все наклеила ярлык со сроком годности, и когда время приходит, порча неизбежна. Раньше я делал это с умом, думал, что у меня аллергия на старье. Со временем, повзрослев, я понял, что это не зависит от нас, это управляется откуда-то оттуда.

Не смотри, что я так умно рассуждаю, есть у меня и недостатки, я знаю об этом. Мой сын говорил: «Ты не знаешь, но Бог давно похоронил эти твои старые «Жигули»».

Правильно говорил... Я сменил столько машин после них, но никак не мог попрощаться с ними. Это ведь автомобиль другой эпохи, если захотел бы продать, покупатель не нашлся бы, а подарить не решался... Он столько лет был мне товарищем, шутка ли... всю жизнь одной своей ногой я был в районе. Когда род большой, так и бывает, если раз в месяц один умрет, один родится, один устроит помолвку, а другой женится, то представь, сколько раз в месяц нужно поехать и приехать. Я никогда не пропускал такие мероприятия. Мне нравились дальние поездки, а потом, тогда не было никаких радаров, было так удобно... Если вдруг из-за куста выглядывал гаишник, я что есть мочи жал на газ и пролетал на скорости мимо него, кто бы смог меня нагнать?! Тогда у них не было иностранных автомобилей... Даже если и догонял, дело решалось трешкой или пятеркой на обед. Теперь мы все в руках этих аппаратов... Право слово, после них поездки не доставляют никакого удовольствия, вот я и стал реже ездить в район. Что за интерес, если порой не поговорить с потеющим от летнего зноя гаишником на дороге, не побеседовать с ним о том, о сём.

Был один такой, совсем не выходит из памяти... Союз тогда совсем недавно распался, и мы сами еще не знали, как все сложится?! Люди все замкнулись в себе, и дороги были пустынные... Мы тогда даже понятия не имели, что такое пробки. Я, как всегда, нажав на газ до упора, летел в район, мне нужно было переделать все дела и возвращаться в город, время было трудное...

Вот тогда я увидел, как из-за дерева на бегу вышел человек весь в поту, сколько он ни крутил штучку у себя в руке, я не остановил, даже не обратил внимания, когда он чуть не бросился под машину, и поехал дальше... Когда я отъехал, сердце моё сжалось, ведь он меня ожидал в такую жару, может, даже не ел с утра... И я уже сколько часов в дороге, нужно было сойти, размять ноги и, как у нас положено, проявить «уважение». Развернувшись прямо посреди дороги, поехал обратно и сразу узнал мужчину, как только его увидел... В последнее время я вижу его часто, он, кажется, здесь и стоит всегда. Когда я сошел на дорогу, остановив машину, он улыбнулся:

– Ты что, братец, на свои «Жигули» мотор самолета установил?..

Сказав это, он так захохотал, что у меня сразу настроение поднялось. Таких людей я люблю. Терпеть не могу хмурых нравоучителей от закона. Пожимая мужчине руку, я с таким видом передал ему то, что сжимал в ладони, будто так и должно было быть, будто мы, как старые друзья, должны были встретиться на дороге и пожать друг другу руки. Мне и самому казалось странным, что мы медленно отошли в тень и начали беседовать о том, о сём... Мужчина искал, с кем поговорить. Сам говорил и сам смеялся, а я тупо смотрел на него, не находя возможности ответить, но железяки у него во рту привлекли мое внимание.

– Я уж тут измучился. Дай Бог тебе долгих лет... Устал я. Думал, пора пойти отдохнуть. Мой дом в 2-3 км пути отсюда. Пойду, поем немного, приму на грудь 100 г и – на боковую. Как доберусь до кровати, сразу улягусь спать, жара совсем меня доконала...

– Что это у тебя во рту?

– Ты про зубы мои? В Афганистане у меня пуля через рот пролетела, ни одного целого зуба не оставила... Это мне государство по возвращении подарок сделало, спасибо ему за это...

Говоря о своем подарке, он еще больше подтягивался, вытягивался, словно струна. Сам не знаю, почему, но настроение испортилось, захотелось попрощаться и уехать вернуться. Но он, кажется, не хотел меня отпускать.

– Честное слово, я прямо прснулся, увидев тебя... Не то пошел бы домой дрыхнуть. Заработок Аллах посылает, непростое дело – встретить хорошего человека... Хорошо, что ты повернул обратно, не то я обиделся бы на тебя и в следующий раз не вышел бы из-за кустов...

– Почему же ты там прячешься?

Услышав это, мой друг смешался и погрузился.

– Ты думаешь, я от людей прячусь, чтобы обирать их? Не ожидал такого от тебя... Все знают, что я совестливый человек, мужчина за кустом не прячется... В Афганистане я получил ожог кожи, врач сказал, чтобы на солнце не выходил... Если бы не наши, я бы умер... Около сотни человек вокруг меня были нашими... Вначале я контузию получил, не обратили внимания, сказали, иди сражайся, держись позади... Во рту зубов нет, не мог ни есть, ни пить... А боль убивала, хотел умереть, чтобы избавиться от страданий...

– Так убил бы себя...

– Это не по-мужски... Я что, трус, который прячется за кустом?!

Кажется, мой новый друг не находил людей для беседы. Вот я и не хотел его прерывать. Да и желание вести машину у меня пропало.

– Да, тот пожар был ужасен, мы еле смогли выбраться. На мне не было живого места, на что такой я им сдался... Ну, после него меня вернули на родину. Здесь мне оказали большое уважение, эту работу дали, не то умер бы я с голоду... Правда, зимой и летом бывает тяжело. Ожоги в жару и холод болят. Прихожу и мажу вазелин на раны, вот тогда бывает отлично... Этому в Афганистане научился, ты тоже закинь в машину вазелин, лекарство от всех болезней...

– Ну, я пойду, мне еще долго ехать, до вечера хочу доехать...

Мне было неловко прерывать беседу... А за деньги, что я в руке сжимал, мне было стыдно. Расставшись с ним, я сел в машину, всю дорогу ни разу нигде не остановился, а доехав до района, ни с кем и словом не обмолвился.

Чингиз-муаллим любил такие беседы... Он был старым другом моего отца, как только выпивал 150 г, обязательно рассказывал либо смешные, либо грустные истории. И потом он был школьным учителем, заявлял: «Я привык, что когда я говорю, все меня слушают, и не перебивайте меня, буду говорить минимум 45 минут...» Для Чингиз-муаллима было характерно рассказывать все обстоятельно, детально, я всегда с интересом слушала его. Но сейчас мы смотрели на него молча, не знали, что сказать. Кутабы на столе давно остыли, отец молчал, мама вежливо улыбалась, впрочем, я тоже. Вдруг я словно осмелела...

– А когда вы увидели его в следующий раз, не остановили машину?!

Мама неодобрительно посмотрела на меня, но вопрос уже прозвучал. Чингиз-муаллим улыбнулся...

– Нет, затем началась Карабахская война, и настал хаос... Больше я его не видел... Там его не было, подумал, наверное, умер... Он был весь покалеченный... Видели бы вы его зубы...

Казалось, что сейчас Чингиз-муаллим расплачется.

– Лишь однажды, по дороге в Шамахе я увидел его... Постарел, его старый «Газ-21» стоял в тени, а проезжающие мимо тормозили, выходили из машины, протягивали кое-что и уезжали. Я тоже остановился, он узнал меня, улыбнулся и крепко обнял...

Чингиз-муаллим так расчувствовался, что, казалось, он говорит о родном брате... Немного взяв себя в руки, пытался закончить рассказ. Положа руку на плечо отца, он немного успокоился, кажется.

– Знаешь, брат, во рту у него были те самые железные зубы, и, кажется, они еще и заржавели... Сказал, что воевал в Карабахе, там он получил пулю в ногу, вот потому и хромает, Национальный Герой, освободил с друзьями несколько деревень. Война закончилась, а ему пришлось время выйти на пенсию, что поделаешь... Нашел себе старенький «Газ-21» и стоит там, а проезжающие подкидывают ему денег... Но он был счастлив, говорил, меня кормит наш народ, спасибо ему за это... Достаточно, что у меня каждый день есть деньги на 150 г водки и еду...

Никто и словом не обмолвился...

А я ничего не могла понять. Все смотрела и смотрела... И немного смущалась, кажется. Мамин взгляд не позволял мне выйти из-за стола. Вот поэтому я терпеть не могу семейные вечера, старшие рассуждают о важных вещах, а ты сидишь и ничего не понимаешь. Дабы закончить разговор, я спросила первое, что пришло в голову...

– А что было потом?! – спросила я.

И, вытерев рот и глаза накрахмаленной маминой скатертью, Чингиз-муаллим сказал:

– Ничего... Вернувшись оттуда, я отдал «Жигули» соседу, предложи купить, не купил бы, денег не было у него...

... Все молчали, а я все смотрела и смотрела.

Серпантин

Когда моя бабушка, взяв старый мужской костюм, направилась в другую часть двора, мы – трое ребятишек – так и застыли. Возможно, она отправилась его стирать, но в такой поздний час?!

Мой брат, старше меня на год, и сестра, младше на два, почему-то так на меня уставились, словно я обязан был знать ответы на все вопросы. Признаться, мне было известно, что тот пиджак и брюки остались от её брата, не вернувшегося с войны. Все те вещи, что для бабушки были неприкасаемыми, для нас были просто игрушками. Порой мой брат, надев пиджак и сложив подобно председателю колхоза руки, ходил туда-сюда, да еще и давал нам указания. А когда видел, что мы не воспринимаем его всерьез, рисовал себе усы и бороду черным карандашом, а мы с сестрой покатывались со смеху, смотря на него. Бабушка гневалась, но и ругать нас не могла, вот и натравливала на нас тетю, она у нас была жандармом. А та отбирала у нас пиджак, да еще, грозя пальцем, что-то там приговаривала... Мы более-менее понимали, что она говорит, наверное, она запрещала трогать пиджак, да только нас это не особо трогало. Когда на следующей неделе, чтобы спастись от города и кучи домашних заданий, мы поедем в горы, т.е. к бабушке, все в точности повторится. Так что эта костюмная тема популярна с тех пор, как мы начали ходить. Поэтому бабушкин поступок – отправиться на другую сторону двора, прихватив пиджак и брюки вместе с вешалкой, – и показался нам всем странным. Кажется, и тётё тоже... Когда немного погодя стал приближаться зычный мужской голос, тётя поняла всё раньше всех. На лице у нее появилась легкая улыбка, но она быстро взяла себя в руки, посуровела. ...Оказалось, человеком, говорящим странным зычным голосом что-то по типу Деда Мороза, была бабушка. Как только она открыла дверь и вошла внутрь, мы все трое покатались со смеху. «Эгегей... Что это вы тут делаете?!» – кроме этих слов, в памяти у меня больше ничего не осталось. Эта «тонущая» в костюме и сделавшая себе усы и бороду из бахромы косынки женщина была так смешна... Мы даже не могли понять, что она говорит. И в таком виде бабушка была похожа не на мужчину, а на пугало, которым пугают ворон на местах посевов, чтобы защитить их, видимо, потому, что пиджак был ей велик. Она ведь была тощей, как жердь, женщиной, ее худое длинное тело гармонировало с ее жестким характером. Не знаю, как такой жесткой женщине пришло в голову надеть мужской костюм и развеселить нас... В то лето, дабы нас занять, она каждый день придумывала что-то новое, например, «выступала» по телевизору, сделанному из веток, пела народные песни. Но стоит признать, у бабушки действительно был очень красивый голос. Я и сейчас вспоминаю ее песни... Мои брат и сестра были красивыми, беленькими, как снег, детьми, я же был маленьким, темненьким. Поэтому, чтобы меня утешить, бабушка напевала в «эфире» «Черный изюм в карман положи», а я смотрел и наслаждался. Но эти развлечения не могли развеять наши грустные мысли. Сиротство – нелегкая доля. Я услышал эти слова, когда бабушка, сидя под деревом и раскатывая тесто для лаваша, разговаривала с тётёй. И понял, что, кажется, отец в больнице. Но мне не хва-

тило смелости уточнить это, спросить что-либо у бабушки, у тети. Я понимал лишь то, что мои мама с папой не оставили бы нас на такой долгий срок, а значит, случилось что-то серьёзное.

Да, трое маленьких детей остались одни, подобно жалким цыплятам. Мы призывали к интересным, запрограммированным каникулам! Раньше каждый год мы ездили отдыхать на Черное море, Северный Кавказ, пару раз были в Москве. Теперь я вспоминаю те поездки, наши обиды на старших. Отцовские «грехи» были очень большие и непростительные. Каждое утро в Кисловодске он заставлял нас вставать с утра пораньше, чтобы встречать рассвет в долине Роз, а нам очень хотелось спать. Если мы немедленно не вставали, то он приносил в горсти воду и брызгал ее нам на лицо. В Сочи же мы мечтали проводить целый день на пляже, играть на песке, но он отвозил нас на озеро Рица, а это означало, что мы теряли возможность провести день на море. А уж в Ленинграде он силком потащил нас на концерт симфонического оркестра... Честно признаться, было не так-то легко несколько часов вытерпеть тот кошмар, мы сидели как на иголках. Но много лет спустя, читая об одном из самых известных дирижёров мира Евгении Мравинском, я все вспомнил. Не только его фамилию, но и его лицо, и тот концерт...

...Нынче же отец лежал в больнице... Хотя какое «нынче», прошло уже столько лет.

Вспоминая прошлое, кое-как занимаю голову. Врач говорит, вы могли умереть, легкие в плохом состоянии, да и сердце тоже, сразу 4 артерии закупорились. По-другому и быть не могло, когда дымил всю жизнь, как паровоз. Я просто таю, когда эта медсестра спрашивает: «Чингиз-муаллим, вы что-нибудь хотите?» Она говорит так, будто исполнит все то, что ни попрошу. Вокруг меня одна аппаратура, а от этих постоянных сигналов голова болит. Да и капельницу меняют с завидным постоянством... Интересно, до каких пор будут продолжаться эти испытания?! Ведь я знаю, что давно пережил возраст, в котором умерли мои родители, я жду уже больше двух месяцев, но братец Азраил еще не явился. А медсестра так натерла тело мое йодом, что невольно вспоминаются Хна йахты¹. Бабушка обожала мальчиков, но и всегда держала нас подальше от девчачьих дел. И меня, и моего брата она растила как настоящих мужчин... Поэтому если где-то проходило Хна йахты, мы не смели даже приблизиться к дому, где шло празднование. Но мы слышали пение женщин издали... Подобно горному селю, их смех отдавался эхом. Откуда мне вспомнился этот сель?! Странное дело...

Да ведь тем же летом случился сель, который снес все дамбы и плотины. Помню, как каждое утро мы с братом, сестрой вставали с надеждой, что, может, сегодня приедут родители. Бабушкин дом находился у дороги, ведущей к центру района. Наши развлечения начинались с самого завтрака, на столе было все от сливок до оливок, но мы на них даже не смотрели. Знали, что примерно в полдень по той дороге проедет автобус. Не хватало нам терпения, и мы с утра взбегали на холм, смотрели и ждали. Оттуда просматривалась серпантинная дорога, по которой изредка проезжали грузовики. «Серпантин» означает змею, вот и та дорога подобно змее извивалась вокруг холма. Самым любимым делом было смотреть на то, как большие машины «карабкались» вверх по серпантинной дороге. Легковушек тогда, можно сказать, и не было. Мы, стоя под палящим солнцем, все смотрели в сторону, откуда должен был приехать автобус. Порой лил дождь, и более мы не могли стоять на холме. Если со стороны гор слышался ужасающий шуршащий звук, мы знали, что начался дождь, и это не будет похоже на льющуюся из лейки воду, а нагрянет настоящий потоп. Услышав это страшное шуршание, бабушка начинала волноваться и пыталась загнать нас домой. С сестрой она справлялась, но со мной, с братом, приходилось тяжело. Перейдя мост, мы взбирались на пригорок, там из скал образовался «клюв», спрятавшись под ним, как под зонтом, мы наблюдали за окрестностями...

¹ Азербайджанская свадебная традиция. За неделю до свадьбы, как и у многих народов, невеста приглашает родственниц и подружек на девичник – хна йахты, нанесение хны.

Сначала доносился звук дождя, а затем разверзались хляби, тогда и «клюв-зонт» не спасал, и мы промокали насквозь... Если дождь длился даже полчаса, с гор спулся такой потоп, что сносил все на своем пути. А мы с удовольствием наблюдали за этим захватывающим событием из нашего укрытия... да что нынешние видели-то?!

...Вот и все, опять явился этот цыпленок из инкубатора. Странно, все эти медсестры на одно лицо. Я без всяких вопросов принимаю кучу лекарств, немного погодя приходит другая, спрашиваю, а до этого что было, говорит, эта была другая сестра, она принесла другие лекарства. Да ну, какая разница, все равно ведь умру! Между нами, эти писатели принимают людей за идиотов, так описывают предсмертное состояние, будто сами пару раз умирали... Начиная от Толстого до Чехова, Хемингуэя, – все они лукавили. «Боль сотрясла сердце, вся жизнь пронеслась перед глазами, подумал о бренности бытия, ах, детки мои, что же они без меня будут делать, моя жена выйдет замуж, мой муж вновь женится и тому подобное»... Разве не смешно?! Что страшного-то, умер, и все... Какое тебе дело до того, что будет после тебя, кто что сделает?! Какая разница, прожил ты свою жизнь впустую либо вообще неправильно?! Закончилось, и все... Успокойся и уходи...Ты ведь не ребенок, чтобы бояться...

Но я все еще помню, как ты трепетал, когда смотрел с того пригорка. Нет, не потока боялся я, просто, когда видел автобус на той дороге, во мне просыпались ужасные чувства: смесь радости и страха. Если кто-то из пассажиров собирался сойти, автобус останавливался у въезда в деревню. Порой проезжал, даже не остановившись. Но когда, доехав до моста, он тормозил, у меня сердце готово было выскочить из груди. С той поры прошла целая жизнь, но я до сих пор отчетливо помню то свое состояние. Я ждал того момента, что вот сейчас мои мама с папой выйдут из автобуса, что отец будет таким же бодрым, веселым, как до болезни, и наша жизнь вернется в свое русло. Да, недолго длилось мое волнение. В одну из ночей, мы к тому времени уже легли, у наших дверей остановился автомобиль «Победа». Немного погодя я услышал, как плачет моя тетя, бабушка гневалась на нее. «Прекрати, дети испугаются», – говорила она, тетя тихо плакала. Моя бабушка – женщина, столкнувшаяся с тысячами страданий на протяжении жизни, вошла в комнату, тихо зажгла свет и одела нас по очереди... Брат и сестра плакали, потому что их разбудили, а я все спрашивал: «Где моя мама?». Сжав губы, бабушка молчала, а тетя металась по комнатам, собирая наши вещи. Холод той ночи я ощущаю до сих пор. Мой брат был сонный, но временами он говорил: «Чина, папа вышел из больницы», я же не отвечал, потому что бабушкино и тетино настроение меня совершенно сбilo с толку. Сестра моя была очень наивной, она все смотрела и смотрела на нас. «Победа» продвигалась короткими путями. Бабушка боялась отвесных, горных дорог, крепко зажмурившись, она тихо сидела, порой клала руку то на меня, то на брата, то на сестру. Как будто проверяла, не выпалили мы из окна? Не знаю, как пролетело время, но когда мы вышли из машины перед домом, то услышали плач соседей и шум от устанавливаемой палатки... А потом раздались рыдания бабушки, сдерживавшей себя до этого момента. Обняв маму, она спросила: «Куда ты дела моего сына?», а я весь во внимании ожидал ответа... Я ожидал узнать, куда же дели моего отца?!

Как оказалось, самая сладкая вещь на свете – это сон. Я прошу немного, если бы я смог поспать хотя бы два часа, я пришел бы в себя. Лежать на спине трудно, каждые два часа, открыв настежь двери, приходят мерить давление, сахар, еще что-то, менять капельницу. Да наградит Аллах их милосердием...

Да, в тот день нас привезли на похороны моего отца, проститься с ним... Видимо, тогда закончилось детство. Вкус жизни тогда испортился...

– Вечер добрый, доктор?! Спасибо вам, вы выказываете мне большое уважение, но, право слово, я же спать не могу, может, вы отключите эту аппаратуру хоть на одну ночь, и я смогу спокойно заснуть...

– Ай, машаллах, вы прямо помолодели, Чингиз-муаллим... Юмор у вас тоже отменный, это хорошо, что шутите. Ваш сын тут нас всех переполошил, говорит, мой отец должен жить. Наш шанс не составлял даже десяти процентов. Вам говорю, но ему ни слова, из-за парня мы на стену готовы были лезть, мы вырвали вас из рук Азраила.

– Как так?! Говорите, что буду жить, разве я не умираю?!

– Куда умираешь, мужик, мы тебя хорошо подлатали... Хорошо-хорошо, ради Бога, успокойтесь. А почему вы плачете?! Зачем плакать?! Сейчас девочки вколют успокоительное, уснете... Право слово, я плохо себя почувствовал, ну, почему вы плачете?

– Так, ничего, просто детство свое вспомнил.

Аэропорт

Будь все проклято, и сумка эта еще нашла время падать, сейчас жена встанет и начнет ворчать... Да что там ворчать, весь мозг мне вынесет!

Да супруга моя...У нее почки больные, но почему-то у нее всегда болят голова и глаза. Подходишь ночью – голова болит, утром говоришь «с добрым утром» – у меня глаза горят, звонишь днем домой, купить ли хлеба – сердце болит, а когда ей совсем неймется, начинает в себя вкалывать всякую всячину, будто от этого к ней красоты прибавится... Будь проклята такая красота, что и деньги забирает, и здоровье. Горячий обед в магазине покупай, рубашки в прачечную сдавай, а глажкой пусть служанка занимается – вот только я отнюдь не вдовец, у меня есть жена. И только на встречах с подругами я становлюсь важным, ведь она всем должна показать, что у нее есть муж, да еще какой... Умный, образованный, на высокой должности, аккуратный, обходительный, добрый. Брать меня под руку, целовать в щеку, хвалить мои тосты, сладко говорить. Но только при чужих. Как только подходим к порогу дома, сразу становимся, как кошка с собакой. Верно, мы очень хорошо играем в семью. Право слово, самое лучшее – быть далеко от дома: как только попадается какая-нибудь конференция, сразу уезжаю. Ночные рейсы на 5-10 манатов дешевле стоят, наш скупой бухгалтер покупает всегда билеты на ночные рейсы. А жена поставила одно условие: куда хочешь езжай, только меня посреди ночи не буди. Конечно, не прервет же она свой сладкий сон, чтобы проводить меня... А теперь упала эта ручная кладь, интересно, она не проснулась?! Выйду, пока не началось, лучше доберусь пораньше, так даже лучше, пить в аэропорту американо – совершенное иное удовольствие...

Неспроста эту зону называют фри зоной... За час с лишним до вылета ты словно выходишь на свободу после всех проверок. Быт, работа, дом, проблемы, – все остается по ту сторону свободы. Хоть на борт самолета ты берешь и себя, но там ты освобождаешься от жужжащих в голове мыслей. Но, с другой стороны, ворчание подходит лишь одному человеку, а если ты оставил его спящим дома, то значит, все замечательно.

Еще одно наслаждение в свободной зоне аэропорта – это смотреть на книги. Покупаешь книгу не известного тебе автора, садишься где-нибудь в уголке, пьешь кофе, а что еще нужно человеку?

Не изменяя своей привычке и в этот раз, я купил книгу, с обложки которой улыбалась девушка. Право слово, если бы не боялся упреков, открыто сказал бы, что не верю в талант таких, они всего лишь себя показывают, размещая на обложке такие большие фотографии, ах, женщины, женщины. Бог свидетель, аэропорт – действительно удобное место. Лучше я где-нибудь сяду и закажу американо. Официант меня уже хорошо знает, я постоянно летаю.

– Здравствуйте, вам, как обычно?!

– Да, сынок, до вылета еще много, может, я даже перекушу.

Официант так улыбается, словно действительно беспокоится, поел я или попил, но пусть будет, это его работа. А этот крупный малый все крутится туда-сюда, словно не может найти себе места, даже жалко его как-то, то на телефон смотрит, то в сторону паспортного контроля. Если я сейчас встану и спрошу, какова длина и ширина этого места в шагах, он даст точный ответ. Скорее всего, он ожидает девушку... Мы ведь тоже были молоды, у этого волнения не может быть другого имени! Вот она идет, я же сказал, я лишь не знаю даты своей смерти. Девушка так стремительно отошла от паспортного контроля, что, кажется, будто она убежала из тюрьмы. Только между нами, но кажется, парень в хорошем месте работает, аккуратно одет, одежда выглажена, аромат его дорогого одеколона издали слышен, в руке дорогой телефон, а обувь сто-процентно брендовая. Раскинув руки, он так крепко обнял девушку, что я подумал, что сейчас он раздавит эту худенькую дюймовочку...

Ну, что за напасть, они обязательно должны были выбрать соседний столик, теперь не смогу спокойно почитать книгу, все мысли будут с ними. По мне, они не подходят друг другу, парень высокий, симпатичный, смуглый, широкоплечий, а девушка маленькая, тощая, а волосы словно ветром снесло, на голове осталась пара-тройка волос. А она не промах, с тех пор, как села, все гладит парня, прямо льнет к нему.

Бог не послал нам такое счастье, я вынужден тут читать книгу этой уродливой женщины, а перед глазами молодые. Как сказал Молла Насреддин, старость не радость, да и молодость не лучше... Разве она дала мне по-человечески пожить?! Боже, какие у меня были мечты! Хорошая была девушка, нравилась мне, но остра на язык. С другой стороны, отец все не отставал: старший твой брат в Баку остался, ты обязательно должен вернуться в район, вот я быстро и женился. Честно признаться, она не была плохой, городская девушка, одевалась со вкусом, из интеллигентной семьи, умная, образованная. Да, у нее было немало достоинств. Но через несколько дней после помолвки я понял, что она не для меня. Кошмар начался после свадьбы. Каждый день ворчанье, каждый день сумасшедший дом... Говорил ей, ты мне хоть раз улыбнись, я пойду мир переверну, денег заработаю, будем жить в свое удовольствие, кому говоришь?!

Будь я на месте этого парня, наполнил бы стол всеми невыносимыми яствами... Смотри, как девушка жмет к нему, ей все равно, что люди смотрят на них. То гладит парню лицо, то в глаза целует, то берет что-то с его тарелки и ест, сладко смеется. Между нами, да и парень отнюдь не промах. Видимо, они едут отдыхать, не все же такие дураки, как я, при слове поездка думать о работе. Впереди этого парня ждут хорошие дни и ночи, уже сейчас обо всем позаботился, ах, ты, шельмец. Не знаю, у какого писателя читал, все любовные путешествия начинаются в Аэропорту... Дорогое красное вино, поднимать тосты, говоря друг другу приятные слова, хулиганство, дружелюбие и т.д. Интересно, можно ли это проделать с моей женой?! Ну, сколько можно покупать сумки, как только приходит сюда, сразу бросается в магазины, все потому, что здесь брендовые вещи будто бы дешевле. Дома от сумок и обуви нет места. А затем садись и смотри, как она все фотографирует, делает селфи, в мою сторону даже не смотрит, но если ей надо послать фото этим ее бессмысленным подругам из ватсапа, то мы на пару секунд обнимаемся. Вот это событие, жена обнимает меня за шею... Ну, я и идиот, а теперь вот сижу и, попивая остывший, горький американо, наблюдаю за молодыми. Кажется, наши друзья постепенно хмелеют? Девушка теперь говорит громче... Интересно, эти слова идут из ее сердца или она вычитала их в какой-то книге?!

«Любимый мой, умру за глаза твои. Все мне завидуют. Девушки спрашивают: как же ты влюбила в себя того парня? Мика, ты хороший, Мика, ты... Ты свет очей моих, Мика! Я так хотела, чтобы мы вместе поехали куда-нибудь... Хахахаха, да уж ты прав, мне пару дней не хватит. Ведь я хочу спать, обняв тебя, хахахаха... Ладно да, я что, не могу приласкать любимого? Кому какое дело?! Мне лучше знать. Знаешь, если бы с работы не разрешили, я уже готовила заявление... Девушка такого парня. как ты,

может и не работать, разве неееет? Нет, родной, я в этот раз ничего покупать не стану, не будем терять время в магазинах, пусть будем только вдвоем. Давай выпьем за наше здоровье, мое чудо, мой волшебник... май лав, май дримс...»

Говорят, самый лучший роман о любви написал Пруст. В прошлом году я выбился из сил, пока пытался объяснить это детям. Но мне стоит пойти и попросить прощения у студентов. Боже, Пруст рядом не стоял с этой маленькой девушкой! Может, и мне заказать виски?

– Молодой человек, принесите мне виски и черный шоколад...

Наверно, официант очень удивился. Но разве можно смотреть на этот пейзаж, не приняв 100 г?! До этого вроде парень успокаивал девушку, по крайней мере, со стороны это так выглядело, нынче же их обоюдный смех сотрясал весь зал. Кажется, даже воробьи аэропорта и те пребывали в шоковом состоянии. Ага, девушка еще заказала... Будь тут моя жена, не дала бы спокойно выпить те 100 г. Тысячу раз говорил ей: «Когда я с друзьями, не звони мне, не говори «меньше пей», когда рядом, не пинайся...» В молодости я пил как следует, а потом садился в машину и приезжал домой. Нынче мне такое не светит... Знаю, начнет ворчать, как только ступишь через порог, начнется – ты где опять наклюкался?! Честно, лучше спокойно дома сидеть, я хотя бы не слышу бессмысленного ворчанья... А девчонка прямо что есть мочи спивает парня. Если бы она потянула его в магазины, сказал бы, что это намеренно, захмелев, мужчина начинает тратить деньги. Но вижу же, что пытается радовать парня, очень любит его. Да вот, кажется, посадка начинается. Дюпью свое виски и посмотрю, как они в таком состоянии сядут в самолет?! Упадут ли?! Посмотрим... Я прямо завидую уму и свободе нынешней молодежи. А девочка молодец, хороша, оказывается, тележка для перевозки больших чемоданов здесь стоит специально для них ... Девушка села в тележку, а парень ее медленно толкает. Помню, как-то однажды я возвращался откуда-то и самолет ровно три раза не смог зайти на посадку, я тогда страшно испугался и когда мы, наконец, приземлились, я был совсем обессилен. Войдя домой, обнял жену, поднял прямо в воздух, когда ее ноги оторвались от пола, она так закричала, что я сам испугался. «Не делай глупости при детях», – сказала она мне. Теперь, слава Богу, дети выросли, нашли свое место в жизни, но и мы постарели, как жена сказала: глупости не по нашей части... Посмотрим, какое развлечение они в самолете придумают?! Только между нами, но на этой тележке они прямо форсажничают. Пусть делают, сейчас такая пора их жизни, я же свою жизнь загубил в библиотеках. Их хорошее настроение на всех действует, народ с улыбкой смотрит на сумасбродства этих молодых.

Ты смотри, какая случайность, оказывается, наши места рядом. Когда один летаю, всегда беру коридорную сторону, так удобнее... А они сидят на параллельных местах. Девчонка, храни ее Бог, продолжает лнуть к парню, бедолага весь вспотел. Еще бы не вспотел, когда такая девушка ласково прикоснется, даже кости предков умерших тысячу лет назад встрепенутся в могиле. В общем, интересно, чем все это кончится? Хотя конец этого фильма увидеть не суждено, а жаль...

Самолетов я не боюсь, правда, и не из тех, кто, сев в кресло, крепко засыпает, но в любом случае чувствую себя хорошо, а больше всего люблю есть в небе. Правда, вкус тех блюд мне не особо нравится, чтобы не испортились, в них добавляют какие-то специи, но в любом случае это занимает человека. А еще мне интересны эти абсолютно одинаковые стюардессы... Чтобы хоть немного пообщаться, задаешь все мыслимые и немыслимые вопросы, а она, бедняжка, терпеливо, с улыбкой на лице отвечает на них, а я хоть как-то услаждаю свой взор... Подальше от глаз жены, ведь однажды я попал в большие неприятности, сделав комплимент стюардессе. А девушка заснула, кажется. Парень так тихо разговаривает со стюардессой, видать, боится разбудить девушку... Только между нами, но у стюардессы ну очень красивая улыбка, а парень, кажется, умеет говорить с женщинами... Нравятся мне такие молодые люди. Ага, девушка, кажется, проснулась, она почуяла аромат еды, ну, столько выпивший чело-

век ведь должен проголодаться... Хм, началось... Улыбка стюардессы девушке не понравилась, чувствую, плохо будет... Таак, ее крик начинает беспокоить соседей...

«Пусти, ты когда, наконец, угомонишься?! Я ведь тебе говорила, Мика, мне такие вещи не нравятся. Усыпил меня и начал флиртовать со стюардессой, что, взял ее номер уже?! Я того потому и бросила. Ну, какая уважающая себя женщина станет это терпеть? Значит, я с работы сбегаю, маму обманываю, что уезжаю в командировку, отказываюсь идти на Хна йахты двоюродной сестры, с подругами расстаюсь, чтобы только тебя порадовать, побыть с тобой, а ты так, да?! Право слово, мне нечего тебе сказать... Мама всегда твердила, что все мужчины – животные, а я думала, что ты не такой...»

Девушка все говорит и говорит, все больше закипает... Прямо жалко парня, не знаешь, что делать... Он все говорит ей: «Ну, хорошо, успокойся, любимая, почему себя накручиваешь, смотрят же»... По-моему, немного спустя все станет намного интереснее. Потому как мой опыт подсказывает мне, что такие войны перемирием не заканчиваются. Ага, вдоволь высказавшись парню, девушка вызывает начальника экипажа, неужели будет жаловаться, оказывается, ее дядя работает в правоохранительных органах... Все изнывают от любопытства, выглядывают оттуда, отсюда, чтобы узнать, чем все закончится. У меня глаза округляются, если сюда явится начальник экипажа, он станет искать свидетелей, лучше всего закрыть глаза, пусть сами разбираются... Ты, конечно, можешь закрыть глаза, но уши-то продолжают слышать.

«Было бы замечательно, если бы вы этим стюардессам давали еще и уроки нравственности... Это что такое, шутят, флиртуют с пассажирами... Этому есть только одно название – безнравственность, как только мы сойдем на землю, я незамедлительно сообщу в СМИ, что ваша авиакомпания аморальна... Международная организация «Чистая семья» принадлежит супругу моей тети, им я также сообщу причину, по которой распадаются семьи, пусть они выносят эту тему на суд общественности... Да и обществу «Будем здоровы» также будет интересна причина распространения венерических заболеваний».

Бедный начальник экипажа прямо растерялся, что ответить на это, но ответ он все же нашел... Обещал, что стюардесса будет наказана, а сейчас нужно создать тишину, потому как ночь и пассажиры хотят отдохнуть... А бедолага парень сжался в углу и потупил голову от стыда. Будь я на его месте, умер бы от стыда. Ага, у девушки интересное предложение:

«Стюардесса немедленно должна покинуть самолет...» Ну, правда, мы все всё понимаем, ситуация сложная, но как же тут сдержаться и не засмеяться?! Но парень, кажется, больше не выдерживает и меняет место... Притом спокойно, без слов...

Сойдя с самолета, девушка все продолжает говорить. Право, я не знал, что в Конвенции о правах человека, в нашей Конституции, в «Габуснаме» говорится об этом, хорошо, что узнал... Но я точно знаю, что после паспортного контроля парень пойдет в одну, а девушка в другую сторону, да так всегда и бывает...

Возвращаясь неделю спустя, в аэропорту вижу, как одна девушка тащит огромный чемодан... Это же моя дюймовочка, интересно, чем все закончилось?! В принципе все так и заканчивается обычно...

Я стараюсь открыть дверь так, чтобы жена не проснулась... Мне стоит сменить эту дверь, либо смазать маслом, скрипит ... Так, супруга сладко спит, а поверхность стола устлана лекарствами для глаз, носа, ушей, головы, почек... И еще маленькая записка: «Когда утром пойдешь на работу, постарайся, чтобы я не проснулась, я приняла лекарство от головной боли... И еще, не опаздывай с работы, отвезешь меня вечером на помолвку сына Диляры...»

Хм, пойду возьму тот огромный плед и улягусь на диване... Ну, и слава Богу!

Предательство

Вино усыпило его... Когда проснулся, во рту пересохло, на губах был неприятный привкус... Поначалу он не смог понять, где и с кем он. В ужасе откинул одеяло, а когда повернулся на бок, и руки его коснулись жестких, жженных волос, он содрогнулся от отворачивания, словно очнулся, и даже виновный хмель отпустил...

Никак не мог понять, ну, что за характер такой у этих женщин. Из-за смены раз в два дня цвета ее волосы стали похожи на метлу... Он помнил, что даже ругался с ней вначале, говорил ей «не делай». Но в последние годы ему было все равно. Хочет в красный, хочет в серый, пусть даже в розовый красит, а если захочет налысо пострижется, какая разница? Это ее дело. Да и женщина давно его забросила. Они жили в одном доме словно соседи... Жена считала себя королевой маленького особняка, состоявшего из телефона, планшета и телевизора. Порой она поднимала голову и, обедая глазами комнату, спрашивала: «А почему фрукты не кушаешь?», указывая на стоящие со вчерашнего дня на столе запыленные, потемневшие яблоки и груши... Этим образ заботливой супруги становился выразительнее. «Смотри, тебе нельзя много соли... Ты вовремя принял лекарство? Не ешь картошку... Не добавляй в овсянку сахар. А кофе вреден твоему сердцу. Ну, когда ты, наконец, поймешь, что год назад перенес инфаркт?» Все это напоминало указания врача, а не советы заботливой супруги... Поначалу он даже противился: смотри мне, я тебе не комнатное растение... А когда последовательная забота жены ему поднадоела, он даже нагрубил ей: «Будь уверена, ты первой узнаешь о моей кончине».

Все равно, ничего не менялось, жене выпала доля быть заботливой супругой. Если ничего не надо было, она будила его вопросом – ты спишь? – посреди ночи...

– Я же тебе сотню раз говорил, не буди меня, потом я не могу заснуть...

– Я заволновалась, не услышав твоего дыхания, я целый год не знала сна, глаз с тебя не спускала...

Еженощно этот диалог происходил между ними... Девчушка, в чьи длинные волосы, томный взгляд, нежность он когда-то влюбился, теперь превратилась в тюремную надзирательницу. Хотя нет, ведь в тюрьме иногда дают свободное время... У него же даже на краткосрочную свободу не было права. Он должен был отмотать свой срок до конца. Притом безмолвно.

– Тебе ничего не нужно от меня?

Этот иногда задаваемый женой вопрос, с не соответствующим ее возрасту кокетством, раздражал его. По большей части он делал вид, что не слышит. И теперь он медленно дышал на скрипящей кровати этого древнего санатория, лишь бы женщина не поняла, что он проснулся. Право слово, он просто ненавидел эти места отдыха. «Что я здесь забыл», – говорил и ругал себя с утра до ночи. Но это было необходимо ради толики свободы. Не то от пребывания во время отпуска в летнюю жару, в одном доме вместе с ней его сердце разорвалось бы в груди... Эти бессмысленные процедуры хотя бы занимали его на время... В одной из комнат он дышал «чистым воздухом» из кислородного баллона, а в другой отдыхали ноги, и хотя бы раз в день он находил покой на быстрых пешеходных прогулках. Удовольствие, покой ему приносила не физическая активность, нет, а то, что хотя бы на час он избавлялся от жены, которая не могла его догнать...

Но вот если она встречала здесь земляков... Она словно вымещала на муже недовольство от того, что здесь, в чужой стране, потрепанном санатории встретила знакомых. Она обязательно должна была пригласить их в ближайший ресторан, а сама разодеться в пух и прах.

... Самое главное, чтобы эти несчастные земляки потом сказали, что муж окружил ее заботой...

Да уж, он знал, что делать на подобных собраниях. Первый тост он должен был произнести в честь случайной встречи, а второй обязательно, повторяю ОБЯЗАТЕЛЬНО, должен был произнести в честь жены. Примерно так: «Весь университет умирал от любви к этой девушке, но я всех опередил, никому не отдал, а сейчас хвалят, что красивая, так я сам ее выбрал...» От лицемерия собственных слов он покрывался потом и разом выпивал бокал, списывая красноту на вино, и пару раз кашлял для большей убедительности. А жена в своеобразной манере хлопала его по спине и лицемерно улыбалась, сверкая сделанными в прошлом году зубами...

Пытаясь вдавиться как можно глубже в подушку, он пытался заснуть... Это была его детская привычка, обнявшись с подушкой, он мгновенно засыпал, но на сей раз это не помогало. От вина его тошнило...

Он будто и не видел никогда выпивки...

Да, друзья детства. Когда-то в Баку они снимали квартиру. Когда они учились в университете, эта квартира была местом сбора сверстников, что только они ни вытворяли там, молодые были. Затем его друг уехал в Россию, чтобы поступить в аспирантуру, долгое время прожил там. Когда они встретились во дворе санатория, его рука непроизвольно потянулась к карману, потому как изначально предчувствовал весь сценарий. Друг его вернулся, заработал себе имя, авторитет, женился на девушке из известной семьи. С тех пор они не общались, но сейчас так обнялись, словно только вчера были вместе. Жена не могла не воспользоваться подобной возможностью и, как ей казалось, кокетливо сказала: «Чингиз, давай сегодня пригласим друзей в гости...» Да рука потому и потянулась к карману, он сам должен был оплачивать счет, и хотя с экономической точки зрения это было накладно, характер его с самого детства был такой, он не привык есть чужой хлеб. В общем... Это неизбежная сторона санаторных будней. Показать себя кому-то для жены было сродни «инсулину» для больных диабетом... Поэтому он пошел в ресторан с улыбкой на лице, с легкой радостью в глубине души... Потому что, получив свою долю «инсулина», жена успокоилась бы... Но ему не стоило столько пить. Пока друг вспоминал прошедшие дни, смеялся, рассказывал, они потеряли счет бокалам. Даже пинки из-под стола и тычки локтем жены не возымели действия... Он все пил и пил, чем больше тело немело, тем больше разум прояснялся. И прошлогодний инфаркт, и горсти лекарств, что он принимал, казались ему игрушкой. Если бы только не эта тоска! Да, он задыхался.. Он скучал по женщине, которую оставил вдалеке. Жена умерла бы, если бы узнала. Поэтому он и выключил, спрятал телефон, не интересовался любимой. Но обещал, что это в последний раз. По возвращении из санатория признается во всем, оставив дом и все сбережения на банковском счету жене, уйдет от нее, прихватив с собой лишь свой пиджак. Ведь я с детства был деловитым, неужели не смогу начать все с нуля?! Разве нет?!

...Он хотел повернуться на бок. Сделал это по возможности беззвучно. А когда увидел, что пара глаз уставилась на него, вздрогнул.

– Все же ты себя хорошо вел... Спасибо за это. Ради Бога, ты видел эту его глупую жену, у нее прямо слюнки текли... Прошлый раз на одном из мероприятий она несла всякую околесицу. А сейчас рядом с мужем так важничала, словно она мисс мира...

Он пытался притвориться спящим, но толку от этого не было, жена поняла, что он не спит.

– Меня тошнит...

– Сказала же тебе, не пей столько... Ты будто мне назло вливал в себя эту гадость... Ладно, больше не буду, ты же так посадил на место эту мегеру, молодец. Пойдет и всем сообщит, может, даже уже пишет своим подругам... этой ночью она точно не уснет!

– Меня тошнит...

Сказал и повернулся на другой бок... Жена продолжала в своем репертуаре. Он

и к этому был привыкшим. После каждого мероприятия жена, сравнивая себя с другими женщинами, всеми способами пыталась доказать мужу, как ему с ней повезло. Начиная от одежды, кончая голосом и манерой говорить, она все выносила на спор и в конце должна была одержать победу. Он уже давно привык быть болельщиком жены в этих беседах. «Да, да, разумеется», «Да кто она рядом с тобой», «Да ну нет, я говорю, ты намного выше нее», «Она даже в руки не брала те книги, которые ты читала» и т.п. Потворствуя ей, он терпеливо ожидал, когда жена пройдет финишную прямую... Но сейчас у него не хватало терпения. Его тошнило, голова кружилась. Он хотел пройти в ванную и успокоиться. Когда понял, что жена набирает обороты, не выдержал... Пробубнил под нос – меня тошнит и, встав, шатаясь, побрел в ванную. Засунув голову под холодную воду, немного охладился. Из пространной речи жены, которую она произносила в сторону ванной, до него доносились отрывки: «Сказала же... Ты же не слушаешь... а друг твой козел... видела туфли... утром рано встань... лекарства не выпил... ответы анализов... бороды же нет...»

Не хотел вытаскивать голову из-под крана. Отрезвлялся, но в то же время печалился... Да, задыхался. Жена чуть дверь с петель не вынесла. У него чуть сердце не остановилось, когда он прижал теплое полотенце к лицу. Ему не хотелось возвращаться в комнату, слышать что-либо. Может, ему и не ждть, вернуться в комнату и прямо сейчас все рассказать ей?!

– Тебе от меня ничего не нужно?!

Он содрогнулся от этого кокетливого вопроса жены. Его передернуло от молодого, женственного желанья старухи, которая с утра пораньше по-старушечьи чистила зубы, мыла лицо, нос, хрипло, подобно курильщику с вековым стажем, кашляла, он не знал, что сказать... Лег и накрылся простыней. Он должен был кое-как вытерпеть до утра. Он представлял себе истерики жены и не хотел посреди ночи будить соседей шумом и гамом. От ее прикосновения к спине у него волосы встали дыбом. Если он не повернется, она будет ворчать до утра. Сжав зубы, он повернулся к ней, а когда руки его коснулись сгоревших волос, ему захотелось плакать, однако не заплакал. «Я куплю тебе часы...», – сам не понял, зачем сказал это. Женщина кокетливо улыбнулась, даже захохотала от радости. Приблизив губы, поцеловала его в глаза, в губы... Рот стал соленым, на губах остался привкус баклажана с уксусом. После быстрого занятия любовью, к которому он привык за эти 40 лет, он повернулся на спину и впер глаза в потолок... На старости лет он научился беззвучно плакать. Слезы текли у него из глаз! Женщина подняла голову и посмотрела... Ничего не поняла.

– Не спишь? Ты все же хорош... В тот день в ресторане подруги говорили о виагре... Вот глупые. У хорошей жены муж...

– Ну, хватит уже... Ты, что, и это делаешь назло другим?!

– Ну, что ты говоришь такое?! Просто говорю, что Бог меня всесторонне наградил...

Последующие слова жены он уже не мог слышать. Слезы заливали лицо. В голове стучало и тошнило... Сам себе стал противен, прошел в ванную. Под горячим душем мысли его стали яснее, ждть более не имело смысла. Кое-как проведя ночь, утром почистив зубы, он должен был уйти отсюда. Много слов тоже не нужно. Жена сама разберется, захочет, останется, не захочет, вернется...

Между балконом и комнатой расстояние в три шага. С ночи до утра он сотню раз исходил этот пятак. .. Раз-два-три... Почему же в жизни не так легко?! В этих санаториях странные распорядки, в шесть утра начинаются обследования у врача, приходят ответы анализов. Стук в дверь обеспокоил его... Открыв дверь, он удивился. Врач, который вот уже три дня вдоль и поперек обследовал его и жену, смотрел на него со смущенной улыбкой на лице:

– Не хочу здесь говорить, но пришли ответы анализов крови, я сам хотел их от-
дать...

– Прошу вас, пройдите внутрь.

От того, как врач заглянул в комнату, на жену, у него кольнуло в боку, он перевел взгляд на бумаги у него в руке. Он узнал эту желтую этикетку. Знал, что их прикрепляют к документам тяжелобольных пациентов. Он посмотрел врачу в глаза...

– Будет лучше, если вы вернетесь на родину. Метастазы по всему телу, последняя стадия, мы все в шоке. Легкие... Придете в мой кабинет, поговорим, я скажу, что нужно делать. В обращении с такими больными необходимо быть стопроцентно чуткими и внимательными.

Он закрыл дверь и ощутил, что уши заложило... Он все вспомнил, безостановочный кашель, кровь из носа, понял причину утренних хрипов. Захотел плакать, однако не заплакал, лишь раз всхлипнул.

– Кто это был?

– Да так, медсестра. Время процедуры изменили.

– Ты почему не спал?! Я тебя всю ночь слышала.

– На тебя смотрел...

Сказал и сел на краю кровати. Когда он провел рукой по волосам жены, ему словно щекотно стало. Улыбнулся...

– Давай, я встану, почищу зубы. Знаю, ты чистюля...

– Нет, не вставай, еще рано...

Слова будто застряли в горле. Сам не понимал, что говорил...

– Что ты сказал?

– Люблю тебя! Прости!

Похоронный капитал

Поднявшись с места, первым делом он смотрел на календарь. В начале года он повесил на стене в своем кабинете большой и модный календарь. Перелистывая ежемесячно страницы, вставал на весы, вес его стремительно падал, худел, а колени болели.

Каждое утро передвигал находящийся на цифрах календаря красный квадрат направо, таким образом, дни, месяцы сменяли друг друга... В этот раз он тоже остался предан своей привычке, вначале, подойдя к календарю, поменял день, а затем выглянул в окно, и от погоды на улице его охватила дрожь. Съежившись, погладил свои руки. Хорошо понимал, что сейчас эпоха технологий, и дату календаря можно узнать одним нажатием на экран телефона. Почему-то этот обряд немного успокаивал его, словно он держал время под контролем. Он понимал, что обманывает себя, пытаться держать время под контролем просто смешно. С детства был упрям, вобьет себе в голову что-то, и все... Вот с тех пор и осталась привычка следить за датами. Поначалу ему доставляло удовольствие рвать листки принесенного матерью из школы настольного календаря, читать заметки в нем, а затем ему нравилось вешать календари на стену. Так было более 55 лет... Возможно, его пристрастие к датам и стало причиной его поступления на факультет истории в университете! Но нынче его общение с календарем было безрадостно...

Подобием ритуала стала и варка каши спозаранку. Он давно потерял вкус к еде, сам не знал, что ест, что пьет, да и значения это особо не имело. Заливал кипятком и оставлял на пять минут то рисовую муку, то овсянку, затем добавлял сахар и ел, этого ему хватало на целый день...

Вот и сейчас, поставив чайник кипятиться, волоча ногу, прошел в комнату, еще раз бросил взгляд на дату, встав перед зеркалом, посмотрел на себя и маленькой расческой расчесал волосы: «Мало осталось...» он сказал это и ощутил, что плечи отяжелели, будто ему на спину взвалили огромную плиту, боль стрельнула в пояснице.

Да, 21 марта ему исполнится 65 лет. «Сегодня 21, в этом месяце всего 28 дней, что осталось?!» – подумал, и сердце сдалось. Вернувшись, еще раз взглянул на календарь, увидев, что февраль – 29 дней, улыбнулся, еще один день про запас.

Чайник свистел на весь дом, пройдя на кухню, наспех приготовил завтрак, раздумывая, некоторое время смотрел в окно, а затем большой ложкой проглотил его большими порциями. Детей давно женил, в доме жили лишь они с женой. По утрам просыпался недовольным и жену не будил, чтобы не ссориться. Дети все на работе и только по выходным собирались в этом доме. С начала года все обсуждали его юбилей, где отметить, кого позвать, какие блюда заказать – обсуждениям не видно было конца и краю. Разговоры его злили. «Вы же знаете, что я не отмечаю дни рождения со смерти отца», – говорил им. И его сын, и дочь, и супруга хорошо знали его характер, если за нервничал, то все, нужно сворачивать разговор.

Стоял собачий холод, да еще и бакинский ветер чуть не срывал гаражную дверь... Завел двигатель, кое-как забравшись в машину.

Он водил эту машину вот уже 15 лет, хотя сын и хотел купить новую, но он отказывался, какой в этом смысл?! Услышал стук в двигателе, но проигнорировал его, времени было мало, некогда возиться с машиной, он спешно выехал из гаража, вышел и закрыл дверь гаража, сел и нажал на газ. В конце проспекта видел ателье мод, там было место, где остановить машину, вот туда и спешил...

Заплетающимися ногами он спустился по ступеням в полуподвал, постучал в дверь, затем слегка толкнул, а войдя, слегка опешил. Полная, крупная женщина спала, положив голову на руки. На электрической плите кипел чайник, вода переливалась через край. Казалось, женщине было все равно, так и пожар может случиться... Осторожно подойдя, он выключил плиту, женщина не просыпалась. Когда вошла уборщица, они оба вздрогнули... Повернув голову, уборщица трижды плюнула, присела на одно колено, и произнесла Бисмиллах, затем как ни в чем не бывало позвала спящую женщину:

– Эй, ты, давай вставай, мужчины здесь стоят, а ты разлеглась тут...

Женщина, подобно кошке, примостившейся у дровяной печи, потянулась и посмотрела одним глазом. Затем осознав, что пришел клиент, поднялась на ноги, повернувшись к зеркалу, собрала волосы. Когда уборщица подошла и отдала три маната, женщина безразлично спросила:

– Это что?

– Да ну, вчера я отдала брюки, чтобы зашила манжету.

Две женщины говорили между собой так, будто в комнате не присутствовал мужчина. Ситуация прояснилась, когда портниха убрала три маната... Ему стало душно, с одной стороны – запах перекипевшего чайника, а с другой – удушающая атмосфера тесного подвала...

– Доброе утро. Я хотел бы узнать цены...

Женщина многозначительно сказала «Гм», и значение этого осталось абсолютно не понятным.

– Сколько стоят ткани, пошив?!
– Мы не шьем мужские костюмы...

Что-то вспомнив, уборщица залилась смехом. Портниха вначале пихнула ее, сказала сквозь зубы «заткнись», но затем, не сдержавшись, прыснула. Подойдя к рабочему столу, она смочила палец и коснулась утюга, чтобы проверить, нагрелся ли он.

– Ой, мамочки, горячо, – сказала она... От смеха уборщицы будто рассердилась. – Что ты смеешься?! – Затем что-то вспомнила и, взяв со стола детский костюмчик, стала рассматривать его вдоль и поперек.

Выжав воду из грязной тряпки, уборщица подошла к столу, вытирая края стола, указала на костюмчик...

– Это сына Лейлы? Бог милостив, все хорошо будет...

– Да его, она вчера принесла, просила ушить. Ребенок похудел, вся одежда с него свисает. Бог милостив, но судьба у нее черная. Спустя год после свадьбы ее мужа в армию забрали, не прошло и трех месяцев, как вернули труп, вот теперь ребенок болеет. Говорят, не жилец... Чтоб язык мой усох...

– Ну, при таких бедах красота Лейлы не убавилась..., – прозвучал язвительный ответ.

Диалог женщин все продолжался и продолжался.

Его терпение было на исходе, знал, что так просто они не закончат. Громко кашлянув, подошел к столу...

– Да, дядя, ты еще здесь? Ну, я же сказала: брюки, пиджак я могу подшить, но новые не шьем... Смотри, вот этот я сама сделала...

– Да уж, сделала, – засмеялась уборщица.

Портниха присоединилась к ней.

Он рассердился оттого, что не знал, из-за чего рассмеялись женщины, однако не хотел вступать с ними в словесную перепалку с утра пораньше, он должен был по-быстрому сказать, что хотел, и уйти отсюда.

– Мне нужна белая ткань, я не костюм хочу заказать, она нужна для другого...

– Послушай, дядя, я шью одежду для примадонн, я же тоже человек, где у меня время шить чехлы для матрасов, пододеяльники?

Увидев, что ситуация усложняется, уборщица по-своему предприняла мирное вмешательство...

– Правильно говорит. Если у тебя порвалась манжета брюк, принеси, она зашьет.

У него разболелась голова, но сегодня он решил во что бы то ни стало узнать цену белой льняной ткани.

– Я даже не знаю, сколько метров белой ткани мне нужно, я всего лишь желаю узнать ее цену...

Он почувствовал, что портниха потеряла терпение, она явно нервничала, и, наконец взорвалась...

– Слушай, мужик, ты, кажется, себе на голову проблемы ищешь... Ну, что я могу сшить тебе из белой ткани?! Либо чехол для матраса, либо саван... Боже упаси...

– Да, верно... Я спрашиваю для савана.

Он и сам почувствовал, что произнес слово «саван» как ругательство. Портниха на миг оторопела, но, поняв, что клиент говорит серьезно, начала проклинать и ругаться...

– Чтобы Бог сгубил ту стерву, чтобы не видать савана... Она на улице сдохнет, как собака, я ведь сказала ... Ты посмотри, какие ловушки она для меня расставляет, ты на нее посмотри. Никто же к ней не ходит, кто же купит ее кривые пошивы? Сучка с утра пораньше подсылает ко мне человека... Ради Бога, не стой передо мной, ты меня уже разозлил, иди отсюда. Имей достоинство, ты мне в отцы годишься, не то не пожалею на тебя пару ласковых... Здесь что, мечеть, чтобы саван продавали?!

Женщина говорила, не переводя дыхания, чем больше говорила, тем больше выходила из себя, а чем больше злилась, тем больше глаза ее наливались кровью. А уборщица подливала масла в огонь. Пока не поздно, надо было уходить... Не то эти фурии объединятся и нападут на него. Он забыл, в какую сторону открывалась дверь, начал трясти ручку, увидел, что по ту сторону кто-то стоит. Убрал руку с ручки и дверь отворилась. Кем бы ни был вошедший внутрь человек, но женщин словно окатили водой. Обе замолчали, портниха даже улыбнулась...

– Лейла, доченька, ты пришла?! Прости, ради Бога, если бы меня так не задержали, все уже было бы готово. Посиди две минутки, я только проглажу и заберешь...

Он узнал Лейлу, его словно к месту пригвоздили. Не мог ступить и шагу. Эту девушку, которую когда-то готовил к университету, он выделял среди прочих, она была

другой. Он замер, ведь еще тогда был уверен, что эта девочка – богиня красоты, повзрослев, превратится в красивую привлекательную женщину. Когда портниха, округлив глаза, сказала: «Дядя, ты не намерен уйти?» – Лейла тоже узнала человека, который смотрел на нее, не отрываясь. Она рукой откинула от лица упавшие на лицо волосы, улыбнулась, глаза заблестели...

– Боже мой, Чингиз-муаллим... Я так рада.

Сказала и обняла его и, как ребенок, поцеловала в щеку. Увидев косые взгляды женщин, она отступила назад, но руки не отняла.

– Вы совсем не изменились, даже помолодели... Я даже не думала, что увижу вас... В тот день ребята собирались, я не смогла прийти, но мне рассказывали, что вы вспоминали всех нас... Помните, как мы в театр пошли?!

Лейла улыбалась, вспоминая это событие, как самое приятное воспоминание прошедших лет, глаза ее светились. Но то и дело поглядывала на портниху, понимая, что вместе с уборщицей они собирают материал для сплетен, отпустила руку учителя и была немного смущена...

– Я тоже рад тебя видеть, Лейла, всегда о тебе спрашивал, когда видел кого-нибудь из ребят, передавай привет родителям. Мой номер тот же, звони, когда будет возможность...

Он сказал это по возможности серьезно и как учитель, а затем резкими шагами вышел из ателье.

От проклятий портнихи настроение его совсем испортилось, но в то же время его охватило не понятное ему самому чувство ностальгии, видимо, из-за встречи с Лейлой... А также ему удалось узнать, что саван продают в мечети. Когда в роду кто-то умирал, похоронными делами занимался его старший брат и потому он не разбирался в подобных вещах. Его дело – преподавать, рыться в книгах и тетрадях, лишь однажды, когда умер отец, он занимался всеми вопросами... Да, последним словом отца перед смертью стало слово «паспорт».

Два года на зимние месяцы он привозил его к себе. В районе вода, газ, электричество были проблемой, он не мог согласиться, чтобы отец мучился. И потом с тех пор, как два года до этого мать умерла, отец ходил безрадостный. «Может здесь тебя внуки займут, развеешься», – говорил ему.

А в тот день, когда отцу исполнилось 65 лет, настроение его было совершенно прекрасным, все твердил: «Завтра я с женой встречусь» и смеялся радостно как ребенок. Да и хорошо поел-попил... Наутро искупался, побрился, сел за стол, намазал на хлеб масло, пригубил чай и положил на стол... Тихонько сказал: «Я умираю». Это была его привычка с молодости, почувствовав себя чуть плохо, немного переутомившись, сразу начинал: «умираю». Но, кажется, в этот раз все было серьезно, он пошел в свою комнату, лег на диван и сказал: «умираю». Затем, немного повысив голос, сказав: «Не толпитесь над головой, умираю». Он и его жена застыли в недоумении, ничего не понимали, вчерашние и сегодняшние слова отца казались им шуткой. Внезапно отец тихо сказал «паспорт» – и закрыл глаза. Выпитый глоток чая полился из его рта.

Смысл слова «паспорт» стал ясен, лишь когда вызвали «скорую помощь», при получении свидетельства о смерти. Когда из красного советского паспорта выпали завернутые в маленькую белую бумажку рубли, он не сдержал рыданий. Несколько слов, написанных на бумажке зеленой ручкой, навсегда отпечатались в его памяти: «Смерть естественна, сынок, не теряйте голову!» До распада Советского Союза и смены денег оставалось мало времени, опоздай смерть на несколько месяцев и отложенные для похорон рубли превратились бы бумагу.

Его отец был человеком старого склада ума, откуда ему было знать, что такое смена денег, он так и хранил бы «дорожные припасы». Но этот простодушный человек прекрасно знал, когда умрет...

После этих событий он долго не мог прийти в себя.

Несколько раз обращался к невропатологу, лечение немного успокоило его, но последние минуты жизни отца все стояли перед глазами. С трудом взял себя в руки ради детей. Зарплата в школе была мизерная, поэтому выделил в доме одну комнату и готовил там абитуриентов, хорошо жили. У сына и дочери было свое дело, уровень жизни их устраивал. Супруга же – нежадный человек, из достойной семьи, довольствуется малым. Одним словом, нет ничего, что нарушало бы его покой. Если бы только не было этих цифр... С приближением 65-летнего порога характер его тоже менялся, сон пропадал, как только закрывал глаза, видел последние минуты жизни отца. Порой он и свой последний день видел таким же, плача, просыпался и не понимал, во сне он оплакивал смерть своего отца или свою собственную...

Тогда даты рождения записывали как попало, кажется, год рождения и отца, и матери записали неправильно... С такими мыслями он несколько раз даже поднимал архивы, перерыл все старые документы, но не нашел, за что бы ухватиться. Порой сам себе говорил: «Ну, ведь время уже не то, каждый год прохожу обследования, у каждой моей болезни есть свое лекарство, ну, что со мной такое, почему я должен умереть?!», затем вспоминал, что и у отца не было тяжелой болезни. И бежал к календарю считать свои дни, опять ... Поминки посещал в редких случаях, а когда он вынужден был выражать соболезнования близким людям, то видел модные, дорогие поминки, и его снедало беспокойство – сколько это интересно будет стоять?! – не желал быть детям обузой. Поэтому крепко-накрепко решил, что за месяц разберется со всеми счетами, определит, сколько денег будет нужно...

И потом почему-то ему казалось, что таким образом он отвлекает себя, тем самым отгоняя страх смерти, а последние дни проживает как механическую подготовку. Думает об этом как человек, который готовится к временной поездке.

Он был знаком с ахундом мечети, стоящей в верхнем квартале города. Кое-как проехав на машине по узким улочкам, он приехал в мечеть. Сняв обувь, прошел внутрь, помолился вначале, а затем прочитал поминальную молитву по отцу. Во время молитвы ему вспомнилась Лейла. Вспомнил слова портнихи: «муж ее умер, ребенок болен...» Интересно, так ли это на самом деле? Ведь Лейла была в приподнятом настроении и совсем не выглядела грустной. Нужно было взять ее номер, укорил он себя, а затем удивился тому, что думает об этом в мечети... Ахунд, закончив намаз, подошел к нему.

– Ассалакум-алеЙкум, Чингиз-муаллим, с добрым делом?

– Спасибо, хаджи... Вот мимо проезжал...

– Нет, что-то ты странно выглядишь, надеюсь, не болен...

– Да так, слава Аллаху, не плохо. Я хотел спросить об одном деле...

От пристального взгляда, которым окинул его ахунд, у него пересох язык. Но он не показал виду и попытался улыбнуться... Забеспокоившись, ахунд забросал его вопросами:

– Ты меня совсем обеспокоил. Неужто что-то случилось, или кто заболел в семье. Хорошо, открою Коран, напишу молитву, почитаю аяты на воду, а ты выпьешь, все твои беды уйдут. Я готов, говори, что надо.

– Нет, что ты, нет. Я лишь цены хотел узнать... Сколько стоят саван, похоронная церемония и т.п.

Ахунд расхохотался. Начал говорить, перебирая четки с явным рвением.

– Ну, так начал бы с этого... Я-то думаю, что случилось?! Жизнь человеку Аллах дает, только Ему и известно, когда готовишься заранее, Бог, обидевшись, забирает человека поздно... У меня есть брат, занимающийся этим. Берет на себя всю организацию похорон и поминок. Так как нужно, достойно, так как хочешь...

Говоря это, ахунд вытащил свой айфон последней модели, набрал номер и начал говорить, поставив телефон на громкоговоритель:

– Ассалакум-алеюкум, брат. Да благословит Аллах души твоих родителей, да ниспошлет Он здоровья твоим детям, да упокоятся миром все твои почившие родственники, да удлинится жизни всех живых. Да достигнешь ты всех своих желаний. Да не заберет Аллах ни одного своего раба без шахада, иншаллах... Да направятся дети твои...

От нескончаемых благословений сахар в его крови стал подниматься, в глазах темнело. Показав на наручные часы, намекнул, что спешит.

Наконец, ахунд перешел к делу. Когда же заговорил брат по ту сторону линии, ахунд оказался наименьшим из зол:

– Брат, ты знаешь, что ты занимаешь особое место в моем сердце. Да ниспошлет Аллах твоему другу здоровья. Нынче каждый умный человек подготавливает все заранее... Вот внезапно ты умер, что будешь делать, если не найдется достойного места, либо если самый лучший мойщик покойников тел занят?!

Из слов друга, говорящего то с персидским, то с русским акцентом, было ясно, что он создал целый бизнес на этом.

Омывание, саван, мечеть, молитва фатиха, мулла, дом церемоний, наполненное вкусными яствами меню поминок – начиная от халвы и кончая черным изюмом, огороженное место для погребения в самом аккуратном кладбище города, черное мраморное надгробие и т.п., он все посчитал и назвал цену... Причем то и дело говорил: «Смотри передо мной стоит калькулятор, чтобы все по-честному было, я считаю со скидочными ценами».

А в конце подвел итог:

– Если в среднем будет 20-25 тысяч, то мы с с честью сможем проводить покойного в последний путь... Если желает, может отдать деньги нам, у нас и банк свой есть, откроем счет, когда время настанет, сообщим семье, либо пусть составит завещание. Мой номер неизменен, пусть отдаст сыну, что надо, мы скажем...

От этих разговоров у него кружилась голова. Сахар просто зашкаливал. Записав номер, второпях распрощавшись, он вышел из мечети. Цена оказалась такой, как он и предполагал. Ему нужно было доложить деньги на банковский счет, который он открыл несколько месяцев назад. Зайдя в находящийся недалеко от дома филиал, он положил на счет все, что имел на руках, девушка-оператор с улыбкой на лице выдала ему письменное свидетельство, на счету было ровно 25 тысяч манатов.

Придя домой, он положил банковскую карточку, шифр и паспорт в кулёчек и спрятал его в нагрудный карман пиджака... Пройдя к зеркалу, посмотрел на свое изможденное лицо, глаза были впавшими, пробубнил под носом: не буду огорчать детей, зачем это завещание, после смерти первым делом будут искать паспорт, а когда увидят карточку, то все поймут, возможно, я, как и отец, оставлю письмо...

По мере приближения дня рождения он все больше слабел, морщин на лице словно становилось все больше. Подобно беременным женщинам он испытывал боли в животе. Он стал желчным, стараясь жалить каждого... Какие бы сны ему ни снились, по утрам он просыпался весь в поту. А тем, кто спрашивал, что с ним, отвечал резко.

По вечерам выходил гулять, искал одиночества, находил успокоение в беседах с самим собой, размышлял о прожитых годах. Думал о том, что сделал правильно, а что нет. Очень сладостный и родной голос пробудил его от мыслей, он даже вздрогнул, словно его поймали за преступлением...

– Вечер добрый, Чингиз-муаллим.

То была Лейла...

Он немного растерялся, глядя в ее светящиеся добротой глаза. Ветер растрепал иссиня-черные волосы. Оба молчали. Возможно, он впервые смог ощутить поселившуюся в ее глазах печаль...

У портнихи она казалась ему другой. Сейчас же было видно, что на лице ее дежит глубокая тень печали.

– Вот видите, а потом говорят, что все портные – лжецы. Шафа все рассказала мне о вас... Имя ее Шафига, но все называют Шафой. Она очень долго ворчала после вас, а затем сказала, что вы каждый вечер выходите в этот парк. Вот я вышла с надеждой, что, может, увижу вас и настроение улучшится.

– Разве есть что-то, что тебя огорчает?!

– Да, мой сын болен. Вы не знаете, но тогда и муж мой...

– Портниха говорила об этом, да упокоит Аллах его душу... Это какой парень, который с нами ходил в театр?!

– Вы не забыли?! Я тоже не могу забыть...

Он никогда не забывал тот спектакль... В то время он проходил с учениками историю Государства Тимуридов и сказал им: «Вы обязательно должны сходить на спектакль «Хромой Тимур», и сам организовал поход в театр. Лейла пришла с высоким, симпатичным парнем, что ему, как педагогу, не очень понравилось. Было видно, что молодые люди влюблены друг в друга. Когда Тимур, обращаясь к поэту Кирмани, сказал: «Ты прав, потому что ты поэт. Но эти двуногие дикари поклоняются не справедливости и милосердию, а страху и ужасу», Лейла растрогалась, а, выходя после спектакля, обняла и раскрыла душу не красавцу подле себя, а своему учителю. Почему все эти годы он не забывал этих слов Тимура, печали Лейлы и то, как она обняла его... И сейчас он в мельчайших подробностях вспомнил тот день.

– Смотри, вот в этом кафе готовят отличный кофе. Давай посидим, – сказал он...

Сели. Лейла то и дело откидывала волосы от лица... Поправляла ворот рубашки, говорила серьезно, а затем смеялась. Не отрываясь, смотрел на нее, ее слова возвращали его назад в прошлое... Ему не хватило смелости заговорить о болезни ее сына. Немного погодя, она сама заговорила.

– Лечение есть, но очень дорогое. Я не осилю. Богатые родственники тоже отвернулись от нас. Аллах еще не забирает, но времени у меня мало. На первом этапе нужно 20-25 тысяч... Возможно, что второй этап и не нужен будет, ребенок маленький еще...

Когда он услышал цену, сердце его кольнуло. В его голове моментально созрел план ... Спокойно попросил счет и даже сдачу не забрал. Вышли, он потянул девушку к банкомату неподалеку от кафе. Ввел карту и набрал пароль.

– Смотри, вот здесь ровно 25 тысяч. Возьми эту карту, пароль написан на этой бумажке, это последние четыре цифры моего телефонного номера. Вылечи сына, жизнь – хорошая штука...

Сказал, и самому стало стыдно от этого простого афоризма... Не обращая внимания на все протесты Лейлы «нельзя, не могу, но почему», увидел, как печаль в глубине глаз девушки превратилась в надежду, в радость... Поэтому не стал задерживаться... Попрощался.

– Не знаю, как вас благодарить. Обязательно позвоню, чтобы сообщить результат лечения. И сына с вами познакомлю. Пусть знает своего спасителя. Я верю, все будет замечательно...

Лейла говорила эти слова, радуясь, как ребенок, но затем, посерьезнев, посмотрела глазами взрослой женщины...

– Можно, я иногда буду вам звонить?! Не побеспокою вас и вашу супругу?

Давно забытая дрожь охватила его тело... Он быстро прогнал это ощущение... «Не звони, занимайся сыном, жизнь – хорошая штука», – сказал он на прощание и удалился.

Шагая к дому, он вдруг ощутил, каким он стал легким, словно перышко...

– Мало осталось, – прошептал он и вспомнил, что, кажется, этим утром он не поменял дату в календаре. Интересно, какое сегодня число, он даже не знал этого!..

Пигмалион

Древнегреческий миф гласит, что Пигмалион был скульптором, влюбившимся в Галатею – скульптуру, вырезанную им самим.

Бель что есть силы пинал дверь, словно пытался выместить на ней свою злость, но никак не успокаивался. Анхиноя не успела вытереть испачканные в тесте руки, как отошла верхняя часть рамы, тонкая полоска света просочилась в дом. Если так пойдет и дальше, рама окончательно сломается, поэтому женщина пошла открывать дверь прямо так, с испачканными руками. Она споткнулась, дойдя до двери, но сумела удержаться, упави она в таком возрасте, это было бы ее последним падением. Да и Бель жаловался на старость. Когда он в ярости бросил дрова рядом с печью, поднялась такая пыль, что он зачихал. Прежде чем обратить внимание на гневный взгляд своей жены Анхинои, он 9 раз чихнул. Анхиное было известно, что если он не выпьет воды, то не прекратит чихать, однако по какой-то причине не торопилась бежать за стаканом, вместо этого строго смотрела на мужа. Наконец Бель сам пошел за водой, сделав большой глоток, что есть мочи, стукнул стакан о стол, оглушающий звон разлетелся по дому.

– Осторожнее, ты каждый день разбиваешь стаканы. Если так пойдет и дальше, скажу твоему сыну, чтобы вырезал тебе стакан из дерева.

– Прямо такой у тебя полезный сын. Сколько времени он не прикасается ни к дереву, ни к камню. Не женится, не ест, не пьет, не спит как нормальный человек. А мы постарели уже. Разве я в том возрасте, чтобы в лесу рубить дрова?!

Бель сказал это так, будто во всем была виновата жена. Да и Анхиноя подобно провинившимся людям опустила голову и промолчала. На Кипре все молодые люди женились рано, не причиняли беспокойства родителям, наоборот, заботились о них, однако Белю и Анхиное почему-то не повезло. Их сын Пигмалион был другим. С детства не отставал от скульптора Атисто, вырезая маленькие фигурки. Взрослея, он стал мастером этого дела, каждый день изобретал все новые способы и делал великолепные скульптуры. В скором времени слава ученика старого Атисто распространилась по всему острову, а затем и по всей Греции. Богатые люди заказывали ему скульптуры для своих домов и особняков, покупали готовые сувениры. Пигмалион работал днями и ночами напролет, не различая ни камня и дерева, ни песка и глины, получал удовольствие от работы. Да, удовольствие получал Пигмалион, а деньги получали родители. Поэтому старики, привыкшие хорошо жить хорошо и ни в чем не нуждаться, были сильно обеспокоены тем, что сын потерял желание работать. Безденежье кое-как можно было выдержатъ, хоть Бель уже и был стар, все же работал в порту и кое-что зарабатывал, худо-бедно кормились...

Но вести о моральном банкротстве Пигмалиона, о его нежелании работать распространились по всему острову, народ придумывал различные сплетни, всюду судачил. Бель ворчал, Анхиноя плакала, Пигмалион же ни на кого не обращал внимания, вставал утром, до восхода солнца отправлялся на остров Слонов и только глубокой ночью возвращался домой. Так назывался маленький островок недалеко от Кипра. Слоны, предчувствуя смерть, приплывали сюда, чтобы здесь умереть. Пигмалиону в детстве это рассказал его учитель Атисто. Именно он рассказал, что по своему цвету слоновая кость близка к цвету человеческой кожи. Ему надоело вырезать из дерева, камня либо ваять из глины. Во время работы у него болели руки, горели глаза. Но он и сам понимал, что все это лишь отговорки. Он был готов ко всему, лишь бы осуществить мечту, которую лелеял на протяжении долгих месяцев. Он не знал, сколько еще должен был ожидать на острове Слонов. Хотя нетерпение порой и буревало его, все же он терпеливо ждал. Лишь бы его друзья-рыбаки не жаловались...

Каждый раз он просил и забирал большую лодку, чтобы не терять времени на случай, если ему повезет. Когда ночью он возвращался с пустыми руками, друзья бурчали, предупреждая его: «Утром больше не проси лодку». Но хорошо знали, что еще до рассвета Пигмалион будет их ждать, будет умолять взять самую старую, потрепанную лодку и поплывет на ней на маленький остров. Видимо, именно его друзья и распространяли о нем слухи, называя его «сумасшедшим», ведь какой умный человек месяцами будет ходить на кладбище слонов и искать там кости.

И в этот раз у него было особых надежд. Но не теряя веры в справедливость великого Зевса, не отступал от намеченного пути. Когда он приблизился к острову, небо светлело. Бросив якорь, он выбрался на берег. Увидев следы, на минуту растерялся, затем, поняв, что они принадлежат ему, засмеялся. Устроившись поудобнее под большим деревом, он начал любоваться морем. Как замороженный, он повторял имя Галатеи... Будто четки, он перебирал во рту буквы, то произносил полностью, то делил по слогам. Так он назвал свою, еще не созданную статую, о которой мечтал месяцами. Мастер Атисто на смертном одре завещал ему: «Если хочешь, чтобы выглядела, как живая, то обязательно высеки ее из слоновой кости». Галатея не выходила из его головы, властвовала его думами, заставляла сердце трепетать. Он понимал, что влюбился, но как он мог влюбиться в статую, которую еще даже не создал и знал только ее имя... Но что поделаться, если он не мог никак по-другому назвать чувства, овладевшие им, кроме как любовью. Но что поделаться, если чувства, овладевшие им, никак, кроме как любовью, он назвать не мог. Сердце его билось учащенно, аппетит пропал, не желал ни общаться ни с кем, ни работать, ни развлекаться. Если бы нашлась подходящая слоновая кость, у него не было бы никаких проблем, он, наконец, воссоединился бы со своей Галатеей. Эти слоны что-то очень долго живут... Он сказал это так, чтобы никто не услышал. Впрочем, все равно на острове нет никого... Пигмалион искал везде, но не нашел кости, достойной его Галатеи, поэтому оставалось лишь ждать смерти. Смерти слона. Как бы тяжело не было признавать, но он приходил на остров каждое утро, в ожидании умирающего слона. Он стыдился того, что он ожидает смерти другого существа для воссоединения со своей возлюбленной, но что он мог поделаться? Вдруг до него донесся плеск воды. Этот шум был ему знаком, но он не хотел верить. Он осмотрелся, спрятался за широким стволом дерева. Выбившийся из сил слон с трудом плыл к берегу. Что здесь делать слону?! Собственный глупый вопрос рассердил его... Он никак не мог поверить, что момент, который он ждал все эти месяцы, наконец настал. Когда слон вышел на берег, стало видно, что он без сил и тяжело ходит. Пигмалион не знал, радоваться ему или печалиться... Ему вспомнились инструменты, которые он запрягал под деревом еще в свой первый приезд на остров. Быстро побежал проверить, а когда понял, что всё на месте, успокоился. Он знал, где слон собирается умереть. Впереди прямо посреди густого леса находился поляна, годами это было местом встречи слонов со смертью. Он стоял немного в сторонке, за высокими кустарниками. Он вел себя прямо, как охотник, словно готовился атаковать слона, и успокоился; вдруг не умер, вдруг долго продлится, вдруг ночь наступит, вдруг у него не хватит смелости разделать тушу и отделить нужную кость?! Так он стоял, терзая себя этими вопросами, сердце его подкатывало к горлу и, казалось, готово выпрыгнуть из груди... Когда слон упал, земля затряслась, как от землетрясения, ветви деревьев затрещали, ударяясь друг о друга. Пигмалиону захотелось убежать, но, представив перед глазами Галатею, осмелел. Наблюдая за тем, как умирает слон, он плакал. Но плакал не из-за смерти благородного животного. То были слезы радости от скорого воссоединения с его любимой Галатеей... С этой радостью он проработал всю ночь, при помощи заранее принесенных инструментов извлек и выложил необходимые ему кости. Это было отнюдь не легкое дело, но и чьей-то помощи он не хотел. Закончив работу, вспотевший, он водрузил на плечо большую и тяжелую кость и потащил ее к морю. Учитель говорил, что кости необходимо промыть соленой водой, прежде чем приступить к делу.

Он был полностью поглощен своей работой, его не трогала ни кровь, испачкавшая его лицо и волосы, ни пораненные руки. Моя прекрасная, возлюбленная Галатея, моя дорогая, любовь, которую я столько лет ждал, наконец, я тебя нашел, почему ты пришла так поздно, почему ты заставила меня так долго ждать?! Пигмалион все произносил эти бессвязные слова и любовные жалобы так, словно пел песню, не переставая сосредоточенно промывать кость. Разглядывая на солнечном свете кость, он думал, именно такой и должна быть моя возлюбленная. Не волнуйся, моя красавица, я глаз не сомкну ни днем, ни ночью, но воссоединюсь с тобой. Основательно промыв, он положил ее в лодку, ему стало стыдно за эту потрепанную лодку. «Дорогая моя, прости меня, эта лодка тебя недостойна... Но ничего, теперь есть ты, теперь я вновь хочу жить, я буду работать и куплю новую...», – сказав это, он прыгнул в воду. После купания лицо его светилось, а глаза блестели...

Когда он подплывал к Кипру, люди в порту с удивлением смотрели и спрашивали себя, как он смог в одиночестве поднять и перенести такую большую и тяжелую кость? Сойдя с лодки подобно победителю, Пигмалион сказал: «Идем, любимая», а затем демонстративно и немного назло друзьям взял кость и направился к дому. Кость, под тяжестью которой ранее он прогибался, теперь казалась ему не тяжелее перышка. Когда он зашел во двор, в полуразвалившуюся мастерскую, его родители посмотрели на него застывшими от удивления глазами и обрадовались. Наконец их сын создаст свое самое лучшее творение, заработает много денег, слава его увеличится. Анхиноя сжала трясущуюся руку мужа, да и Бель от радости обнял старуху. Они знали характер Пигмы (так любовно называли его родители), теперь его нельзя было трогать, нужно было положить его еду и питье под дверями мастерской и уйти.

Ровно три дня любимый Пигма не выходил из своей комнаты и не притрагивался к оставленной ему под дверью еде. Только пил воду и работал, странно, но даже голоса его не было слышно. Но как же было возможно беззвучно обтесывать кость такой величины?! Однако Пигмалион касался ее так, как касаются возлюбленных, работал кончиком инструмента, кончиком пальца. Чем четче становились формы, тем больше он ласкал Галатею, приговаривая: «Красавица моя, я готов погибнуть во имя твоих красивых глаз... В мире нет другой такой... О, великий Зевс, ты только посмотри на ее щеки, на ее губы, посмотри на изысканность ее пальцев... Кажется, я схожу с ума, ах, если бы только хоть раз поцеловать ее и моя прекрасная Галатея ответила бы на мой поцелуй?!»

Пигмалион говорил и обтесывал, обтесывал и ласкал статую. Ему казалось, что Галатея – самое прекрасное его творение, его и его учителя. Однако сердце никак не желало успокаиваться... Он желал высечь каждую ее частичку идеально. Ночь он спал у ног Галатеи, а проснувшись утром, целовал пальцы ног со словами: «Доброе утро, душа моя».

Когда Бель и Анхиноя вошли внутрь, он вздрогнул, он накинул свое одеяло на плечи Галатеи, скрывая ее обнаженное и привлекательное тело. Никто не должен был видеть ее красоту, им бы не простили это счастье, его разлучили бы с Галатеей... Родители удивились, но не показали виду. К тому же они радовались, ведь новое произведение Пигмалиона нашумело на весь остров, уже появились покупатели. Богатые горожане спорили, кто из них купит статую. От этих разговоров у Пигмалиона разболелась голова, прогнав родителей из комнаты, он кинулся к стоящему в углу ларцу. Вытерев пыль, он открыл ларец: «Любимая, я хранил это для сегодняшнего дня, знал, что этот миг настанет, он понадобится...»

Он очистил запылившиеся серебряные монеты, крепко закрыл дверь мастерской и, приставив к ней большой камень, побежал к самому известному портному острова. Когда портной увидел грязного скульптора, с поседевшими от костной пыли бровями, застыл на месте. Но не показал виду, потому как знал, что в скором времени Пигмалион станет богат и потому надо немедля выполнить его заказ.

– Но ведь я должен снять мерки?!

Он быстро раскаялся в своих словах, когда Пигмалион подобно льву проревел «нельзя»... Затем руками показал все размеры. Его руки не могли забыть размеры того прекрасного тела... Ее груди лишили его сна, он точно показывал тонкую талию, длинные ноги, округлые ягодички. Он стоял над душой мастера и ждал, а у того от страха руки тряслись, но, отрезая ткань, он представлял себе эту женщину и пускал слюни.

Пигмалион был счастлив, что заказал шить платье. Одевая свою Галатею, он волновался, сердце его было готово выпрыгнуть из груди... Вытерев лицо мягкой тканью, он немного успокоился. Когда немного спустя вошла мать, он разозлился, хотел ее выгнать, но многозначительное выражение лица женщины обеспокоило его, он взял себя в руки.

– Ужели с отцом что-то случилось?

– Нет, сынок, твой отец пока что в порядке... Но ты знаешь, что он уже стар, возможно, эту зиму он не переживет...

– Что ты хочешь сказать?!

Пигмалион прекрасно знал, куда приведут эти уже давно ходящие в доме разговоры. Он еле сдерживал себя от волнения и гнева... Хорошо зная нрав сына, мать говорила с осторожностью.

– Знаешь, новый глава острова поднял цены на могилы... Тех, у кого нет денег, хоронят в общих могилах. Нам нужно накопить денег, тебе не пристало хоронить отца в одной могиле с бедняками.

– Что ты хочешь этим сказать?! – в этот раз Пигмалион плакал, задавая вопрос. Не из-за смерти отца, потому что каждое новое слово его матери разлучало его с Галатеей...

– Тебе прекрасно известно! Самый богатый человек острова Эвридикий услышал о статуе, он придет завтра. Сколько ни скажешь, столько и даст... Пойми, мы не можем ославить себя, похоронив твоего отца в общей могиле. О чем ты еще думаешь, слоновьих костей так много, ты сделаешь новую и намного лучше этой...

От непрекращающегося потока слов матери кровь стыла в жилах... Он заорал во все горло:

– Говори тише, она же все слышит, разве ты не понимаешь?! Ну почему вы не можете уразуметь, что Галатею можно создать лишь раз в жизни?! Ее создал Зевс, Зевс водил моей рукой, разве ты не понимаешь?!

Говоря все это, Пигмалион плакал, затем замолчав, вытер лицо, не желая, чтобы Галатея видела его таким жалким... Прогоняя мать из комнаты, он услышал лишь одно предложение: «Они придут этим вечером...»

Он не знал, что ему делать. Скажи он Эвридикию «нет», то разрушил бы семью, свой дом... Его отец и мать немало трудились, он не хотел обижать их, оставался единственный выход – бежать. Нужно было где-то спрятать Галатею, чтобы те, кто придут, не увидели ее, поверили, что все разговоры лживы... Он накинул на нее все покрывала, что были, и хотел унести. Но у него не хватило сил, сколько ни пытался, он не сумел сдвинуть с места статую... Сорвав покрывала и закинув их в угол, он разрыдался. Он понял, это была более не слоновая кость, это была Галатея!

– Прости меня, Галатея, я не могу опозорить своих родителей.

Сказал и убежал... Побрел в сторону моря, а по острову распространилась новость, что идет исполняющая желания людей Афродита...

ФИДАН ДЖАФАРЗАДЕ

О ТОМ, ОПРАВДЫВАЕТ ЛИ ЦЕЛЬ СРЕДСТВА

Идеи гуманизма имеют длительную историю формирования и развития и пронизывают труды ряда философов, поэтов и писателей.

Эрих Фромм необоснованную агрессивность определяет как «препятствие на пути человеческого прогресса».

В то же время Зигмунд Фрейд, отмечая широкомасштабный рост разрушительных сил в мире, создал теорию, согласно которой человек наделен врожденной страстью к разрушению.

Никколо Макиавелли в трактате «Государь» утверждает, что «государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности».

Действительно, история изобилует примерами жестокости, проявленной ради достижения власти. Такие примеры можно проследить также в трудах Зии Буниатова, Азизы Джафарзаде и многих других. Так, Моисей Каганкатлы (Каланкатуйский) в «Истории Агван», т.е истории древнего азербайджанского государства Албании, рассказывает о том, как Вардан с помощью отравленной еды умертвил шестьдесят человек, принадлежащих роду Араншах. В Бехистунской надписи, а также в записях Геродота говорится о том, что ради ахеменидского трона Камбиз II приказал умертвить своего брата Бардию. В то же время мидийский маг Гаумата (выходец из древнеазербайджанского государства Мидия), воспользовавшись тем, что о смерти последнего было известно лишь немногим, пока Камбиз II находился в Египте, прикинулся Бардием и воссел на трон.

Власть и богатство относительны: один и тот же человек может показаться кому-то, исходя из его собственного финансового и социального положения, обладателем значительного богатства или власти, а кому-то – обделенным ими. Власть и богатство могут иметь разное происхождение, и это происхождение имеет существенное значение в раскрытии сущности их обладателя. Каждый человек принимает множество решений, определяемых его потребностями и внутренними убеждениями. И каковы бы ни были цели, способы, избранные для их достижения, определяют нашу сущность, делают нас теми, кем мы являемся. Способы так же, как и цель, если не в большей степени, связаны с ценностями человека. Отказ от ценностей, выбор средств и методов, противоречащих им ради даже благородной цели, никогда не приведут к искомому результату, ибо эти методы не обладают связью с избранной целью. Имеет место ошибка в вычислениях, суждениях. Множество таких ошибок, вмешивающихся в систему жизнедеятельности других людей и создающих сбои и там, постепенно превращает самого этого человека в ошибку системы, которую необходимо исправить или устранить.

Как говорил автор «Государя»: «Если своевременно обнаружить недуг, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет». Так и человек, своевременно не обнаруживший и не пресекавший ошибку в суждениях, будет ошибаться все больше и больше, совершая поступки, которые со временем становятся лишь хуже.

Иными словами, невозможно достичь возвышенных целей, используя бесчестные методы.

В книге «Сокровищница тайн» Низами Гянджеви отмечает:

*То, в чем нет справедливости, твой не умножит доход,
То, в чем нет правосудья, как ветер, тебя унесет.
Справедливость – гонец, что спешит наш обрадовать разум;
Тот работник, что в царстве все нужное делает разом.*

Итак, Низами отмечает, что именно справедливость способна помочь достичь любой цели: начиная от приумножения дохода, заканчивая обретением власти и установлением порядка в стране, предупреждая о противоположном эффекте несправедливости. Стремление иметь больше, чем необходимо, и стремление добыть это большее, отняв, а не создав и не заслужив, сходно с поведением человека, насытившего свой желудок, однако продолжающего усердно заполнять его едой. Итог один – тот же, что у царя Мидаса. Недаром азербайджанская правительница Нушабе преподнесла ценный урок Александру Македонскому, накрыв стол перед голодным царем блюдами из драгоценностей.

Мораль – это не просто слово, служащее неким щитом для слабых. Мораль – это разумность, соразмерность, гарантия свободы и безопасности всех и каждого. Так создала всех природа: люди не могут отнять способность дышать, ходить и писать, всего этого они достигают самостоятельно, для этого нужно потрудиться. Точно так же люди учатся доверять и полагаться друг на друга. Такова мораль природы: заслужи все и живи в мире с другими. Это то, чему учится каждое живое существо с момента своего появления на свет. Нарушая эти правила из-за лени, существо, даже будучи в одном экземпляре, нарушает баланс жизни, вносит в нее хаос. Начинается борьба не со своими недостатками, а друг с другом, происходит не общение и сотрудничество, а противоборство.

Значимость личных качеств и социальных связей в обществе ярко отображается в дастане «Китаби Деде Горгуд», запечатлевшем древний азербайджанский ритуал имянаречения, согласно которому право на самостоятельную жизнь, общественное уважение и, соответственно, имя нужно было заслужить, совершив значимые общественно-полезные поступки.

Макиавелли призывает завоевывать и сдерживать власть, избавляясь от каких-либо серьезных обладателей власти, утверждая, что якобы тогда угрозы не станет, и можно править до окончания своих дней. Однако природа всех живых призывает к соревнованию. И в силу природы победитель приобретает соответствующий авторитет, что вынуждает людей при столкновении с непосильной проблемой обращаться именно к нему, т.е делегировать ему определенные права и т.д. По той же причине они станут защищать власть, полученную заслуженно, власть, которая не будет подвергать их опасности, ухудшать их общественное и иное положение, власть, позволяющую быть равными, развиваться и быть счастливыми. Такая власть тоже не будет абсолютной и может оказаться недолговечной, ибо ни один человек не может превосходить во всем всех остальных, он призван жить в единстве с другими, уважать остальных. Однако такая власть и не создает опасности и необходимости избавляться от членов общества. Кроме того, предвидеть все не представляется возможным, что отметил и сам автор, приведя в пример жизнь герцога Чезаре Борджиа. Да и целесообразную подобную политику или отношение к жизни и обществу не найдешь, ибо там, где нет конкуренции, нет и развития. Невозможно избавиться от всех источников власти, а если и возможно, то человек рискует остаться одним в некоем вакууме. Но даже в том случае он будет находиться в плену собственных мыслей и потребностей, в плену своего собственного тела.

Итак, абсолютной власти нет и быть не может. А потому подобная цель не способна оправдать никакие средства.

Сам автор тоже подчеркивает нежизнеспособность власти, основанной на насилии, он отмечает, что «по возможности необходимо уделять внимание на благо подданных», дабы обеспечить собственную безопасность и относительное спокойствие. Таким образом автор подчеркивает значимость социальных связей и справедливости. Он рекомендует дозировать хорошие дела: «Самое главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью». Таким образом, он рекомендует не принимать незамедлительных действий, направленных на устранение проблемы, а только делать вид, что эти проблемы являются предметом забот властителя.

В главе 19 он отмечает, что государь должен избегать таких качеств, как непостоянство, легкомыслие, изнеженность, малодушие и нерешительность, которые вызывают у поданных ненависть и презрение. «Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость... К правителю, внушившему о себе такое мнение, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор». Таким образом, автор выражает свою и общественную оценку достоинств человека, подчеркивает важность наличия перечисленных им достоинств. Учтывая то, что автор не отрицает необходимости хотя бы делать вид наличия моральных ценностей, можно сделать вывод, что его рекомендации исходят не из необходимости и неизбежности проявления жестокости для обретения власти, а из отсутствия веры в то, что к власти придет человек с иными ценностными ориентирами. Это подтверждается и самим автором: «Имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру».

Таким образом, автор словно пытается примирить ожидания с реальностью, вновь доказывая важность ценностных ориентиров, их разумность и выгоду.

Тем не менее, невозможно не отметить, что нейрофизиологами подтверждено врожденное стремление человека к созиданию и творчеству, определенное структурой мозга, что отметил Фромм в своем труде «Анатомия человеческой деструктивности». Основываясь на эмпирических данных, автор указывает на возможность построения мира, основанного на взаимопонимании. Поэтому очень важно, что каждый человек отвечает на вопрос, оправдывает ли цель средства: последует ли он, руководствуясь доводами разума, пути справедливости, или изберет для себя путь деструктивности.

АФАГ РАФИК ГЫЗЫ

«С КАЖДОЙ ОСЕНЬЮ Я ВСЕ МУДРЕЙ И МОЛОЖЕ...»

Афаг Рафик кызы входит в число постоянных авторов журнала, ее поэзию отличает верность классической традиции (недаром значительное место в ее творчестве занимают венки сонетов – форма столь же не простая, сколь и не самая популярная в наши дни, именно в силу своей сложности и требовательности к пишущим). По основной профессии филолог, она хорошо чувствует язык и уважительно к нему относится. Ее стихи – о сиюминутном и вечном, о женском и общечеловеческом, о городской суете и мудрой природе... Поэт прислушивается к морю, ветру, всматривается в ночное небо, пытаясь осознать место своей личной человеческой «песчинки» в соотношении с мирозданием. Думается, каждый из нас в той или иной мере неизбежно проходит через нечто подобное, именно поэтому стихи поэтессы понятны и близки значительной части современной читательской аудитории. Сегодня, поздравляя нашего автора с прекрасным юбилеем, знаменующим человеческую и творческую зрелость, мы желаем ей новых творческих удач, а нашим читателям – новых отрадных встреч с ее поэзией на страницах нашего журнала.

**Вечер тихо подкрался, и звезды мерцают.
Скоро осени будем внимать мы напевам.
Лето место свое не спеша уступает,
И вступает в права эта рыжая дева.
И земля в предвкушении дивных нарядов
Ждет осенних дождей благотворную влагу.
Так вот длится веками чудесная сага,
Как тебе, златовласая, снова я рада!
Это правда, что все у природы прекрасно:
И весна, и зима, и, конечно же, лето.
Просто, знаешь,**

с годами становится ясно:

**Ближе сердцу твои, золотая, приметы.
И совсем не затем, что душа постарела.
Нет!.. Она, как и раньше,**

стремится к полету.

**Не сломалась, не сникла и не присмирела,
А хотя ведь в немалых была переплетях.
Нет в тебе ни палящего летнего зноя,
Ни промозглого холода в зимнюю стужу,
Ни весны, что нас в юности манит и кружит, –
И, незнатьки, мы в омут летим с головою...
На тебя я с годами все больше похожа,
Хоть грущу, но в глазах не убавилось света,
И душа в ярких красках осеннего цвета...
С каждой осенью я все мудрей и моложе.**

Вороны

Помню, трогался поезд с перрона,
Как касался он рельсов струны,
Выезжал за пределы страны,
А на ветках мелькали вороны.
С любопытством смотрела на птиц:
Не встречала их в городе раньше,
И бежали вагоны все дальше,
Мимо сел, городов и станиц.
А теперь в нашем городе южном
Выезжать за пределы не надо:
Всюду каркают громко, натужно,
И прохожие им не преграда.
Под ногами, не ведая страха,
У котов вырывая добычу,
Черных крыльев нахальные взмахи,
Жутким карканьем беды нам кличут.
Никогда я не помню, чтоб в прошлом
По-хозяйски летали вороны.
Может, раньше добра было больше?..
Нынче подлость блистает на троне.
Что ж так много их в парках и скверах,
Этих вестников зла и напастей?
Гнилью души корёжит и застит,
И летит вороньё, чуя скверну.

Песчинка

Я песчинка, всего лишь песчинка
В этом мире обмана и грёз.
По какой неизвестной причине
Меня ветер на Землю занес?..

И играет со мной, то сметая,
То у моря по берегу кру́жит...
То лучами меня согревают,
То бросают в щемящую стужу.

Ничего от меня не зависит,
Я в порывах изменчивых ветра
То взлетаю в небесные выси,
То спускаюсь в приделы Деметры.

И не спрятаться, не увернуться...
Сколько зим я пребуду на свете –
Знает лишь переменчивый ветер,
Что назад мне поможет вернуться...

Я верю в судьбу, верю в знаки и рок.
Я знаю, что мы не одни во Вселенной.
Хотя я не знаю, как выглядит Бог,
Но верю: крылатые души нетленны.

Влюбляюсь в озёр голубых зеркала,
Бескрайность небес,
распростертых над нами,
Где солнце короной блистает лучами.
Здесь всё совершенно: и дол, и скала.

Ромашки и розы, и алые маки,
И нежные ландыши – чудо земное.
И ночью мерцающий круг Зодиака.
И берег, что шепчется с синей волною,

Вода, что несется с горы, разбиваясь,
И алые ягоды спелой клубники,
И жизнь в самом первом и сладостном крике,
Что дарит младенец, на Землю рождаясь.

Рожденье зари, многоцветье заката,
Снегов белизна, рек бегущих разливы,
Бриллиантов росы на траве переливы,
И пение птиц над жасминовым садом.

Смотрю я в восторге, почти не дыша,
На облако каждое, каждый цветочек...
Хотя я не знаю, как выглядит Бог,
Но вижу, какая у Бога душа.

О, море...

О, море, ты особая планета!
В тебе есть всё: и буйство, и покой,
Когда бежишь ты к берегу волной,
И пена кружевом играет в искрах света.

О, как прекрасны над тобой рассветы!
И шелк твой отликает бирюзой,
И сколько красок в гамме цветовой,
Могу без усталости смотреть на это:

Пугаючи, когда ты в гневе, вáлы.
Но и бушуя, нам чаруешь взоры,
Прекрасно ты в божественном декоре.
О! Я бы чайкой над тобой летала...
Как много тайн на дне скрываешь, море,
Рождающее жемчуг и кораллы.

За каждое слово,
за каждую строчку,
за рифму

Спасибо судьбе.

Я пишу, и становится легче
Мне боль пережить,
пробираясь сквозь волны и рифы,
Когда на душе непогода бушует и мечет.

И если душа моя этой печали не стерпит,
То лиры мелодии дивные душу излечат:
На помощь слетает поэзии муза, Эвтерпа,
И полные нежности грустной
сонеты мне шепчет.

Ветер

Ты снова прилетел, мой друг беспечный,
Откуда, расскажи, к нам:
с моря?.. с гор?..
Тебе везде приволье и простор.
Я смертная, а ты, бродяга, вечный.

Как свещешь ты,
судьбой своей доволен –
Ещё бы, облетаешь всю планету.
Ни мрака не боишься ты, ни света,
Я цепи рву, а ты с рожденья волен.

Мне нравится, когда ты в буйной пляске,
Срывая листья,
с ними в вальсе кружишь.
Скажи, когда мы близимся к развязке,
Не ты ли провожаешь наши души?..

Тревога на душе не унимается,
И будущее наше все туманней.
Ну, а зима весной опять сменяется,
И так же всходит солнце утром ранним.

И я учусь у них, как не расклеиться,
И веру сохранить во всё хорошее,
И говорю, плохое перемелется,
И сгинет ненависть глухая в прошлое.

Мне мир не изменить строкой рифмованной,
Но каждый сам решает, всё же верю я,
Сквозь страх и боль, и сквозь туман неверия,
Дарить любовь душою нам дарованной.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Второй Первый

Вместо предисловия: 12 мая нынешнего года отмечалось 90-летие со дня рождения Андрея Вознесенского. Вспоминали и его «Треугольную грушу», и «Плачет девушка в автомате», и хрущевский разнос 7 марта 1963 года, и, конечно, пронзительную «Юнону и Авось». Не могу отнести Вознесенского к числу своих любимых поэтов, но стихотворение «Песня акына» считаю одной из вершин его творчества.

*Ни славы и ни коровы,
Ни шаткой короны земной –
Пошли мне, Господь, второго –
Чтоб вытянул петь со мной!
Прошу не любви ворованной,
Не славы, что на денёк, –
Пошли мне, Господь, второго,
Чтоб не был так одинок.
Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для оваций,
на два голоса спеть.
Чтоб кто-нибудь меня понял,
Не часто, ну, хоть разок.
Из раненых губ моих поднял
Царапнутый пулей рожок.
И пусть мой напарник певчий
Забыв, что мы сила вдвоём,
Меня, побледнев от соперничества,
Прирежет за общим столом.
Прости ему. Пусть до гроба
Одиночеством окружён.
Пошли ему, Бог, второго –
Такого, как я и он.*

Как часто в жизни не хватает именно вторых. Тех, кто поддержит, подхватит, прозвучит в унисон. И как нередко бывает в жизни, что первыми становятся вторые, а те, кто был первым, уходят на второй план, а то и вовсе стираются из памяти...

Пушкинское «*мы ленивы и нелюбопытны*», кажется, будет актуальным во все времена. То ли стремительность жизни тому причиной, то ли обилие негатива в ней, но мы действительно порой ленимся узнавать что-то новое. Или страшимся. А, может, и то, и другое вместе, что в совокупности образует емкое слово «усталость». Живем по принципу: «*все равно всего не охватишь, не познаешь*». И – снова Александр Сергеевич: «*И, дремля, едем до ночлега – А время гонит лошадей*».

А жаль... Наукой доказано, что человеческий мозг похож на смятую бумагу. Возьми ровный лист бумаги, сомни его, потом расправь, а затем снова сомни. Лист сомнется по тем же линиям, что были в первый раз. И ни по каким другим. Так называемая память материала. Так вот, мозг человека и есть этот смятый лист бумаги. Если постоянно активизировать только определенные извилины, то остальные, оставшиеся в бездействии, со временем атрофируются. Оттого так настоятельно реко-

мендуют постоянно загружать мозг работой – решать кроссворды, изучать языки, осваивать в меру сил и возможностей новые ремесла. И, конечно, больше читать.

Вот, к примеру, многие ли из нас знают авторов известной песни «Стою на полустаночке»? Ее так проникновенно исполняла в фильме «День за днем» изумительная актриса Нина Сазонова, а потом, уже после выхода фильма, пела Валентина Толкунова, что слушатели были уверены: песня народная. И только немногие запомнили имена и фамилии композитора и автора стихов: Илья Катаев и Михаил Анчаров.

Михаил Анчаров... Имя это сейчас мало кто вспомнит. А ведь именно его – прозаика, поэта, архитектора, драматурга, сценариста, художника – считали одним из основателей жанра бардовской песни. Владимир Высоцкий называл его своим учителем. И именно в этом, 2023 году, ему бы исполнилось 100 лет.

Итак, Михаил Леонидович Анчаров. Родился в Москве 28 марта 1923 года. Отец Леонид Анчаров – участник Первой мировой войны, уроженец Харькова. Мать Евгения Анчарова – преподавательница немецкого языка, уроженка Нежина. Дядя Нисон Цимберов – участник первого в Азербайджане(!) струнного квартета.

В детстве мечтал стать художником. В 1940г. поступил в Архитектурный институт, но уже в июле 1941г. отправился добровольцем на фронт. По направлению райвоенкомата поступил в Военный институт иностранных языков, где в совершенстве изучил китайский и японский языки. И в качестве переводчика с китайского языка был направлен на Дальневосточный фронт, участвовал в боях в Маньчжурии.

Демобилизовался в 1947 году. И в эти же годы уже вплотную приступает к творческой деятельности.

Детство и юность его прошли на Благуше – в живописном районе Москвы.

«Весна в этом году налетела, словно крик паровоза, когда по ночам дальний, медленный стук колес уносит с собой сердце, которое вместе с Благушей плывет в неизвестность».

*Жили мы на щербатых улицах,
Но весь мир был у наших ног.
Не унять нам ночами дрожь никак.
И у книг подсмотрев концы,
Мы по жизни брели – безбожники,
Мушкетеры и сорванцы.
В каждом жил с ветерком повенчанный
Непоседливый человек.
Нас без слез покидали женщины,
А забыть не могли вовек.*

«Была Благуша, – написал впоследствии Анчаров, – лучшее место на земле. Старый московский район, похожий на рассынувшуюся корзину, где вперемешку лежали дворы, голубятни, сараи, бывшие доходные дома со шпаной и дома-новостройки с рабочим классом. Благуша была песенная страна. Там любили всякое искусство».

Первые песни Анчаров начал писать перед войной. Сначала на стихи Веры Инбер, Бориса Корнилова и своего любимца – Александра Грина.

«Когда я прочел «Алые паруса», то поклялся пропагандировать эту книжку всю свою жизнь, чем и занимаюсь. Я ревел белугой: впервые и единственный раз мелькнуло реальное начало нового пути – похоже, что это и была красота».

Знакомство с вдовой Александра Грина запомнилось Михаилу на всю жизнь. *«Я спел ей песню на слова ее покойного мужа, и она заплакала, потому что была его родной душой».*

«Целую вас, всех собравшихся, – писала Нина Николаевна Грин тем, кто был у нее в тот памятный вечер. – Вы дали мне счастливые и теплые минуты ощущения моих детей, которых у меня никогда не было, но о которых я мечтала всю жизнь». И в конце письма приписка: *«Берегите Котика»*. Котиком был Михаил Анчаров.

Приближалась война. И он, окончив Военный институт иностранных языков, отправился на Дальний Восток.

О том, как складывалась фронтовая судьба Анчарова, даже близкие друзья знали немного. Был фронтовым разведчиком. В конце войны попал в СМЕРШ.

О личной жизни тоже узнавали мимоходом. Женился, развелся, снова женился. Эти перемены были всегда неожиданностью для близких. Мало кто знал, что у него растет дочь. По свидетельству современников, был очень сдержан в общении, предпочитал больше слушать, чем говорить.

Но уже вскоре после войны стали звучать его песни. В них он высказывал то, чем не мог поделиться даже с друзьями. Первые песни самого первого барда. Песни о любви, о красоте, о родном районе Москвы и о войне.

*Он врагам отомстил
И лег у реки,
Уронив на камни висок.
И звезды гасли,
Как угольки,
И падали на песок.
Он грешниц любил,
А они его,
И грешником был он сам,
Но где ж ты святого
Найдешь одного,
Чтобы пошел в десант?*

После демобилизации и увольнения из МГБ в 1948 году поступил на худ. факультет ВГИКА, но ушел, не окончив курса. Поступил в Московский государственный художественный институт им. Сурикова, который окончил в 1954-м. Работал над сценариями к фильмам. Но больше всего писал и пел песни. И ранние, военные, и новой, уже мирной поры.

Относительное благополучие сменялось безденежьем и бесприютностью. В один из таких периодов Анчаров поселился в доме журналиста Василия Аграновского. У него в то время часто собирались и пели Булат Окуджава и Александр Галич. Это называлось состязанием акынов. К нему присоединился Анчаров.

«Сам я, – говорил Анчаров, – учился всегда одному и тому же: делать так, чтобы то блаженство, которое я испытывал, берясь за перо, или кисть, или музыкальный инструмент, я мог бы передать кому-нибудь еще».

Что ж... Вечный поиск первым – второго. Чтобы вытянул петь с ним...

Оттепель 60-х многих очаровала обещанием свободы. Верилось, что можно все изменить к лучшему, и над головой зажгутся самые прекрасные и нежные звезды и будут сиять всю жизнь.

Авторская песня зазвучала почти в каждом доме, вернее на каждой кухне, в институтах, домах культуры, стихийных, импровизированных концертах. Многие, признанные ныне барды начали сочинять под впечатлением от песен Анчарова. Галич и особенно Высоцкий исполняли его песни, причем последний так часто вводил их в свой репертуар, что некоторые песни Анчарова стали приписывать ему, Высоцкому. Более того, сам Высоцкий многое позаимствовал у Анчарова в стилистике и тематике военных песен, поэтому совершенно справедливо называл того своим учителем.

Он был очень широк по натуре. Друзья называли его «многообъятным», подразумевая под этим многогранные черты характера. Помимо писательского, художественного и музыкального таланта, он имел сильный голос и артистический дар. Вкупе с респектабельной внешностью это производило незабываемое впечатление. Каждое его выступление превращалось в маленький спектакль. Но спектакль особенный.

Анчаров оказался первым, кто сделал бардовскую песню исповедью. Он словно делился историей своей жизни со слушателем и приглашал его высказать свое мнение на этот счет. Своего рода незримый беззвучный диалог. «Пошли мне, Господь, второго»... Вторым и был слушатель.

*Наши наступают –
Небеса горят.
Наши вдаль уходят –
Небеса горят.
Молодость уходит –
Небеса горят.
Небо, мое небо,
Синяя вода.
Корабли уплыли
В небо навсегда.
С той поры я не был
У синей воды.
Небо, мое небо,
Зеркало беды.*

В 70-х Анчаров много работал на телевидении. По его сценариям снимались телесериалы. Наиболее искренним из них стал «День за днем». Там и прозвучала наверняка трогательная песня «Стою на полустаночке»:

*Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда.
А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся.
Где ж вы, мои весенние года?*

Больше всего он любил жизнь во всем ее многообразии. «Я не верю в бездарных людей. Все люди одарены жизнью. И перед этим невероятным фактом все остальное мелочь и подробности».

В начале 80-х Анчаров ушел с телевидения. Последние сериалы оказались неудачными. Он ушел в прозу, перестал писать песни, выступать, петь. И о нем забыли как о барде.

Потом... ему самому приходилось напоминать о себе.

Жизнь подходила к закату. Где-то в конце пути у Анчарова вырвется:

*Мимо ангелов мчатся кони
Бесконечной моей тоски!
Люди били, и годы били!
Нищета – хоть в кулак свисти!
Где ж вы, ангелы, жили-были,
Чтоб от жизни меня спасти?!*

У его любимого Александра Грина тоже была тоска по Второму, по тому, кто поймет, поддержит, подхватит. *«Из предисловия к «Алым парусам» я узнал, что Грин, умирая в Старом Крыму, просил привезти к нему хоть одного читателя, который его знает. И такого читателя не нашлось».*

Александр Грин хотел, чтобы люди научились мечтать. Михаил Анчаров вложил в уста мечтателям песенное слово.

Михаила Анчарова называли последним романтиком 20-го века.

*Слушай, двадцатый,
Мне некуда деться,
Ты поешь
У меня в крови.
И я принимаю
Твое наследство
По праву моей
Безнадежной любви!*

И в последние свои годы, уже отягченные болезнью, он оставался непоседливым человеком, трепетно поющим о красоте.

*Мне забыли –
О счастье сказать.
Что оно –
Словно парус ничей,
Что оно –
Словно шорох огня,
Что оно –
Словно стон трубачей,
Поднимающих в топот
Коня.*

11 июля 1990 года Михаила Леонидовича Анчарова не стало. Так уж получилось, что Вторых, пришедших после него, помнят и знают больше, чем его, Первого, родоначальника бардовской песни. Но вряд ли он бы сам об этом печалился. Ведь Господь послал ему Второго, подхватившего его мотив.

*...Пусть звездные вопли стихают вдали,
Друзья, наплевать нам на это!
Летит вокруг Земли в метеорной пыли
Веселое сердце поэта.
Друзья мои, пейте земное вино!
Не плачьте, друзья, не скорбите.
Я к вам постучусь в ночное окно,
К земной возвращаясь орбите...*

P.S. При написании эссе использованы отрывки из произведений М.Л.Анчарова («Самшитовый лес», «Этот синий апрель», «Ни о чем судьбу не молю» и др.), воспоминания его друзей и близких, материалы из Интернета. Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленные материалы.

ЗЕМЛЯКИ

АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ

(Калининград)

Мектуб, китаб, катиб

Рассказ с отступлениями

1

«Её тело было, как клинок сабли в лунном свете».

Так мог бы написать катиб, секретарь восточного правителя.

Молодой секретарь, любимец визиря могущественного шаха, да продлит Всевышний годы его, не по летам учён и начитан. Никто вдохновеннее катиба не может прочитать и суры Корана, и газели Мухаммада ибн Мухаммада, прозываемого Шам аль Хафиз аш-Ширази, да будет благословлено его перо. Катиб знаком с поэтом. Однажды они соревновались, кто знает на память больше арабских хасыдов. Но разве может кто состязаться с человеком, носящим прозвище Хафиз, что значит «хранящий в памяти»?!

Катиб, называемый Юсуф, огляделся по сторонам. Хоть он один в шатре, знает, что много при дворе желающих подсмотреть, чем занят молодой секретарь во время, когда не исполняет он поручения визиря, а, значит, и шаха. Катиб огляделся, достал сафьяновый футляр, извлек оттуда несколько листов пергамента. Поправив чалму – подарок визиря – и, обмакнув тростниковый калям в чернильницу, он вывел на пергамене: «Её тело было подобно клинку сабли в лунном свете, и она сама вошла в мой шатер». Катиб вывел строку, и письмена своими изгибами напомнили ему волосы и стан прекрасной Зумруд, которая сама вошла в его шатер. Свет счастливой улыбки озарил лицо Юсуфа. Он прочёл ещё раз:

«Её тело было подобно клинку сабли в лунном свете, и она сама вошла в мой шатер. Ее аромат я вдыхал прошедшей ночью».

Так мог бы написать молодой катиб.

Сравнение с клинком сабли неожиданно осенило Олега, когда он увидел её ночью на берегу моря. Она действительно была очень стройна и в лунном свете напоминала клинок. И она действительно сама пришла к нему, вошла в его шатер, хотя то был не шатер, а палатка. И её звали не Зумруд, а Лала. Это случилось на студенческой практике.

Наверное, ему повезло. Ему единственному досталась отдельная палатка. И то лишь потому, что другие от неё отказались. Палатки для всей группы заготовили новые: светло-голубые многочисленные, высокие, просторные с двойным покрытием. Они прекрасно защищали от неминуемого зноя и от возможного дождя. Девушкам выделили самую просторную – восьмиместную на шестерых, парням досталась четырёхместная. А их было пятеро. Комендант лагеря куда-то бегал, что-то искал, наконец, принес. Это была обычная армейская, защитного цвета, к тому же слегка надорванная сверху. Никто не решился её взять. Но Олег, единственный из парней служивший до университета в армии, сразу достоинства этой палатки оценил. Он понял, что она двухместная, а, значит, даже когда в неё втиснут раскладушку, внутри останется достаточно свободного места. И там он один! А уединение Олег любил.

Не подавая вида, что он доволен, Олег взял у коменданта палатку, словно одолжение сделал, и пошёл её устанавливать. После того, как все верёвки были натянуты, он заделал досадное верхнее отверстие. Пошли в ход полиэтиленовые пакеты, большой кусок резины от старой автомобильной камеры, валявшейся в кустах. Потом он втащил внутрь раскладушку, табуретку приспособил под столик – и стал обладателем отдельной жилплощади.

В первый вечер, устав от дороги и расселения, студенты улеглись рано. Олег не спал. Он предусмотрительно запасся дома свечами и сейчас при свете свечи писал. Перед ним в палатке сидел молодой секретарь Абу Исхака Инджу, и Олег описывал его жизнь. И потом каждый вечер, как только все разбредались по своим палаткам и вокруг всё затихало, он доставал свой светильник, располагался перед табуретом и ждал, когда в тёмном углу появится фигура молодого человека в красивом халате и чалме.

Пламя свечи дёрнулось, Олег повернул голову туда, где был вход в палатку. Тёмная фигура стояла там. Свет свечи слабо осветил её, и Олег узнал Лалу.

– Не прогонишь? – спросила она и, сгибаясь, влезла в палатку.

– Заходи, садись, – Олег пододвинулся, освобождая на раскладушке место. Краем глаза глянул в тёмную глубину – молодого катиба не было.

Лейла присела рядом. Она не стала спрашивать Олега о его занятиях и только спросила:

– Это ты так каждый вечер проводишь?

– Да, очень удобно. Никто не мешает, не интересуется.

Она обвела взглядом внутренность палатки – никакого беспорядка: всё сложено, уложено, всё на своих местах. И это ей понравилось.

– Похоже, ты один не спишь. Давай прогуляемся, – предложила она. – Всегда мечтала постоять у ночного моря. Проводишь?

Олег загасил свечу, они выбрались из палатки, сразу свернули к задворкам лагерь и пошли, напряжённо вглядываясь во тьму, чтобы отыскать тропинку.

Шли, спотыкаясь, Олег поддерживал Лалу, подхватывал её, когда она, казалось, вот-вот упадёт, их тела соприкасались, и всякий раз Олег чувствовал, как напрягалось её тело от такой нечаянной близости.

В ночном море всегда что-то языческое, первозданное. Линии горизонта не видно, не видно и никаких скал, утёсов. Морская гладь сливается с небом, звёзды, начинаясь в вышине, перетекают в море. И не до конца понятно, в воду входит человек или погружается в небо.

– Отвернись. Мне надо переодеться. Повернёшься, когда я скажу, – для большей убедительности Лала взяла Олега за плечи и отвернула от себя.

Олег послушно отвернулся и, стоя к Лале спиной, скинул кеды и стал стягивать рубашку и джинсы

– Можешь повернуться! – долетело до него. По голосу он понял, что Лала уже у самой воды. Он обернулся. Лала действительно стояла спиной к нему по щиколотку в воде. Купальника на ней не было, в лунном свете ей тело светилось. Она слегка наклонилась вбок и стала похожа на клинок сабли. Не оборачиваясь, Лала рукой поманила Олега и медленно пошла в воду. Олег добежал до берега и тоже пошёл. Не успевшее остыть море обволакивало их тела, дарило невероятное наслаждение. Лала вошла уже почти по шею, подняла руки к небу, запрокинула голову.

– Как здорово! – негромко вскрикнула она. – Мы, как первые люди на земле. Никого ещё нет – только мы!

Она оттолкнулась и поплыла. Поплыл и Олег. Лала плавала хорошо – то на груди, то на спине. Утомившись, она легла на воду. Луна бликами прыгала по её небольшой груди, плоскому животу, можно было даже разглядеть, как поблёскивают капельки на волосках. Олег подплыл ближе, взял её за плечи, слегка притянул к себе.

Лала встала ногами на дно. Вода была ей по горло, поэтому пришлось подняться на носочки. Так и стояла она на цыпочках, обняв Олега за шею, и без опаски смотрела ему в глаза. Олег прижал её к себе крепче и поцеловал. Поцелуй был мокрым, свежим и слегка солёным.

– Я хочу, чтобы это было здесь, на берегу. Как у первых людей, – прошептала она.

На берег Олег вынес её на руках.

Из-под каляма

Он был очень внимателен и нежен с ней в ту ночь. С ней, вдруг ставшей пугливой, как серна. Он слышал, как колотится сердце Зумруд. Это не был стук страсти, это был стук страха.

– Я боюсь, как тушканчик, – успела сказать она. И напряглась.

Но он был внимателен и нежен. Она даже не вскрикнула от боли – только застонала слабо.

А когда он после всего склонился над ней и провел горячей ладонью по волосам, щеке, груди, животу, сказала:

– Не переживай. Мне совсем не было больно.

И посмотрела ему в глаза. И это был другой взгляд. А, посмотрев ему в глаза, улыбнулась – она была рада тому, что увидела в них.

Лала поёжилась и встала. Ей стало холодно, и она искала свою одежду. Олег провел рукой по её спине, ощутил под ладонью песчинки.

– Ты вся в песке, – улыбаясь, сказал он, – давай счищу.

Он осторожно смахивал с её спины песчинки, время от времени нежно прикасаясь к спине губами.

– Мне всё-таки холодно, – сказала Лала. – Я оденусь.

Она встала во весь рост, и её вновь осветила луна. И тогда он сказал ей о сходстве её фигуры с саблей. Лала задумалась.

– На саблю, говоришь, похожа? – она присела рядом с ещё сидящим на песке Олегом и пристально посмотрела ему в лицо. – Может быть: в нашем роду было много воинов. Но я и есть сабля. Я отсеку от тебя всех, кто мне мешает. И прежде всего эту рыжую Свету.

– Она не рыжая, она блондинка.

– Неважно. Но ты больше никогда не сядешь рядом с ней.

Это было немного смешно. Света – однокурсница, и действительно часто совпадало так, что на лекциях, в библиотеке он оказывался рядом с ней. Садился, не задумываясь, не придавая этому значения. Олег попытался отшутиться, но Лала повторила серьёзно и твёрдо:

– С ней ты больше не сядешь. Со мной, впрочем, тоже. Никто не должен знать о том, что между нами.

И вдруг повалила его на песок, склонилась над ним и осторожно поцеловала его глаза.

– Вот. Я целую тебя в глаза, чтобы ни на кого больше, кроме меня, ты не смел смотреть.

Помолчав, опустила пониже и поцеловала его левый сосок:

– Я целую тебя в сердце, чтобы ты никогда не разлюбил меня и не полюбил другую. Я страшная язычница. И колдунья.

Она ещё полежала немного, всматриваясь в его лицо.

Сейчас это была уже не язычница, не воительница, а робкая девочка, у которой ещё несколько минут назад сердце колотилось, как у тушканчика.

И она вздохнула:

– Как жаль, что нам надо возвращаться. Я хотела бы проспать с тобой до утра.

И тут же, собравшись, добавила:

– В лагерь войдём поодиночке. Сначала я. Минут через десять ты. И лучше с разных концов.

Потом обняла его и шепнула в самое ухо:

– Мне совсем не было больно.

Но, как ни пыталась Лала быть осторожной, как ни кралась к своей раскладушке, незамеченным её отсутствие не осталось.

– Ты где была? – шёпотом спросила подруга Тома.

– В море купалась.

– Одна? Ночью? Тебе не было страшно?

– Нисколько, – Лала сладко потянулась.

И тут Тому осенило:

– Ты же говорила, что купальник порвала, зашить собиралась.

– А я голышом.

– Совсем?

– Совсем.

– Ну, ты даёшь! – в голосе Тома смешались удивление, восхищение и немного зависть.

Олег, как и обещал, сделав крюк вокруг лагеря, подошёл к своей палатке через десять минут. С совсем другой стороны. Олег растянулся поверх одеяла на раскладушке и, счастливо улыбаясь, смотрел в небо. И был уверен, что видит его сквозь плотный брезент над собой – небо, тёмно-фиолетовое, влажное. Он был рад, что молодой катиб не появлялся.

Через день практика подошла к концу, и они вернулись в город.

2

Из-под каляма

Катиб поправил чалму на голове. Этого можно было не делать: на аккуратном, непременно опрятном Юсуфе чалма всегда сидела хорошо. Но это стало ритуалом: приступая к работе, Юсуф поправлял чалму, словно хотел убедиться, что красивая вещь всегда с ним. Работа предстояла ответственная. От её результата многое зависело. Молчалив, несловоохотлив шах, но у какого дворца нет ушей и языка. Эти уши слышали, а язык нашептал, что шах хочет взять Юсуфа к себе, сделать своим катибом. Кроме разговорчивых стен, об этом намекал новый перстень на пальце визирия. Шах сделал ему подарок, словно покупал у него молодого секретаря.

Работа предстояла ответственная, но Юсуф не спешил за неё браться. У него в запасе, по крайней мере, один вечер, когда он может отдаться своему любимому делу – он давно стал записывать мысли о великом Мухаммаде ибн Мухаммаде, прозываемом Шамс аль Хафиз аш-Ширази. Юсуф снова достал сафьяновый футляр и снова извлек оттуда несколько листов пергамента. Он писал:

«Померкло солнце в Ширазе. Тяжко стало его жителям. Мубариз ад-дин-Музаффар, основатель династии, занял Шираз. Он был жесток, кровожаден и глуп. Он был ханжа. Он запретил в Ширазе вино, и Мухаммад ибн Мухаммад перестал петь о любви и стал слагать песни протеста но внял Всевышний мольбам людей, брошен в застенки Мубариз, а шахом стал его сын Шуджа, и Хафиз снова стал придворным поэтом».

Юсуф хотел было записать историю, бессмысленный гнев Тимура по поводу газели Хафиза о турчанке из Шираза:

За родинку её отдам я и Самарканд, и Бухару.

Как любил эти строки Юсуф! Не зря, не зря прозвали Мухаммада ибн Мухаммада Шекерлеб, что значит «сахарные уста».

Родинка. Он вспомнил родинку под левой грудью своей Зумруд и другую родинку, еле заметную, на мизинце, и сердце его забилось чаще. Зумруд ведь тоже турчанка, как и её отец, мудрый визирь. Хоть и турок хитрый Джульфа, шах держит его при себе за ум, преданность, отвагу.

Да, Зумруд – дочь визиря, и, если откроется их связь, не сносить Юсуфу головы. Разве может жалкий секретарь даже смотреть в сторону любимой дочери визиря?! Но если, он станет секретарём шаха, а он будет очень хорошим секретарём, как знать... Он падёт шаху в ноги, он станет молить о величайшей милости... Может, шах уговорит визиря, и тогда Зумруд станет женой Юсуфа. Слёзы закапали из глаз юноши.

– Почему плачет мой возлюбленный? – услышал он шёпот за спиной. – Дай я сниму твои слёзы своими губами.

Зумруд обвила шею Юсуфа руками и прильнула к нему. Впервые, задумавшись, Юсуф не расслышал лёгких шагов своей Зумруд. В этом он усмотрел недобрый знак. Не расслышал он и других шагов, зато их расслышала Зумруд. Расслышала и отпрянула от Юсуфа:

– Это отец! Я должна тебе сказать очень важное, но не сейчас, потом, – прошептала она и скрылась за занавеской.

Визирь вошёл, он был в хорошем расположении духа.

– Ты верно служил мне, Юсуф, – обратился он к секретарю. – А теперь тебя ждёт великая милость шаха. Он дал понять мне, что хочет видеть тебя своим катибом. Жаль мне расставаться с тобой. Но шах оказал и мне неслыханную милость, он нашёл жениха для моей Зумруд. Завтра он прибывает сюда – сын бухарского эмира бек Махмуд. Будь готов, Юсуф, записывать всё, что будет связано с этой женитьбой.

Опустились плечи Юсуфа, он чуть не выронил тростниковое перо из рук. Если бы визирь смотрел в тот момент на него, обязательно заметил бы это замешательство и, конечно же, сумел бы выведать причину. И не такие языки умел развязывать Джульфа. Но визирь в этот момент рассматривал свой новый перстень, поправил его и вышел.

А Зумруд всё же пришла вечером. И сказала ему такое, отчего свет в его глазах померк вовсе. Оказалось, что жених Зумруд приезжает из Бухары, он везёт караваны богатых даров. А потом заберёт Зумруд далеко, в Бухару. Значит, Юсуф даже изредка, даже мельком не сможет видеть свою Зумруд.

Лала пришла неожиданно. Пришла впервые в квартиру к Олегу. Это была их первая после лагеря встреча.

– Показывай, как живешь, – сказала она прямо с порога. – Ты один?

– Родители укатили в отпуск. Один-одинёшенек. Проходи, смотри. Не хоромы, почти, как моя палатка.

– Мне нравится у тебя. А как поживает твой молодой катиб?

Олег удивлённо посмотрел на неё.

– Извини, – улыбнулась она. – Не удержалась, подсмотрела, покопалась в твоих рукописях. И мне понравилось.

Олег смущённо улыбнулся. Лала подошла ближе, уткнулась лицом ему в грудь:

– Ты не хочешь обнять меня?

Олег обнял её, прижал к себе. Лала прижалась ещё крепче и, целуя его глаза, губы, щёки, горячо зашептала:

– Мой дорогой, мой любимый, мой единственный.

Олег подхватил её и, как тогда у моря, понёс...

Такого всеохватного, до задыханья счастья от близости они ещё не испытывали.

Приподнявшись на локте, Лала заглянула в лицо Олегу, провела пальцем по его лбу, носу, губам, груди, животу. На животе задержалась и легонько ткнула. Олег ойкнул и посмотрел на Лалу. Её взгляд проходил далеко сквозь стены квартиры.

– Послушай, что я тебе скажу, и не перебивай, – она говорила серьёзно. – Мне очень хорошо с тобой, но я от тебя ухожу. Точнее, уезжаю. В Бухару.

Олег напрягся и сказал сухо:

– Понятно.

И Лала сорвалась:

– Что тебе понятно?! Что ты вбил в свою глупую голову?! Решил, что я подумала, мол, ты мне не пара?!

– Похоже, что так

– Дурак! Неблагодарный глупый дурак! – молотила она его по груди неумело сжатыми кулачками. – Как ты мог так подумать?! Всё гораздо хуже: я выхожу замуж. Меня выдают. У отца есть в Бухаре товарищ, а у них какая-то договорённость давняя относительно детей, то есть меня и сына папиного товарища. Вот за этого сына меня и выдают. Дело в том, что у отцов еще какие-то финансовые интересы. Я в этом не разбираюсь. Завтра улетаю. Рейс на Ташкент.

Из-под каляма

И тогда спросил он то, чего не должен был произносить его язык. Он спросил, как же теперь она выйдет замуж и что будет, когда всё откроется, и поймут, что не виновна она. Камнем стало тело Зумруд – холодным камнем. Закрылось и стало сухим её лоно. Холодным было тело, а глаза горели. Сказала:

– Замолчи. И никогда больше не спрашивай об этом. Не должен мужчина знать всего, что происходит с женщиной. Что делать, будем знать только я и моя мать.

– Это что же, ты уже пожалел моего будущего мужа? – Лала говорила сухо. – Или просто это мужская солидарность? Попробую объяснить. Своего жениха я не люблю и вряд ли полюблю когда-нибудь. Не любит и он меня. Я знаю. Для нас обоих этот брак – вынужденная необходимость. Каждый из нас получит свое. Точнее, получат наши родители. Мой муж скоро получит, наверное, хорошую должность. У мужа будут любовницы. Обо мне он вспомнит, когда встанет вопрос о детях. А я буду примерной женой, которая всё сносит. Не думаю, что у меня появится кто-то. Я слишком сильно люблю тебя. Думаю, это навсегда.

– Но почему же тогда ты не останешься со мной?

– А как? Выйти за тебя замуж мне не дадут. Уехать нам отсюда? Устроимся ли? Сложится ли быт? Не требуй от меня больше, чем я в состоянии сделать. Я и так сделала невероятное. Но одно дело прийти ночью к мужчине, а другое – пойти против родителей. Нам не дадут жить. Даже если ты украдешь меня из-под венца, – она криво улыбнулась, – если мы убежим, уедем в другой город, там распишемся, ничего все равно не получится. Нас разыщут, меня вернут домой, выпишут новый паспорт, будто и не было ничего, а тебя... Все сделают, чтобы тебя посадить. А то и просто убьют. У отца действительно большие связи. И не забывай, что мы разной крови, наши турецкие корни отец чтит ревностно. То, что сейчас почти конец XX века, дела не меняет. Некоторые традиции очень живучи. Лучше поцелуй меня – и я уйду. Это наше последнее свидание.

Она стояла уже одетая.

– У меня для тебя подарок. Возьми, – она полезла в сумочку и протянула ему книгу. Это был томик стихов Хафиза.

– Это очень хорошее издание. Старое, – Лала пыталась улыбнуться. – Думаю, и тебе, и молодому катибу он понравится.

– Когда ты улетаешь? – спросил Олег, беря книгу. – Я приду проводить.

– Не надо! Это будет, словно ты пришёл на казнь.

Лала подошла к двери. Щёлчок замка и стук захлопнувшейся двери ударили по сердцу, как кнут.

3

Песок. Вторые сутки кругом только пески – по обе стороны дороги. Подумать только: у песков могут быть имена! Каракум, Кызылкум – Чёрный песок, Золотой песок. Нет! Этот песок лучше было назвать навязчивым! Олег хорошо помнил его – этот песок армейской службы. Он хрустел на зубах, он проникал повсюду: в ноздри, в уши, за воротник. Проникая за воротник гимнастёрки, он оседал на белом подворотничке, смешивался с потом – подворотничок чернел. А старшина требовал непременно белых и чистых. Их приходилось менять по два раза в день.

Этот песок проникал в палатки, где покрывал тонким слоем табуретки, столы, даже постель оказывалась в песке. Этот песок наждаком оседал на плохо вымытых и потому покрытых тонким слоем жира алюминиевых мисках в солдатской столовой. И сейчас Олег видел его по обе стороны пути.

Пески. В детстве он впервые увидел пустыню на чёрно-белом экране телевизора. Пески показались ему снегом, мальчик уже знал, что в пустынях жарко, так почему же там снег? Потом, служа в этих песках, он думал, что не так уж был не прав. Песок может также занести, как снежная вьюга. Пески. По этим барханам, перекачиваясь, поднимаясь и скатываясь, спешит одинокий шар перекати-поля. Вскарabalкался на бархан, скрылся из вида. Из-за другого бархана поднялась голова в рыжей шерсти. Озираясь по сторонам, оттуда медленно возник верблюд и пошел вправо, сопровождая поезд. Шёл один, без погонщика, зная, куда ему идти. Хозяина верблюда Олег увидел позже. Выйдя из одинокой юрты, навстречу верблюду пошёл человек в полосатом халате с верёвкой в руках. Только человек и верблюд во всей пустыне, насколько видит глаз.

Спустилась вязкая южная ночь. Олег вышел в тамбур, опустил наполовину окно, высунул голову и посмотрел вверх. Всё то же южное небо, оно ничуть не изменилось со времени его армейской службы. Особое небо. Во-первых, цвет – небо тёмно-фиолетовое, переходящее в чёрное, а звёзды... Звёзды крупные, они так близко, что, кажется, подними руку и дотронешься до созвездий. Звёзды мерцают, словно дышат.

Из-под каляма.

Шестой день идёт по пескам караван. Покачивается на верблюде шатёр, покачивается в шатре молодая женщина, жена бухарского бека Махмуда. Зумруд зовут её. Закрыто её лицо тканью и сеткой – от нахальных недостойных глаз, от колючего горячего песка.

Зумруд молода и стройна. Удивительно вынослива молодая жена бека, стойко переносит она тяжёлую дорогу. Только жажда заставляет её мучиться. Много сочных фруктов припас для молодой жены бек, но они утоляют жажду лишь на время. А воды в запасе немного, да и ту пить неприятно. Она из особых источников, она солонвата. «Невкусная вода», – капризно говорит Зумруд. Но лекарь уверяет, что только такая, невкусная вода позволит дотерпеть до Мерва. А в Мерве они займут весь каравансарай.

Зумруд думает о своём муже. После свадьбы в доме отца её, визиря, в пути он только раз вошёл в её шатёр. Он был груб и требователен, а потом словно забыл о молодой жене: едет отдельно, общается только со своим советником и начальником стражи и думает больше о товарах, которые везут с собой. Словно он не бек, а купец.

В Мары поезд пришёл рано утром, когда лишь начинало светать. Олег плотно прижался к стеклу, всматриваясь в серый рассвет. Там, вдалеке, видны огни Учебного корпуса. Оттуда – Олег помнил – надо пройти по улице, по небольшому железному мостику через Мургаб и дальше – к православной церкви, а там и часть, в которой он служил. До Бухары ещё больше четырёхсот километров. Время в запасе ещё много. Олег забрался на свою полку, прилёг, заложил руки за голову и прикрыл глаза. Он задремал. Влага повисла на ресницах. Он спал и не спал, он плакал и не плакал. Он видел Лалу.

Однажды Лала спросила, с чего это он, вовсе не востоковед, так увлёкся Хафизом: читает его, изучает, о каком-то катибе, современнике Хафиза, пишет. Олег пожал плечами, мол, не знает он, почему, а потом заговорил горячо. Рассказал, как попал однажды к старшекурсникам на лекцию по общему языкознанию, преподаватель говорил об особенностях арабского языка. Если он, Олег, правильно понял, то в языке «идею» слова рождают согласные. Например, «К – Т – Б» заключают идею письма. Поэтому «катиб» (секретарь) – тот, кто пишет, «мектуб» (письмо) и «китаб» (книга) – то, что написано, а «мектеб» (школа) – там, где пишут.

– Ты подумай, – восхищался он, – какая мощная идея Письма! Какая вера в Слово!

Тогда Лала не поддержала его восторга, но Олег почувствовал, что и она задумалась. В другое время, вспомнив эти свои размышления, Олег стал бы развивать их, углубился бы в рассуждения, сейчас, лёжа на жёсткой верхней полке вагона, он мог думать только о нынешней поездке. На неё он решился внезапно.

Дома, из почтового ящика, он достал письмо. Обратного адреса не было, но почерк... Разве мог бы он не узнать почерк Лалы. Да и на почтовом штампе он прочёл «Каган». Каган – это станция. Там обычно сходят, чтобы добраться до Бухары. Значит, из Ташкента она поехала поездом. Он буквально разорвал конверт. Письмо было коротким, всё, что успела она написать в пути и опустить в ящик на промежуточной станции:

«Ты всё-таки пришёл, всё-таки был на моей казни. Я увидела тебя среди других провожающих. Что же ты наделал?! Хорошо, что мы не встретились взглядами. Я бы бросилась к тебе – и будь, что будет. Но ты искал глазами не там, я стояла в другом месте. Сначала я очень рассердилась. И всё-таки я рада, что ты пришёл».

Письмо решило всё. Он понял, что ему надо ехать. Родителям наговорил какой-то чепухи. Будто сейчас, пока у него каникулы, ему необходимо съездить в Бухару, походить по тем местам, где, возможно, бродил Хафиз. Связал это с будущей курсовой: мол, хочет заняться заранее. Родители не перечили, даже дали денег на дорогу. К счастью, билеты в кассе были. И вот он уже вторые сутки трясётся в поезде. Трясётся и не знает, куда он едет, что станет делать там, где жить.

Олег почувствовал оживление внизу и свесился, чтобы посмотреть. Сидящие внизу мужчины зашевелились и стали группироваться вокруг какого-то старика. Олег давно обратился на него внимание. Старик держался обособленно, почти ни с кем не разговаривал, всё время был в небольшой каракулевой шапке, ел немного. Изредка отламывал от лепёшки кусок, тщательно прожёвывал его, запивал водой. Причём, вода у него была с собой – в эмалированной бидоне. Он отливал оттуда в эмалированную же кружку немного воды и запивал. Ничего иного, ничего со стороны он не ел и не пил.

Когда мужчины, нахлобучив на головы, кто тубетейки, кто кепки, расселись рядом с ним, они сложили руки на коленях, направив пальцы вверх. Старик стал читать молитвы. Мужчины сидели, задрав головы и прикрыв глаза. Немолодая туркменка в национальной одежде, обильно украшенной монисто, почтительно пересела на другое – боковое – место и тоже прикрыла глаза. Поезд покачивало, женщина покачивалась в такт молитвам старика. Наконец, он замолчал, мужчины провели ладонями по лицам, словно омывали их, и расселись каждый по своим местам. Немолодая туркменка вернулась на своё место. Поезд покачивало. Олег же испытал что-то похожее на зависть этим людям: у них было нечто, к чему они могли обратиться, когда на душе плохо. А что он? Он может только лелеять себя мыслью, что вдруг он встретит там Лалу. Встретит, просто увидит, просто увидит издалека.

Из-под каляма

Долог и труден путь в Бухару, хоть и не слаб Юсуф здоровьем. Шах, да продлит Всевышний годы его, явил неслыханную милость своему катибу, позволил ничтожному слуге своему удалиться от двора. Сначала шах был огорчён и раздосадован.

– Разве тебе плохо у меня? – вопрошал он. – Разве не носишь ты лучшую одежду и не вкушаешь лучшую пищу? Разве ты не проводишь досуг в сладчайших беседах с мудрейшими старцами? Так чего же тебе надо, неблагодарный?

Шах был мрачен, но не ускользнул от его взора взгляд катиба. И шах спросил:

– А, может, причина в твоей сердечной боли? Тогда поведай мне. Повелеваю.

Ничего не посмел скрыть Юсуф, обливаясь краской стыда, рассказал о себе и Зумруд.

– Безумец! – воскликнул тогда шах. – Безумец! Моли Всевышнего, чтобы визирь не узнал об этом. Ибо тогда даже я не смогу тебя спасти! Дважды безумец, если собираешься в Бухару! На что ты надеешься?! Ты надеешься увидеться и встретиться с той, на которую сейчас и глаз поднять не смеешь?! Или ты намерен погубить себя и её? Разве не знаешь ты, как хитёр, коварен и жесток бек Махмуд? А что если его слуги, пронырливые, как шакалы, выведуют всё?

Молчал Юсуф, слёзы стояли в его глазах.

И тогда шах, да минуют его все беды и невзгоды, позволил секретарю отбыть в долгое путешествие. Потом шах откинулся на подушках, прикрыл глаза и тихо стал декламировать:

*Душа, как птица, рвётся прочь из тесной клетки плоти,
Она взлетает день и ночь над домом птицелова.
Да будет милостива власть властительного сердца,
Я рад перед тобою пасть, влачась во прахе снова.*

Шах помолчал и продолжил:

*Где ты, там солнце и луна, их свет с высот излишний,
А там, где бровь твоя видна, михраба свод излишний.
Где завитки твоих волос и алый лик твой рдеет,
Ни надо там ни трав, ни роз: всё, что цветёт, излишне, –*

так говорит Шакерлеб.

Умолк шах. Увидел Юсуф скупую слезу на его щеке, и шах произнёс:

– Удались, мой катиб. И помни: незаживающая рана может быть и в сердце шаха.

Изумрудные, выложенные керамической плиткой купола бухарских мечетей сверкивали на солнце. Бесчисленные туристы сновали вокруг, перебегая от одного пункта экскурсии к другому. Кто-то фотографировал, кто-то записывал за экскурсоводом в блокнот, и все старались закупить сувениров. Олег среди этой суеты чувствовал себя одиноким, опустошённым, сильно раздражался и едва не впадал в отчаяние: где, когда в этом водовороте людей он сможет увидеть Лалу? Где та ничтожная вероятность того, что их пути пересекутся? Но как часто от отчаяния до надежды нас отделяет один шаг!

В номере захудалой гостиницы Олег оказался вместе с инженером-нефтяником из Сибири, приехавшим в командировку в Газли. Узнав имя молодого постояльца, он расплылся в улыбке и загромыхал:

– Правда?! Вот здорово! Я ведь тоже Олег, Олег Петрович. Зови меня просто Петрович, тёзка. Отметим встречу и знакомство?

Не дожидаясь ответа, инженер достал из чемодана бутылку, а из спортивной сумки – колбасу и купленные на местном рынке помидоры, огурцы, лепешки.

– Ну-ка, мигом вымой это, тёзка, – скомандовал он.

Олег послушно поплёлся в ванную. Когда он вернулся, на треугольном журнальном столике уже была расстелена газета, расставлены стаканы из гостиничного комплекта (стеклянный кувшин с водой Петрович переставил на подоконник), тут же стояло стеклянное блюдо из того самого комплекта, а на серой оберточной магазинной бумаге краснели кружочки колбасы, лежали нарезанные ломтики лепёшки. Олег отметил про себя, что сосед его, вероятно, не знает ещё местных традиций, где хлеб не нарезают, а отламывают. Петрович велел сгрузить овощи в блюдо, потом разлил по стаканам водку. На первый раз понемногу – на четверть стаканов.

– Ну, давай, тёзка, – проговорил он, опрокинул в себя содержимое, взял из блюда тёплый ещё помидор, надкусил и с наслаждением всосал мякоть, потом в образовавшийся кратер насыпал щепотку соли.

Олег выпил свою порцию напряжённо, без удовольствия и долго закусывал, словно надеялся забить вкус водки.

– Да-а-а, Олежка, видать, не поддержишь ты меня, – слегка огорчился инженер.

– Не могу, Петрович. Сердце не принимает. Не до того, – ответил Олег.

Петрович внимательно посмотрел на Олега и протянул:

– Та-а-ак, в отцы я тебе по возрасту, видать, не гожусь, а вот дядькой или старшим братом быть бы мог. Так что выкладывай всё, как есть. По-родственному.

И Олег рассказал. Всё рассказал, без утайки. Рассказал человеку, с которым был знаком меньше часа. Всё это время Петрович расхаживал туда и обратно мимо окна, потом сел, оседлав стул, и сказал серьёзно:

– Да, парень, видно, крепкий ты мужик, если девка тебя так полюбила. Я часто сюда езжу, обычаи ихние изучил. Дорогую ей стоило так поступить

«Обычаи знаешь, а лепёшку нарезал», – почему-то даже с какой-то обидой снова подумал о лепёшке Олег, а Петрович продолжал:

– Тогда правильно. Тогда не пей, голову в трезвости держи. И, уж если девушка не побоялась ничего, как можешь трусить ты?! Ты сейчас оставайся, и лучше тебе поспать. Я уж, так и быть, закончу с кем-нибудь, – он глазами показал на бутылку, а к утру что-нибудь да прояснится.

Петрович ушёл, а Олег неожиданно для самого себя и впрямь уснул.

Станный сон приснился ему под утро. Снилось, что он едет вместе с какой-то группой в автобусе. Водитель, решив сократить путь, съехал с шоссе, и автобус теперь шёл по грунтовой дороге. Неоднократно и в разных местах подъезжал водитель к холму, на который надо было въехать, но всякий раз дорога оказывалась перего-

роженной чем-то: то бетонным блоком, то валунами. Наконец они нашли свободный, но очень крутой подъём. Водитель рискнул и поехал. Поднимался автобус с трудом, местами буксовал. Олег видел себя с разных сторон. Он был внутри автобуса вместе с другими пассажирами и в то же время находился сзади и видел, как буксует автобус. И тот, «задний» Олег, стал подталкивать машину – автобус медленно въехал на холм, но тут же завалился набок и опрокинулся. В это время Олег увидел, как из окна водителя выпадают ключи и медленно падают туда, откуда они только что поднялись. Он хорошо видел, как они лежат у подножья холма. Водитель тем временем вылез из кабины. Общими усилиями удалось поставить автобус на колёса. Мысль об упавших ключах не покидала Олега. Но никто не рискнул спуститься и поднять ключи. А над ними кружилась невесть откуда взявшаяся белая чайка.

Утром он проснулся от громкого фыркания. Петрович был в прекрасном расположении духа. Он вышел из ванной комнаты бодрим и, вытирая полотенцем голый свой торс, сказал Олегу вполне серьёзно:

– Я думал всю ночь. Я тебе скажу, где ты сможешь встретить её. Женщина, что бы там она ни чувствовала, перед свадьбой не сможет удержаться от покупок, красивых покупок. Поезжай-ка ты к Салону для новобрачных и жди. Авось, повезёт.

Из-под каляма.

Воистину милостив шах! Он не только отпустил своего секретаря, но ещё и снабдил его необходимыми бумагами. Юсуф ехал не как одинокий, непонятный странник, а как посланник шаха. Шах посылал катиба к своему верному союзнику – отцу Махмуд-бека. Юсуф вёз важное послание и подарки. Самое же важное, касающееся дел государственных, катиб должен был передать на словах.

Второй день живёт Юсуф во дворце эмира. На завтра назначен приём. Но сегодня... Сегодня Юсуф увидел её! Её несли на носилках, чтобы скрыть от взоров недостойных. Но рука! Зумруд слегка отодвинула занавеску. Чтобы обозреть, что происходит снаружи. Разве мог Юсуф забыть эту руку, эти пальчики с маленькой родинкой на мизинце. А колечко! Простое колечко с изумрудом, которое когда-то подарил ей Юсуф (она скрывала колечко от отца!), оно терялось сейчас среди роскошных дорогих колец на пальцах жены Махмуд-бека, но ведь оставалось у неё! Зумруд помнила своего Юсуфа.

К Салону для новобрачных Олег помчался на такси и приехал за несколько минут до открытия. И тут растерялся. Где встать, как себя вести, чтобы не привлечь внимания. Он стал прохаживаться по улице, будто ожидал открытия. Салон открыли, но войти Олег без специального талона-приглашения всё равно не мог. Понемногу стали подходить и подъезжать посетители, они, кто высокомерно, кто заискивающе показывали приглашения знающему себе цену швейцару с длинной белой бородой и в тубетейке. Олег ходил неподалёку. Вот уж и милиционер несколько раз прошёл мимо, всматриваясь в его лицо. Олег с непринуждённым видом прошёл мимо, вернулся за угол. За его спиной проезжали автомобили, промелькнула, блестя боками, чёрная «Волга». Олег сделал крюк, вернулся на место, походил в стороне ещё немного. Только по тому, что салон закрылся на обед, Олег понял, что проторчал здесь полдня. Лалы не было.

Он поймал такси и поехал на вокзал за билетом. В этот же день Олег уехал.

Из-под каляма.

Юсуф выполнил все поручения шаха. Нагружённый ответными дарами и с ответным посланием в дорогом сафьяновом футляре, он должен был немедленно отправляться в обратный путь.

Но посланник шаха оттягивал горькую минуту расставания. Уже вторые сутки живёт он в караван-сараяе. На что надеется безумец?! Что зреет в его душе и голове? Кто ведает. Юсуф медлил с отъездом и не знал, что о его пребывании в караван-сараяе ежевечерне докладывают подозрительному и коварному Махмуд-беку. Он видел, как дворцовая стража долго выпытывала что-то у хозяина караван-сарая, видел, но не задумывался над этим. Но Юсуф твёрдо знал, что умрёт, если не увидит больше Зумруд. Наконец, караван посланника шаха выехал из ворот Бухары.

На следующее утро Юсуф долго не выходил из своего шатра. Обеспокоенный слуга заглянул внутрь. Его господин лежал мёртвым на коврах. В руке он держал бутылку, из которой ещё не полностью вытек шербет. На щеке была заметна подсохшая пена.

В поезде было душно, пахло потом и овечьим сыром, окна плохо открывались. Олег ехал в полузабытье. Дома на все расспросы отвечал односложно, впрочем, немного успокоил родных, убедив в том, что для своей работы почерпнул много ценного.

Через неделю он получил письмо:

«Как хорошо, что ты приехал, мой дорогой, мой любимый, мой единственный! Я видела тебя. Ты так смешно прятался у Салона для новобрачных! От кого прятался? От милиционера? А, может, от меня? Не хотел огорчать меня, если вдруг встретимся? Я была счастлива увидеть тебя. А ты? И как ты не заметил чёрную «Волгу»?! Какой ты смешной и хороший! Ты надеялся встретить меня там. Неужели ты думаешь, что в семье моего будущего свёкра ходят в магазины? Они пользуются закрытыми распределителями. Мы просто проезжали мимо, а остановились потому, что водитель выбежал за сигаретами. Но всё равно ты очень добрый. Ты не хотел неприятностей для меня. Но лучше бы ты не был добрым! Если бы ты был чуточку решительней! Если бы ты подошёл... Я сбежала бы с тобой, в чём была. И неважно, что было бы потом. Но ты пожалел меня. Я принимаю и это.

А теперь уже поздно. Завтра моя свадьба. Не надо больше искать меня. Да и не найдёшь. У меня будет другая фамилия. И вообще сразу после свадьбы мы с моим мужем улетаем. Ты будешь смеяться, мы летим на землю Хафиза. Муж получил выгодное назначение за границу. Я говорила об их всесии. А я вот оказалась слабой. Никакая я не сабля, а тонкий стебелёк.

Прощай, мой хороший. Люблю тебя».

Олег несколько раз перечитал письмо, откинулся в кресле, свесив руки. Вся их краткая любовь промелькнула перед ним.

Он так и не узнал, что на следующий после его отъезда день весь город гудел. Все обсуждали, как шикарный свадебный кортеж сына важного бухарского чиновника нёсся по улице, и вдруг белая «Чайка», в которой, сидели молодожёны, вылетела на встречную полосу и врезалась в КамАЗ. Спасти никого не удалось.

5

Когда профессор Олег Николаевич Вязов прилетает из командировок, его всегда встречают двое: молодой мужчина и маленькая девочка лет пяти. Мужчина машет профессору рукой:

– Привет, папа, – и они обнимаются.

Девочка вырывается из рук отца и нетерпеливо топчется на месте. А потом повисает на шее у деда. У девочки светлые волосы, голубые глазки и странное, совсем не славянское, а восточное имя – Лала.

МАРК БЕРКОЛАЙКО
(Воронеж)

ЛУННЫЕ ЗАТМЕНИЯ
Повесть

В сериале «Прожитое» (черно-белом, хотя поначалу обещавшем быть цветным) Денкер (эта фамилия с идиш и немецкого переводится как «Мыслитель») не был исполнителем главной роли, тем паче режиссером или автором сценария. Скорее, supporting actor, актером второго плана, пытавшимся насытиться сваренной для него Кем-то кашей событий.

Но три эпизода этого сериала все же освещались странной темно-красной луной.

Осень 1973 года

30 октября того года Денкер отправился на центральный пункт «межгорода», чтобы позвонить в Высшую аттестационную комиссию, сокращенно ВАК.

Для родившихся после 90-го следует пояснить, что это за пункт, а для тех, кто от науки далек, – что это за комиссия.

Мобильников и роуминга тогда не было ни в помыслах, ни в замыслах, квартирных телефонов не хватало, а уличные таксофоны, страдальчески напрягая от рождения недужное нутро, обеспечивали лишь внутригородские соединения. Приходилось идти либо в ближайшее почтовое отделение, где «межгород» обеспечивался хронически измученными «девушками», либо на этот самый пункт, в котором набрать иногородний номер можно было самостоятельно.

ВАК же, орган надзора за претензиями научных работников и вузовских преподавателей на повышение статуса и зарплаты, утверждал (или не утверждал) признание указанным особям степеней кандидата или доктора наук.

Пунктов теперь нет и в помине, но ВАК в те тридцать лет, в течение которых Россия жила то на коленях, то в «полуприседе», за дряхлеющей русской наукой приглядывал все строже и строже. Так, например, степени ныне присуждаются приказом аж самого министра, но сей высоко вознесенный судьбою Homo erectus явно не способен вникнуть в содержание хотя бы одного из множества пухлых томов, вымученных или купленных ордой соискателей – а потому оно, это «вникание», осуществляется, как и в советские времена, экспертными советами ВАК. А те ежегодно отбирают несколько диссертаций и поручают так называемым «черным рецензентам» либо обнаружить в них суть, либо убедиться в отсутствии оной.

По каким именно признакам осуществляется отбор сейчас, нам неизвестно, а вот прежде это было очевидно: в соответствии с эсэсэсэровской дружбой народов, недоверие московских ревнителей вызывали диссертанты, защищавшиеся в Закавказье, Средней Азии и Прибалтике; подозреваемыми также становились те «велико-малобело-русские» ученые советы, через которые в науку прошмыгивало раздражающе много евреев. И в 1971 году на совет, присудивший Денкеру степень кандидата физико-математических наук, ВАК взглянул с прищуром «Ах, шалунишки!» – вследствие чего диссертация экзотического для русской глубинки бакинского еврея была направлена на отзыв «черному рецензенту».

Для Воронежа то был первый такой случай, и на Денкера стали посматривать с тем интересом, с каким расположившиеся на скамьях Колизея римские граждане наблюдали за варваром, который коротким мечом отмахивался от нападающего на него льва. Но к осени 1972 года ждать расправы «римлянам» надоело, и они решили, что **не**-согласие с присуждением Денкеру желанной степени официально сформулировано не будет, но и внятного **согласия** также не последует. Значит, лет еще через пять измученный бедолага отзовет из ВАК документы и смирится с тем, что весомой прибавки к зарплате ему не выслужить.

Но Денкер был бакинцем, а Баку – это добыча нефти, и потому суть бурения стала для тамошнего народа образом мысли и действия: бурить – и, если ты удачлив, ударит фонтан.

Бурить – и если ты не очень удачлив, то доберешься до глубины, с которой нефть можно будет выкачивать насосами.

Бурить – а если убедишься, что нефтеносного пласта здесь нет, то сплунь, выругайся, надерись и, проспавшись, начинай бурить в другом месте.

То, что он – парень не фартовый, Денкер понял еще в юности, а потому о фонтанах не мечтал. Однако бурил всегда до изнеможения – вот и теперь решил, что хотя ни один друг не назовет его диссертацию гениальной, однако и никакой враг не вякнет, будто в ней совсем нет интересных результатов. А потому – хватит киснуть в окопе, пора контратаковать!

Анна Сергеевна, тезка героини чеховской «Дамы с собачкой», а заодно инспектор ВАК по физико-математической специальности, не тянула на обладание белоснежным песиком – разве что безнадежно серым котом.

Особа за шестьдесят, она выглядела трудягой, всегда согласной сгодиться там, где пригодится: сестрой ли милосердия, президентом ли Академии наук, консьержкой или, как оно в её жизни и случилось, инспектором чего-то бдящего. И готова была до последнего своего вздоха сидеть на расшатанном стуле за обшарпанным столом, заваленным личными делами соискателей.

Ибо, как мудро заметил «Веселый солдат» Окуджавы:

*А если что не так – не наше дело:
Как говорится, Родина велела!*

Правда, инспектор Анна Сергеевна веселой не казалась, зато было ясно, что этот «солдат» (не бесполой, но андрогинный – тесная кофта кое-какую грудь все же обозначала, хотя среди бумаг и груды папок лежала пачка явно мужских папирос) свой долг выполнит до конца.

А уж победного или нет – как получится.

Преподнесенный Денкером букет революционно-красных гвоздик был принят без отвращения, но на коробку конфет «Песни Кольцова» Анна Сергеевна отреагировала, как на атаку возбужденного самца:

– Уберите! И учтите, подмазаться ко мне невозможно! Тем более, я ничего не решаю!

– И не решайте на здоровье, но даже если сладкое лично вам вредно, – сказал Денкер с истинно бакинским дружелюбием, – подарите эти конфеты детям или внукам. Соседям, в конце концов!

Лицо Анны Сергеевны осталось строгим, но все ж утратило выражение мобилизационной готовности.

– Моя дочь давно выросла, внуков нет, а соседи перебьются. И с каких таких доходов вы гусарите? – заглянула в анкету, выдернув лежащее почти у поверхности стола личное дело Денкера (причем множество всех прочих папок башенной стройности своей не утеряло). – У вас жена и сын, а зарплата, чай, ассистентская.

– Старшего преподавателя, но вы правы, пока степени нет, она больше ассистентской совсем на чуть-чуть. Но ведь степень все же появится, так почтите же память неприкаянного Кольцова в счет моих будущих доходов.

– Уверены, что появится?

Тут Денкер выказал норов вполне бойцовский:

– Готов предстать перед экспертным советом и доказать состоятельность своей диссертации! Но ожидание стало нестерпимым, уже и перед женой неудобно: муж есть, а добычка нет.

– Выйдите! – приказала Анна Сергеевна. – Я позвоню, кому следует, а потом вас позову.

А позвав, сообщила смущенно:

– Такое случается редко. Присланный нам экземпляр вашей диссертации где-то затерялся, пришлось запросить ксерокопию в том Совете, где вы защищались... В общем, диссертация попала к рецензенту лишь на прошлой неделе.

Первая мысль Денкера была: «Полтора года – псу под хвост! Вот оно, жидовское счастье!»

Вторая была панической: «Сбежать от этой не-чеховской Анны Сергеевны! Попросить в Азербайджане место учителя математики и физики в каком-нибудь дальнем селе, куда никто ехать не хочет. Подучить язык – и через год привыкнуть к дивному горному воздуху и к тому, что тебя уважительно называют «муаллим» (*учитель – азерб.*)».

Сладка мечта о том, будто есть на Земле место, где не будешь чужим и ничтожным, а разве что не своим и недооцененным – но как явиться в Баку не просто побежденным, а раздавленным?!

И сказал:

– Сегодня вторник, день еженедельного приема посетителей, начинающегося в 15-00. Посещениями вас не утомлю, но в каждый вторник из тех, что не выпадают на праздники, буду звонить ровно в 15-05. И когда-нибудь все же услышу, что рецензент прислал, наконец, отзыв. Пусть разгромный, другого не жду – но это станет сигналом к битве. А «Песнями Кольцова» рекомендую полакомиться, они хороши. Не хуже самих песен.

Прошел еще год.

Вторники «от прошлой осени до этой» были, как на подбор, будними и тусклыми, после которых, – Господи! – еще целых три рабочих дня.

Перед Новым годом – еще один визит в Москву с коробкой тех же «Песен Кольцова», но плюсом уже не к цветам, а к бутылке шампанского.

Трехнедельный летний отпуск инспектора стал отдохновением и для Денкера, а в остальные сезоны и месяцы – все снова и все опять: вторник, воронежский центральный переговорный пункт, набор заветного номера, строгое «Слушаю», за которым в ответ на: «Это я, Денкер, сегодня вторник. Здравствуйте, Анна Сергеевна!» следовало чуть более теплое: «И вам не хворать! Но новостей нет, хотя рецензент опять побожился, будто вот-вот».

А дальше – легкий треп: как она, как дочь, как кот, оказавшийся действительно серым... как сам Денкер, как его семейство, потом светское прощание до следующего вторника, потом вешается трубка, и от отчаяния хочется выть.

Но в прошлый раз, во время сорок девятого звонка, прозвучало:

– Да не переживайте вы так, отрицательные отзывы пишутся быстро.

На что Денкер ответил неожиданно резко:

– А меня в детстве учили, что «Да» говорить легче, чем «Нет». И я думал, что наоборот, положительные отзывы пишутся быстро, а отрицательные долго – палаческое дело, знаете ли, непростое!

И, не простившись, дал отбой.

Но шестнадцатого октября 1973 года Денкер все же отправился совершать юбилейный, пятидесятый звонок. Правда, мучили сомнения: не испортил ли его недавний срыв отношение к нему Анны Сергеевны... впрочем, а если и испортил, что с того?! Перестанет торопить сукина сына рецензента? – полно, а торопила ли раньше?!

Да и его, Денкера, терпение не беспредельно! Оно, натянутое на его же темперамент, как презерватив на известно что, вот-вот лопнет, ярость извергнется и породит решение, о котором даже думать жутко и весело!

И Денкер кинулся к кабинке имеющегося в этом же зале внутригородского телефона-автомата, намереваясь позвонить жене и сообщить, что пора начать собирать вещи в Израиль. Где тоже, скорее всего, нет справедливости, но хотя бы есть правосудие.

Жена, оказывается, сидела рядом с аппаратом, так что просить срочно разыскать ее на необъятном этаже необъятного НИИ не пришлось.

– Где тебя носит?! – будто не зная, что по вторникам, дабы освободиться к трем, он проводит занятия с раннего утра. – Мать на твою кафедру уже звонила, теперь сюда мне названивает... Тебя утвердили!

– Не может быть!!!

– Что значит не может быть? Ты официальной бумаге не веришь?! Моя мать, а твоя теща, час назад вынула из почтового ящика открытку, в которой официальный штамп и синим по белому: Президиум ВАК 23 сентября 1973 года присвоил ученую степень кандидата физико-математических наук!

– Подожди, выходит, что Анна Сергеевна целых три вторника ничего не...

– Ей, склеротичке, на пенсию пора! Лишние три недели нервы нам мотала! А может, потому мотала, что твой молодой голос её старый слух ласкал? И не только голос, и не только слух?

– Что ты несешь?! Успела наклюкаться?

– Успела! Ведь счастье-то какое, ведь два с половиной года ждали, ведь ты уже мордой чернеть начал, а волосами белеть... Мы тут с девчонками... они тебя поздравляют... Не волнуйся, я в пять такси вызову... теперь ведь мы можем себе это позволить?

– Можем. Изредка.

– И ты тоже клюкни, и тоже тачку поймай. Придешь домой пьяный, а я тебя пьяная в-встречу. – То была ее милая особенность: после нескольких принятых рюмок «въезжать» в слова осторожными рывками, подобно автомобилю, протискающемуся в узкий гараж. – И устроим с-скандал. Ты побьешь все с-старые тарелки, а я – все с-старые ч-чашки. А з-завтра пойдем новые покупать, мы же теперь можем себе это п-позволить?! А как всю посуду перебьем, т-то сольемся в экстазе. П-прямо на полу. Только не на кухне, там м-много осколков будет, а в к-коридоре...

– А тещу сразу в больницу, в инфарктное отделение? А сына – сразу в детдом?

– Ничего подобного, м-мыслитель ты мой! Они б-будут прислушиваться к нашему б-буйству и всхлипывать от счастья, как я с-сейчас...

Он все же позвонил Анне Сергеевне.

– Понимаю, злитесь, – и с тем не произносимым вслух, однако чувствующимся «Имею право!», с каким требуют прибавки к пенсии, – но инспектор не обязан общаться диссертанту о том, что отзыв рецензента получен. Кстати, очень хороший отзыв, без замечаний...

И (опять фоном) словно бы прозвучало: «Еще неизвестно, каким бы он был, если б я не хлопотала».

Но следом почти жалобно:

– Не сердитесь, просто не хотелось, чтобы вторники так сразу остались бы без ваших звонков. Живется одиноко, с дочкой отношения не очень...

И отходчивый Денкер, в очередной раз удивившись дьявольской интуиции «дефис-жены», ответил:

– Не сержусь, даже звонить иногда буду. Не обязательно по вторникам, не всегда в 15-05, но все равно, не прощайте, а до свиданья!

Он не ликовал, одолевая, – почему-то пешком, – неблизкий путь домой.

Не оттого ли не ликовал, что почудился в сказанном Анной Сергеевной намек, будто если б не ее частые просьбы помочь невезучему диссертанту, то рецензент выдал бы из себя нечто кислое, и жизнь не улыбнулась бы ему сегодня?

Так неужели же во весь остаток дней суждено ему ёжиться, думая, что желанные «титул и чин» дарованы не за труды, не милостью судьбы даже, а хлопотами некоей андрогинной особы? Что ж он за урод такой! – ладно, не может ликовать, но на обычную человеческую радость способен?!

Ведь его утвердили! Ведь страна, громоздкая и машиноподобная, не раздавила его своими колесами или траками, не расплющила между валами, не искрошила зубчатыми передачами, не закинула ковшами в кузов самосвала, как ископаемое, – хрен знает, полезное или отвальное, – а позволила и дальше жить-поживать с женой, сыном и тещей... в ее, тещиной, квартире.

«Так какая разница, – думал он, приняв подряд две «сотки» водки в рюмочной, куда завернул на полпути, – чьими хлопотами или милостями позволила?»

А после третьей «сотки», на этот раз в сопровождении бутербродика с килечкой и кружочком, вырезанным из яйца вкрутую, задумался, случайно ли он оказался после Баку именно в Воронеже, которого Мандельштам просил: «Пусти меня, отдай меня, Воронеж!» Что ж, Воронеж по доброте своей отпустил. В сталинский ГУЛАГ. И Платонова также по-доброму отпустил. В сталинский остракизм. А Кольцова отдал ранней смерти... ох, как все это грустно!

И, чтоб не расплакаться, поспешно вспомнил вычитанную у кого-то забавность: в голодном 1919 году Осип Эмильевич добрался до Еревана, и тамошние поклонники устроили ему поэтический вечер, на который зазвали богатых купцов. Мандельштам прочел два стихотворения и понял, что не очень-то русскоязычная аудитория восприняла их с еще большим трудом, чем другие, вполне даже русскоязычные. И перешел на напористую прозу: «Когда-нибудь вам придется ответить на вопрос Господа: «Понимали ли вы поэзию Мандельштама?» Ваше честное «Нет» Его огорчит, но в безграничном милосердии своем он спросит еще: «А кормили ли вы поэта Мандельштама?» И за радостное «Да!» вам многое зачтется!»

Это вот Денкер и вспомнил. И не расплакался, а рассмеялся. И спросил: «А меня ты, Воронеж, куда отпустишь?» «Да хоть в Иерусалим, хоть в Париж – ответил Воронеж. – А хочешь, оставайся, чем я хуже вышеназванных?» «В том-то и дело, Воронеж, в том-то и дело, что не хуже... Анекдот такой есть: старому еврею в КГБ говорят: «Выматывайся из СССР, надоел, слишком много вас здесь. Вот тебе глобус, выбирай, куда поехать». А он через пятнадцать минут спрашивает: «Гражданин начальник, а другого глобуса у вас нет?»

Теперь и Воронеж посмеялся. А потом посоветовал выпить еще. А у прилавка интеллигентно-инженерного вида человек, наверное, с расположенного неподалеку завода ракетных двигателей, попросил: «Друг, получка завтра, а принять необходимо сегодня. Возьми и мне «сотку». Закуски не требуется. Деньги верну послезавтра, если адрес оставишь». «Зачем возвращать, друг?! Как не взять, друг, даже если мне самому теперь хватит не на «сотку», а на «полтинник», да и то без килечки и яичного кружочка. Сударыня, вы не одарите нас с коллегой двумя кусочками хлеба? Нет?! Много нас таких?! Ошибаетесь, сударыня – таких мало. И в Воронеже мало, и в Иерусалиме, и в Париже...».

Чокнулись, выпили, занюхали рукавами.

– С какого горя пьешь? – спросил друг.

– С радости.

– Небось, день рождения?

– Нет, возрождения.

– Да ты что?! – обрадовался друг. – Жаль, деньги у тебя закончились, а то б я и за Ренессанс с удовольствием бы принял. За ранний, а ты?

– Я за высокий.

И, несмотря на эту разницу во вкусах, обнялись они на прощанье по-братски. От друга-брата, как, впрочем, и от всей страны, пахло чем-то мощно двигательным и ракетноносным, и от этого духа да плюс от внезапно поднявшегося холодного ветра Денкеру почему-то полегчало. И до дома он дошел без приключений, выпившим, конечно же, но не напившимся.

– Почему так поздно? – встретила его тоже уже не запинаящаяся на согласных жена, пять лет назад не пожелавшая, чтобы ее прозвали Денкершей и оставшаяся Родиной. – Отмечал? Как и я, с девчонками?

Тут надобно пояснить, что жена, сохранившая девичью фамилию, знакомясь, представлялась: «Родина! Но не та, которая «дефис-мать» – просто покойный отец мой, главный бухгалтер завода, был Родин».

– Нет, со стопками, – и попытался ответно сыронизировать. – Они, в отличие от вас, «девчонок», иногда бывают не пустыми.

Но та из его Родин, которую Денкер звал «дефис-жена», попытку не засчитала:

– Трепло! Однако теперь еще и добытчик, с этого месяца станешь получать на восемьдесят рэ больше. Глянь, какие по этому случаю я списки на год вперед составила.

И Денкер погрузился в изучение.

Первый лист, озаглавленный «Необходимое», был заполнен почти полностью.

Второй, «Нужное», – наполовину.

Третий, «Желаемое», с примечанием: «Если добытчик возьмет еще двух учеников, а мне не зажмут 13-ю зарплату» – едва ли на треть.

– Ну? – спросила «дефис-жена» с гордостью не только дочерне-бухгалтерской, но и зрело-алгоритмической – ведь занималась она в своем НИИ математическим моделированием всякой военной всячины. – Здорово?!

Денкер согласился, что да, здорово, и голова его внезапно освободилась от туманивающего хмеля, и он осознал с ужасающей ясностью, что его недавно промелькнувшая мечта смыться в Израиль нелепа до идиотизма: ведь его «дефис-жену», влекуще стройную носительницу военных секретов, а заодно и его с нею сына, – «дефис-мать» никуда и никогда не выпустит!

И что ему, осознавшему, оставалось делать, как не примириться еще раз с «дефис-какой-никакой-а-матерью»; как не возлюбить заново стройную «дефис-жену» и не возжелать ее до дрожи?

Они долго стояли у балконной двери, одинаково нетерпеливо ожидая, пока во второй комнате, где улеглись бабушка и внук, звуки утихнут надежно и надолго...

– Какая луна красная! – сказала ему Родина.

– На нее упала тень Земли, это называется лунным затмением, – пояснил Денкер.

– Раньше боялась, думала, что она от злости багровеет, но сегодня все так по-доброму...

А Анне Сергеевне, – даме не с собачкой, а с безнадежно серым котом, – Денкер иногда позванивал. Та искренне радовалась, уверяла, будто дождется и докторской его диссертации... но однажды ему ответил другой голос, сообщивший, что прежний инспектор по физико-математическим специальностям больше не работает. Скончалась.

Рождественская ночь 1981 года

Вечером 24 декабря 1981 года, спеша по заснеженным улицам в один из уютных в помпезном центре Воронежа одноэтажных домов, где собралась компания университетских друзей «дефис-жены», Денкер поздравлял себя с тем, что сравнительно недавно решился «взбодрить» ход средне-благополучного времени.

Его это неспешное время доставило на полустанок «Доцент», Родину – на полустанок «Завсектором», а их вместе с сыном – на станцию «Трехкомнатная кооперативная квартира», где он получил уголок-кабинет в семейной спальне, стал атаковать задачи докторского уровня, и тягомотина тщетных усилий все чаще увенчивалась эйфорией успеха.

Все так, но ведь говаривал когда-то Курчатов: «Успехи есть, а прорывов нет!» – и, словно бы вняв этим сетованиям, Денкер нашел возможность прорыва там, где тогдашние интеллектуалы его не искали: в культуризме, в бодибилдинге, что по сути то же самое, однако англоязычное звучание придавало этому термину ореол сугубого запрета, а потому существующей в строительном институте секции как бы и не было. А был наполненный стойками, штангами, гириями, перекладинами и блоками зал, в котором студенты занимались общефизической подготовкой – но строго до половины седьмого вечера. После же семи туда приходили «качаться» люди солидные, самым приметным из которых был ректор института.

Встречаясь с ним в коридоре, преподаватели и преподавательницы втягивали животы и едва ли не переходили на строевой шаг, ибо навстречу им шел переодетый в штатское маршал Жуков.

Да, профессор Николай Александрович Ульянов был поразительно похож на актера Михаила Александровича Ульянова, которого к тому времени не помнили ни горбуном Ричардом Глостером, ни Трубниковым из фильма «Председатель», ни секретарем райкома партии Даниловым, которому Нонна Мордюкова вынесла в фильме «Простая история» горячо поддержанный советскими женщинами приговор: «Хороший ты мужик, Андрей Егорович, но не орел!»... и даже генералом Чарнотой из фильма «Бег» почти не помнили...

Все эти роли, блистательно сыгранные Михаилом Ульяновым, были вытеснены из памяти народной образом маршала Победы, который актер создал в доброй сотне фильмов.

Михаил Ульянов появился на свет в маленьком селе Омской области. А от Омска до Томска, где четырем годами раньше родился Николай Ульянов, меньше тысячи километров, что для масштабно мыслящей интеллигенции не расстояние: подумаешь, меньше, чем от Воронежа до Питера! И что, спрашивается, мешало сибирскому Александру Ульянову зачать двух сыновей на «двух почти соседних улицах», которые похожесть названий к этому взывали: ведь ежели хорошо получилось в Томске, то почему бы через четыре года не попробовать то же самое в Омске?

А тот факт, что и Николай, и Михаил родство свое упорно отрицали (*«Счастлив был бы иметь такого брата, но с этим замечательным ученым (артистом), к сожалению, даже не знаком»*), мало кого смущал.

Впрочем, эти двое Ульяновы, названные молвою братьями, статью друг от друга отличались. И хотя оба были по-сибирски кряжисты, но ширина плеч и выпуклость груди Михаила демонстрировали всего лишь силу, а Николая – мощь. И когда к его напряженному бицепсу прикладывали веревочку, а к ней потом – честную прорабскую рулетку, то неизменен был восхищенный галдеж: «Пятьдесят четыре с половиной сантиметра! Больше, чем у Шварценеггера!»

Правда, какой-нибудь зануда неизменно встревал:

– Но у Арнольда в лучшие времена было пятьдесят шесть!

– А у меня, – хмурился Николай Александрович, – в мои почти шестьдесят, сейчас какие времена?!

– У вас каждый год – лучший! – гудел льстивый хор.

– Нет, – отмахивался ректор, – лучший у меня был всего один. Тот, когда я Гришина на первенстве Союза сделал.

Да, было в его жизни такое: однажды он стал чемпионом страны, обогнав в финальном забеге на пятьсот метров легендарного конькобежца, четырехкратного олимпийского чемпиона Евгения Гришина... было, но лишь однажды. И поняв, что повторения не будет, Николай Ульянов ушел из спорта и с головой нырнул в науку, где возможен только один вид азартного соревнования – с самим собой. И в этих схватках побеждал, став одним из лучших в стране специалистов по теории специально-дорожных машин.

Однако поддавшись неизжитому азарту спортсмена, году этак в 80-м придумал экзотическую дуэль в жиме лежа, самом популярном упражнении бодибилдинга. Выбрал троицу: мощного недавнего выпускника, увлеченного «строительством» своего тела куда сильнее, нежели возведением скучных многоэтажек, крепкого середнячка, инженера одной из институтских лабораторий, а третьим стал Денкер, изрядно к тому времени окрепший, но в сравнении с другими все еще салага. Каждый из троих поочередно жал лежа «центнер» – кто сколько сможет, – результаты суммировались, и Ульянов должен был выжать хоть на один раз больше этой суммы.

Денкер неизменно жал «сотку» десять раз, инженер – пятнадцать, а молодой атлет – двадцать пять.

– Ох-ох-ох, – постанывал Николай Александрович, ложась на скамейку, упираясь в пол намелёнными подошвами разношенной спортивной обуви, примериваясь к грифу штанги и гипнотизируя его не предвещающим ничего хорошего взглядом. – А я сегодня не в форме...

И ритмично, делая всего одну паузу, чтобы провентилировать легкие глубокими вдохами и свистящими выдохами, выжимал «центнер» *пятьдесят один раз!*

И вставал, бормоча в ответ на поздравления:

– Арнольду вашему в его лучшие годы было полегче...

А в январе 1981 года произошло вот что: инженер Валера «перемывал косточки» Рональду Рейгану, только что прошедшему инаугурацию, и из речей его следовало, что Америке, выбравшей лидером актеришку, гарантирован скорый и бесславный пипец.

Денкер же, член Американского математического общества, не подозревая, что в схватке двух сверхдержав скорый и бесславный пипец ждет именно Советский Союз, все же возразил:

– Во-первых, Рейган дважды был губернатором Калифорнии и справлялся неплохо. Во-вторых, в знаменитом фильме «Касабланка», который первоначально числился продюсерами по категории В, он был приглашен на главную мужскую роль, уже готовился, но потом кинокомпания увеличила бюджет, и вместо Рейгана сыграл другой, звездный актер.

– Подумаешь, Калифорния, – отреагировал Валера с той снисходительностью, с какой «мы, народ» общается с яйцеголовыми. – А про «Касабланку» ты к чему?

– К тому, – заговорил Денкер раздраженно и так громко, что слова его стали слышны во всех углах зала, – что Касабланка переводится с испанского как Белый дом. К тому, что, не попав в 41-м в условный Белый дом, Рейган в 81-м вошел в самый что ни на есть реальный. Что это, Валера?

– Это судьба! – ответил за середнячка вышедший из раздевалки и все, оказывается, слышавший Ульянов. – А Рейган – крепкий мужик, раз сорок лет за свою роль боролся!

Был ли Денкер благодарен ректору за эту поддержку? – наверное! Но тогда особенно удивителен тот факт, что, открывая «дуэль», он выжал в тот день «сотку» не десять раз и не одиннадцать даже, а, – корячась и с трудом унимая дрожь в руках, – тринадцать!

В продолжение чего Валера, дабы не ставить начальство в еще более трудное положение, верноподданнически выжал четырнадцать раз и разохался, что плечо сегодня болит ужасно.

Зато молодежь в лице, точнее, в торсе и руках мощного выпускника, вдохновившись упорством Рональда Рейгана, тоже выдала рекорд – тридцать!

– На семь раз больше, – стонал Ульянов, ложась на скамейку, – на целых семь раз! Заманили, стратеги злобные...

Вентилювал легкие дважды.

Пятьдесят пять раз жал сравнительно легко.

Пятьдесят шестой – с натугой.

Пятьдесят седьмой – с такой мукой, что закончи он этим «дуэль», согласившись на ничью, зал разразился бы вполне искренними аплодисментами.

Но нет, не согласился и довел-таки штангу до законной высоты в победный пятьдесят восьмой раз... а потом вдруг швырнул ее на грудь!

Решили, что у Ульянова не хватает сил, чтобы завести штангу чуть назад и опустить на скобы стоек; бросились было на помощь, но он, поймав чуточный отскок «центнера» от ребер, защищенных подушками мышц, стал отталкивать его от себя – на миллиметр слева, на миллиметр справа... еще чуть слева, еще столько же справа... и вот штанга застыла на той «мертвой высоте», когда грудные мышцы уже ничем помочь не могут, а с весом начинают бороться трицепсы.

Теперь уже сгрудились вокруг скамейки – предотвратить, подхватить, смягчить падение пяти с лишним пудов металла на лицо, побагровевшее так, что налитые кровью глаза на нем уже не выделялись; или падение на кадык, натянувший на себя запрятанную в бороздах морщин кожу шеи – но ректор, выгнувшись дугой, встал «на мост» (что строгими правилами жима лежа, вообще говоря, запрещалось), – и вновь подключились грудные мышцы, и продолжилось натужное выталкивание вверх.

Сопровождаемое не криком, не рёвом, но воем – так, наверное, выл конькобежец Ульянов на двадцати финишных метрах, когда единственный раз в жизни обходил легендарного Гришина.

И жуткий тот вой стоит приравнять к победному «Ура!»

Он долго приходил в себя – то сидя на скамейке, то шагая по залу и глубоко дыша. Потом сказал:

– В шестидесятый раз сдох бы, не выжал. Так что дуэли прекращаем, хрен знает, какие резервы в вас еще таятся!

Середнячок Валера расцвел, решив, что чуткость, проявленная им на фоне бесцеремонного вольнолюбия остальных, забыта не будет, а Денкер некий холодок в районе сердца ощутил...

Однако, сделав по залу еще несколько кругов и окончательно отдышавшись, Ульянов остановился около него:

– Ну что, «Пусть неудачник плачет»?

– «Кляня свою судьбу!» – легко согласился Денкер и понял, что прощен и даже отмечен.

И показал Валере язык.

Однако сюжеты «лунных серий» посвящены отнюдь не силовым упражнениям, а потому пора уточнить, что 24 декабря 1981 года, на ставшее в то время модным отвлечение дореволюционной даты Христова Рождества, Денкер спешил после тренировки, на которой был – так уж получилось – наедине с ректором.

«Так получилось» уже во второй раз с того памятного январского вечера, а в первый, бывший поздней весной, Ульянов предложил Денкеру стать на время вступительных экзаменов председателем предметной комиссии по математике. То была сложная миссия, но все прошло настолько гладко, без малейших «сучков и задорин», что ректор был доволен нескрываемо – и сплетники не преминули зафиксировать появление нового члена институтской когорты «избранных». Сейчас же, когда Денкер совсем было собрался откланяться, Ульянов вдруг сказал:

– Вы предлагаете ввести для специальности «Автоматизация производства» дополнительные главы высшей математики, но уже на третьем курсе. Какие именно главы?

Денкер, неожиданно увлекшись, заговорил, убеждая примерами из практики, о том, как необходимы для студентов-«автоматчиков» Фурье-анализ, линейная алгебра, теория функций комплексного переменного, теория случайных процессов – и ректор, несмотря на то, что вечер перевалил за девять, слушал его заинтересованно. И как бы подвел итог:

– Недаром ходят легенды о том, что вы самый сложный материал умеете объяснять без единой формулы, «на пальцах».

Вдохновленный Денкер почти бежал, «минус двадцать два» не чувствовал, а снег, превращенный морозом в скопище мельчайших кристалликов, откликался на летящие шаги не скрипом, а гортанными вскриками вольтижирующих джигитов.

И, влетев в жаркую в сравнении с морозной улицей и стылыми сенями комнату, как жеребец превосходных кровей, Денкер вскричал (едва ли не проржал):

– Салам и шалом!

После чего вознамерился испросить у «дефис-жены» прощения за полуторачасовое опоздание, убедить ее, что провел это время наедине с Ульяновым... и «все мы будем счастливы когда-нибудь, Бог даст», а он наверняка даст... как вдруг заметил, что Родиной за столом нет. Заглянул в соседнюю полутемную комнату, из которой звучало воздушное «Happy New Year» – и увидел, что, почувствовав себя, по-видимому, временно свободной, «дефис-жена» кружится там с Виталиком Некнязевым.

Который, как поговаривали, еще со студенческих времен вздыхает по ней «до потери пульса».

А увидев, вообразил, будто Виталик в очередной раз убеждает Родину (понятно, какую), что, выйдя замуж за пришлого бакинца Денкера, она совершила ошибку кармическую – и, подскочив к осмелившейся бросить ему вызов паре, командовал:

– Немедленно домой!

– Мечтаешь уединиться? – спросила жена томно, давая понять, что ответное «Да!» примет, скорее всего, к сведению.

И он выдал это «Д-а-а-а!» таким ржанием, что предшествующее «Салам и шалом!» низвергнулось до уровня лягушачьего кваканья.

Как им удалось так быстро разыскать ее шубку и его дубленку?

Как получилось поместиться рядом с грязноватой «запаской» на заднем сиденье горбатого «Запорожца»?

Как умудрялся Денкер прижимать к себе устроившуюся у него на коленях Родину (а ведь машину, с ее недоразвитыми ножками-колесами, швыряло на сугробах и надолбах нещадно!) и касаться горячей кожи попискивающей от восторга жены, пробираясь под ее шубку, вечернее платье и под все на ней остальное?

Ничего этого в памяти нет – наверное, она, монтируя, вырезала эти захватывающие кадры, решив, что в Рождественскую ночь столь явное присутствие Эроса недопустимо.

Но тогда почему до мельчайших деталей сохранилось то, как на пути от входной двери до спальни возникали кучки одежды и белья; как они с Родиной, не дойдя двух метров до кровати, слились в первый раз; как сливались еще и еще, дивясь и радуясь неумоимости друг друга – все это почему сохранилось? Может быть, потому, что то было всецелое единение, к которому Эрос никакого отношения не имеет?

То единение, которое потом, увы, случилось все реже, а вместо него планомерно и регулярно происходило то, что именуется сексом, но для чего Денкер придумал более точное название: «генитальный фитнес».

В конце Рождественской ночи, ежегодно уступающей рассвету только одну символическую минуту, они вышли на застекленный балкон и поняли, что на их кусочек планеты навалилось лунное затмение, что луна покраснела еще темнее, еще болезненнее, нежели той осенью, когда пришла открытка из ВАК – и какую же всепроникающую интуицию явила Денкеру одна из его Родин, когда, разглядев все это сквозь слипающиеся веки, пробормотала уже почти во сне:

– Сегодня она сильно недобрая!

А потом, совсем уже во сне, обхватила его по-хозяйски правой рукой, водрузила на него правую же ногу – и не шелохнулась до самого пробуждения, радуясь, что муж опять никуда не делся, и поверив еще раз, что никуда уже не денется.

А Ульянов после ухода Денкера пробыл в зале недолго, что, со слов дежурившего в тот вечер лаборанта кафедры физвоспитания, «следаки» зафиксировать не преминули.

Еще через полчаса, – это тоже было отражено в протоколе, – Ульянов с женой отправились на базу отдыха строительного института, расположенную на речке Усманке.

База была летней, но два домика все же отапливались: ректора – в него он часто приезжал на уик-энд – и сторожа, в котором тот жил с женой, кастеляншей базы.

И хотя 24 декабря приходилось в тот год на четверг, Ульяновы решили присокупить к уик-энду и 25-е, первый день Рождества по старому, как говорится, стилю.

Труден был их путь: машина, мощная «Волга», часто вязла, два раза дорогу преграждали поваленные недавней бурей стволы сосен, не вековых, конечно, но многие смогли бы в одиночку оттащить их в сторону – а Ульянов смог.

Через час по пробитой колее на базу приехала еще одна машина – два ближайших ученика и сотрудника Николая Александровича с женами. В самые последние перед полночью минуты успели за стол, на котором ничего рождественского, впрочем, не было. Ни колядок, ни тем паче молитв собравшиеся «члены партии» не знали, а потому после первого «С праздником!» последовали традиционные «За здоровье!» Разговор был нешумный, пили немного: Ульянов, как сибиряк, и сторож, как «человек леса», – водку, «молодежь» и женщины – коньяк и вина. Часа в три две пары уехали, а ректор засобирился на Усманку – освежиться в проруби.

– Коля, ты же выпил! – уговаривала жена.

– Да что я там выпил, – отмахивался он. – Грамм двести едва наберется.

– И мороз уже, наверное, под двадцать пять!

– Для сибиряка это почти лето.

– Давай я с тобой пойду, ночь какая-то недобрая...

– Так и негоже южанкам в такую ночь далеко от печки отходить! – засмеялся Николай Александрович. – Не куксись! Десять минут туда, пять у проруби, десять обратно, отзываться не успеешь – и вот он я!

Накинул махровый халат и побежал, напевая «Три посланницы небес шли по улицам Мадрида: донна Клара, Долорес...».

Жена, взглядываясь в красноватую черноту ночи, его из виду вскоре потеряла, но успела расслышать: «И красавица Пепида»...

А через час, подняв на ноги сторожа и кастеляншу, побежала с ними к Усманке.

Следы Ульянова были видны отчетливо и обрывались они у самого края полыньи. Там же лежал халат...

Едва стало светать, приехала милиция и следственная группа из областной прокуратуры. Спущенные в полынью водолазы обнаружили тело ректора метрах в двух ниже по течению...

Усманка в этом месте неглубока. Ульянов стоял на вросшем в ил валуне, а его воздетые руки словно бы пытались взломать лед.

Впрочем, почему «словно бы»? – ведь выдвинутая следствием версия была единственно возможной.

Вот она: у края полыньи Ульянов, скидывая халат, поскользнулся (почему лучший в стране специалист по теории сцепления шин с грунтами не учел, что подошвы его праздничных ботинок «держат» лед плохо?!) и упал, ударившись переносицей об острый противоположный край (огромная гематома, несмотря на все усилия гримера, была видна даже тем, кто стоял далеко от гроба). Потерял сознание и очутился в воде. Течение его потащило, а когда он очнулся, воздуха в легких осталось мало, и полынья исчезла из виду – из-за проклятого лунного затмения ночь была неестественно для полнолуния темна.

И Николай Александрович воздел руки...

Почему у него не получилось взломать лед толщиной едва ли сантиметров тридцать?! – неужели мышцы были утомлены вечерней тренировкой?!

Или невозможность взвить – так, как он умел, – помешала?

Или случился роковой «шестидесятый раз», напророченный им еще в январе того же 1981 года?

Хоронили ректора 30 декабря, а вскоре после Нового года зашелестело, что в тот же день в Воронеже побывал знаменитый актер.

Что, замирая у угловых окон в кабинете первого секретаря обкома, Михаил Александрович Ульянов провожал взглядом катафалк, в котором покоился гроб с телом Николая Александровича Ульянова.

И видел, как траурная процессия, ведомая машинами ГАИ, медленно проехала справа от обители власти.

Как презрев красный взгляд светофора, свернула налево.

Как, миновав памятник Владимиру Ильичу Ульянову, устремилась к кладбищу по улице имени вечного оппонента нашего лобастого вождя.

Хотя рука Ильича, – как во всех сварх русских марксистов, – простиралась в перпендикулярном к Плехановской направлении, ведшем уже не на кладбище, а напрямиком к глубокому обрыву.

Вечером первый секретарь обкома, расчувствовавшись, рассказал жене по секрету, что «маршал Жуков» стоял то у одного окна, то у другого вроде бы неподвижно, но плечи его вздрагивали, а рыдания, изо всех сил сдавливаемые, пару раз все же прорывались...

А первая леди, еще более расчувствовавшись, 31-го – и тоже по секрету – пересказала все парикмахерше и портнихе.

Осень 1993 года

Страну, одну из тех, что обрели независимость в декабре 91 года, уместно называть Станом, а расположенное в ней горное озеро – Нефритовым.

Суть, впрочем, не в точном названии того дивной красоты места, в которое судьба занесла Денкера в начале сентября 1993 года, а в том, что мальчишкой он пел громко и восторженно:

*От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей!*

И в том, что, став взрослым, напевал уже без восторга:

*Человек проходит как хозяин,
Если он, конечно, не еврей.*

Но, главное, в том, что у подножья невысокой лесистой горы, в десяти метрах от кромки воды Нефритового озера, на конференции «Интегральные операторы в функциональных пространствах», он засыпал и просыпался не в Стане, не в СНГ, не в бывшем СССР, а в Зазеркалье. Ибо только в сказочном «За» скучный утренний бутерброд в прихлёб с бледным чаем мог превратиться в «концерт-вкушение деликатесов в трех частях, под соки фреш, звучание арфы и с финальной кодой в виде кофе для шейхов».

Только там спят не на раскладывающемся, но давно ставшем тесным диване, а на ложе, на котором не в тесноте и уж точно не в обиде, могли бы, кроме самого Денкера, раскинуться еще двое.

Так, кроме него, жили, каждый в отдельном коттедже, два академика из Москвы, шесть членкоров оттуда же, а еще шесть аспиранток, по одной на каждого членкора, но по двое в коттедже.

Итого пятнадцать человек – но не на острове «Сундук мертвеца», как поется в пиратской песне из «Острова сокровищ», а в Зазеркалье.

Пятнадцать человек, конферирующих камерно и решающих одновременно важную политическую задачу, проистекающую из того, что никакому Зазеркалью без Алисы не бывать!

Но Председателя оргкомитета этой мини-конференции, красавицу азиатку лет тридцати пяти, Алисою называл лишь Денкер; академики же и членкоры сюсюкали: «Алисочка, милая», а аспирантки, балдея от ее украшений и туалетов, вскрикивали: «Ах, Алия Ахатовна!»

«Политичность» же происходившего в двухэтажном здании, где размещались ресторан, конференц-зал, кинозал и бар с бильярдным столом, заключалась в том, что ближе к Новому году в МГУ планировалась защита докторской диссертации этой самой Алии Ахатовны-Алисочки-Алисы, племянницы Президента Республики Стан. И все прибывшие в Зазеркалье маститые ученые имели к этому самое прямое отношение: академик, возглавляющий Совет по защите, назначил трех членкоров официальными оппонентами; другой академик должен был дать «отзыв ведущей организации», а еще три членкора – экстаические отзывы на автореферат.

Но как в это ожерелье из драгоценных и полудрагоценных камней попал Денкер?

Да очень просто: Алиса прислала ему письмо, в котором написала, что часто ссылается на его «замечательные работы» – а завершило эту вязь узоров вежливости предложение разобраться в ее, племянницы Президента, достижениях и набросать тексты семи гимнов для тех, кто должен будет спеть их на непременно триумфальной защите. И был назван сказочный по тем временам гонорар, а в качестве аванса предлагалось участие в пятидневной конференции на берегу Нефритового озера. Если только тусклым словом «участие» можно назвать перелеты бизнес-классом Москва-Стан-Москва, трехразовое питание в ресторане класса люкс, пользование баром с напитками всех стран и народов – и все это бесплатно, из уважения, граничащего с почитанием!

И вы полагаете, что профессор, чья высокая по советским меркам зарплата свелась к нулю, мог от такого отказаться?

Профессор, которому претила мысль брать взятки за записи в зачетках, как это проделывали многие его коллеги; профессор, чья Родина (дефис-жена), кандидат военных наук, начальник отдела в секретном НИИ, оказалась еще более никчемной, чем ее муж; профессор, чья другая Родина (дефис-мать) провозгласила вместо «Ищите и обрящите!» легко усваиваемое «Воруйте и своруете!» – мог?

Математик «в самом соку», но только «соку» тому был бы рад разве что какой-нибудь западный коллега, готовый поделиться с «негром из России» крохами своего очередного гранта – мог?

И Денкер едва ли не покрыл письмо, – прилетевшую из Стана стрелу с опереньем то ли Жар-птицы, то ли птицы Феникс – благодарными поцелуями.

Подножье невысокой лесистой горы на берегу Нефритового озера – там, как и было обещано, разместилась конференция, но поясним еще, что лес тот был сосново-еловым бором.

В таком бору, любовно берегаемом и тщательно прореживаемом, Красные Шапочки злоумышляющих Волков не встречают, а идут себе, напевая, на опушки к бабушкам, мечтающим полакомить обожаемых внушек пирогами с чудными лесными ягодами.

В таком бору не пугливы даже зайцы, а уж лоси-то, косули и кабаны уверены в дне не только завтрашнем, но и в послезавтрашнем. Всем хорошо в таком бору, и восстающее солнце наполняет его дивной игрой света, которую не стоит даже пытаться имитировать в павильонах киностудий и на сценах театров.

А озеро?! – тут скажем только, что Денкер, любуясь по утрам изумрудной, но прозрачной до самого дна водой; пытаюсь нырнуть хотя бы метров на пять, но выскакивая на поверхность, не погрузившись даже на два; бурным кролем спасаясь потом от умертвляющего холода, не верил, что это счастье – наяву.

Промелькнувшие строки из «Острова сокровищ» и образы из «Красной Шапочки» не стоит принимать всерьез, ибо описываемая математическая конференция могла состояться лишь в придуманной математиком же сказке. А кульминация ее – доклад Алии Ахатовны – была назначена на последний официальный день работы.

Сообщение Денкера состоялось накануне, вставным номером между обстоятельными выступлениями двух членкоров. И имело успех: мэтры похвалили (Денкера жаловали хотя бы за то, что он, став по праву доктором, не претендует и никогда не будет претендовать ни на что большее), а Алиса – так даже подошла к нему:

– Результаты, как всегда, хороши, но слушала вас впервые и – Аллаха мне простит, что я так смела с почти незнакомым мужчиной, – восхищалась, как вы их преподносите. Артистично в лучшем смысле слова. И... позвольте еще одну небольшую вольность... язык ваш безукоризнен, но по выговору я поняла, что родились и выросли вы не в России. Это так?

– Так! – может быть, слукавила восточная красавица; может быть, соответствующие люди при ее дяде изучили его биографию, но Денкеру подчеркнутое к нему внимание было чертовски приятно. – А не попробуете ли угадать, где именно?

– Не в Средней Азии... Тепло?

– Тепло.

– И нет в вашем говоре орлиного клекота, значит, не на Северном Кавказе. И гортанности тоже нет, так что и в Грузии вы не жили. Холодно?

– Напротив, горячее.

– Значит, пора за вас взяться всерьез. Как переводится *mugalim*?

– Учитель. Хотя звучание непривычное.

– А как привычно?

– Муаллим.

– Азербайджан, Баку. Угадала?

– Доказали! – с таким восторгом, будто она на его глазах справилась с Великой теоремой Ферма...

А далее Алиса почтительно, как у почтенного *mugalim*-а (может быть, даже любимого? хотя нет, любимым у мусульманки может быть только муж), спросила, как ей, по его мнению, следует выстроить завтрашний доклад. Он посоветовал не увлекаться перечислением результатов диссертации, а выделить три-четыре самых ярких, да еще и дать абрис доказательства одного из них, ярчайшего, – «коронки», как говорят в театре.

Чтоб уж артистично, так артистично.

Она поблагодарила с достоинством и отправилась готовиться.

Даже не пришла на ужин.

И не играла в бильярд, как во все вечера ранее – искусно и с азартом, не обращая внимания на то, что восклицания благодарности Аллаху после каждого удачного удара плохо вяжутся с обнажением запястий.

А Денкер любовался ее пластикой, доставшейся, видимо, от живших в вечном движении кочевых предков, и фантазировал (Боже! Он! Фантазировал!), что виртуозность ее игры для него.

Для того, в ком вновь обретенная способность восторгаться (Боже! Он! Восторгался!) разогрела охлажденную семейной оседлостью кровь.

Результаты, ею полученные, были неплохи, а тот, который она сочла «коронкой», – действительно хорош.

Но доказательство, – куда делась восторженность Денкера? – ему решительно не нравилось.

Алиса, заполняющая доску выкладками, все так же очаровывала легкостью движений, еще более подчеркиваемой белесо-голубым брючным костюмом, строгим, но не содержащим ни намека на «casual».

А еще при каждом повороте головы подрагивали две косы, в которые она заплела ниспадающий на спину поток черных волос – да, все в ней было полётно, но все контрастировало с доказательством, утомительным, как долгий путь в гору.

По такому часто приходится не идти, а карабкаться, на таком часто оступаются... и вообще, если теорема изящна, а доказательство ее топорно, то в таком противоречии обычно кроется подвох...

И Денкер разглядел-таки ошибку в выписанных Алисой соотношениях – и словно рухнул в пропасть мост, по которому она уже готовилась перебежать на площадку под ликующим баннером «Что и требовалось доказать».

«Кретин!» – думал он, пока голос его ломал тишину, которая на концертах случается после того, как дирижер опускает палочку, а на конференциях – перед тем, как председательствующий назовет доклад очень-очень интересным.

«Мудак!» – думал он, чувствуя, как ненавистен корифеям, слушавшим «Али-сочку, милую» благосклонно, но не вникая. А теперь уверенным, что в зал вот-вот ворвутся головорезы из охраны и пинками погонят их в одну из понатыканных в тело бывшей империи «тайных гэбэшных тюрем» – ведь о какой защите может идти речь, если центральный результат диссертации, которую они призваны воспеть, выглядит в высшей степени сомнительным?!

Он взглянул на Алису, уверенный, что и в ее глазах – ярость... но увидел задиристое поощрение: «Знала, что захочешь пуститься в погоню, так догоняй! Вот же они, мои косы!»

Господи, да причем здесь косы, которые она, пока он оспаривал у доски ее выкладки, перебросила на грудь?! Да, очень хочется схватить их крепко, как поводья, и притянуть к себе эту азиатку накрепко и навсегда – но все же, причем?!

И вспомнил, что это их обычай: девушка, пришпоривая, уносится прочь, а парень пытается ее догнать и схватить вздымаемые встречным ветром косы. Сумеет – она его; нет – позор, никакой он не жених...

Ни для нее, ни для подруг ее, ни для соперниц...

А потому в такую погоню пускаются один раз в жизни.

Но когда же пустился он?

Когда, прочитав письмо, поспешил отстучать в ответ: «Согласен, еду!»?

Когда на его: «Здравствуйте, Алия Ахатовна, я – Денкер» она ответила загадочно: «А ведь вы не могли быть другим...»?

Когда любовался ею у бильярдного стола?

Когда поощрял ее «вычислять», где он, Денкер, вырос?

Да теперь-то уж что гадать? – пустился!

И озарило!

И заговорил – но не так, как пятью минутами раньше, когда словно бы извинялся за то, что погрузился в злосчастное доказательство... о, нет, он заговорил, полноправно владея и ситуацией, и Алисой, и всем Зазеркальем!

– Результат ваш, Алия Ахатовна – блестящий! А доказательство можно отремонтировать. Например, так...

Далее прозвучало: «Крайние лучи, теорема Крейна-Мильмана, теорема Радона-Никодима...» – то были ажурные, но прочные опоры моста, по которому она, без страха и риска, перейдет на площадку «Что и требовалось доказать».

А в глазах ее лучилось ответное: «Знала, что догонишь!»

Подошла к нему после обеда, во время которого все дышали легко, а говорили весело, как после жуткой, но унесшейся прочь грозы.

– Предлагаю лодочную прогулку. И не вздумайте отказываться!

– Алиса, конечно, не вздумаю! Только вот причал-то лодочный есть, а лодок нет.

Улыбнулась заговорщически:

– Для нас найдется. Для нас с вами многое найдется...

Через час, берясь за весла в легкой, но устойчивой пластиковой шлюпке, уверился, что слухи о расположенной в двух километрах летней резиденции Президента Республики Стан, до которой по берегу не дойдешь, а по воде не доплыть – не на чем, подтвердились: откуда ни возьмись (чай, «оттуда» же и возьмись!) появился катерок форм по-европейски изящных.

А четверо борцовского вида мужиков на нем так явно в сторону парочки не глядели, что было ясно: глаз они с нее не спустят, и ничего телесно-романтического во время прогулки не случится. Тогда во имя чего духовно-романтического она за-теяна?!

Алиса была в обтягивающих белых брючках, белой же блузке с длинными, скрывающими запястья, рукавами, и как бы в хиджабе – шарфике, наброшенном на свитые кренделем косы. Села не на просторную кормовую банку, а на треугольную носовую, так что Денкер видеть ее не мог. Зато видел конвоирующий их катерок, двигатель которого был едва слышен и голосу Алисы не мешал. Даже создавал для него ту басовитую опору, на фоне которой ее меццо-сопрано стало неожиданно звонким и голос этот звенел за спиной Денкера, мерными гребками посылающего шлюпку по предписанной ломаной: вдоль берега (к резиденции, как легко было догадаться), но не приближаясь к берегу (из соображений безопасности, как легко было догадаться).

– Дядя, – говорила она звонко, – самый умный и хитрый человек во всем бывшем Советском Союзе, но дети не в него, а в мать. Только я одна в него, такая вот причуда генетики! Счастливая для меня причуда, потому что родители мои – люди очень хорошие, но заурядные... Народ дядю любовно, между собой, зовет отцом, вот я и предложила сделать официальным титулом Президента «халиктин экеси», «отец народа». Он растрогался, даже прослезился и сказал: «Ты – моя истинная дочь!» Да, меня он любит больше, чем своих детей, а я его – больше, чем своих родителей. Мы с ним – воистину кровные родственники, такая вот причуда истории, вы там не улыбайтесь, не смеетесь?

Нет, он не улыбался и не смеялся. Он уже любил ее, как свою собственную причуду, и плевать ему было на дядю и на историю.

– Но он не сможет передать власть мне, мы же не римляне, это у них после Цезаря принципсом стал Октавиан, и то, племянник, а не племянница... А на третьем курсе я влюбилась в красавца-атлета из захудалого, чуждого и даже враждебного нам рода. Совсем, как Джульетта, только вот Ромео мой оказался ничтожеством... Как дядя и предсказывал: сначала алкоголь, потом наркотики и ранняя смерть. Остался сын, любимый, но тоже заурядный... Президент меня, конечно, простил – но не забыл, что я наш род и его лично замужеством своим опозорила...

Ее слова укалывали его, как кристаллики, которые, падая, не разбивались, а напротив, тесно, без просветов, укладывались друг к дружке, создавая нечто цельное. И, воспринимая эту цельность спиной, затылком, шеей, Денкер ощущал, как властно картина мира Алисы из Зазеркалья выдавливает из сознания его собственную картину мира.

А потом прозвучало нечто мудрое, накладывающее на эту новую картину мира последние яркие мазки:

– Судьба к диктаторам неумолима, и когда дядя совсем постареет, его сожрут самые верные соратники. И быдло, как поется в песне Галича, тут же назовет своего «халиктин экеси» «не отцом, а сукою»...

Я очень люблю Галича и Окуджаву, а Высоцкого почему-то меньше. Вы тоже?

Он энергично кивнул: «Да!», опасаясь, что она, глядя ему в спину, кивок не заметит – но не решился громко повторить это «Да!»: поворачиваться нельзя, собьется ритм гребков, а отвечать, не глядя ей в глаза, – сочтет невоспитанностью,

Впрочем, ее занимало совсем другое:

– Но я сумела придумать будущее, из которого меня следом за дядей не выкинут: через неделю стану и.о. директора Института математики, через два-три года – академиком, а потом Президентом нашей Академии наук. И лет через двадцать буду почитаемой во всем мире ученым, сделав исламский, но светский Стан математической Меккой!

Из-за спины Денкера показался двухэтажный особняк с террасой на крыше.

«На шлюпке! – раздалось с катерка. – Подойдите к краю пирса и сушите весла!».

Денкер так и сделал, а Алиса, едва нос шлюпки притерся к пирсу, крикнула: «Подождите меня немного!», выпрыгнула и помчалась к особняку.

Что ж, он ждал.

И дождался: на террасе появилась Алиса и рядом с нею человек с хорошо знакомой по кинохроникам фигурой.

«Поприветствуйте Президента Республики Стан!» – скомандовали с катерка.

Денкер, встав, прижал руку к сердцу и поклонился в лучших восточных традициях (такими, во всяком случае, они ему запомнились по детским и юношеским бакинским годам) – и вдруг! верить ли глазам своим?! после непродолжительного разглядывания его в бинокль дядя-Президент приветливо помахал в ответ.

Теперь она уселась на кормовую банку, словно ислам уже не запрещал ей открываться его взгляду – и подобие хиджаба с головы сдернула, и манжеты рукавов завернула так, чтобы Денкер опять мог любоваться ее запястьями и браслетами на них.

И прозвенела на фоне вновь загудевшего катерка:

– Сказал, что достойного человека видно сразу! О, Аллах, как же я счастлива!

Поначалу возвращались молча, словно после прозвучавших недавно государственно значимых слов все иные будут бесцветны и невесомы.

Впрочем, вскоре зазвучали великие в сравнении со всем государственно значимым слова: после полученного, наверное, из Резиденции распоряжения с катерка запели Галич и Окуджава.

«Молитва», «Когда я вернусь»... – и все духовно-романтическое уплотнялось так, будто становилось и телесно-романтическим.

А после ужина она играла в бильярд особенно виртуозно, и он уже знал точно, что это для него. Кажется, нечто подобное уже знали и другие, во всяком случае, когда прощаясь, она сказала ему громко: «Я благодарна вам за все настоящее и надеюсь на будущее!», окружающие смотрели на них так, будто с трудом удерживают рвущееся наружу «Горько!»

Третий раз в его жизни такое важное для него событие освещалось полным кругом багровой луны, однако, если вспоминать первый, то утверждение в звании кандидата физико-математических наук произошло, – если уж быть совсем точным, – в третьей четверти Луны, а 16 октября открытка из ВАК пришла.

А Ульянов точно так же мог утонуть и в новолуние, и в какую-то из недель заостренного серпа! – однако теперь, 30 сентября 1993 года, Денкеру казалось, будто багровый прожектор посылает свет на планету Земля, как на всего лишь намалеванную декорацию, зато на переднем плане он, только он.

И нельзя сделать шаг в сторону без того, чтобы не услышать строгий оклик небесного оператора: «Ты не в кадре!»... но, привыкший думать о себе, как о supporting actor, актере второго плана, Денкер страшился эпизода, в котором главнее него никого нет... и оставшиеся вдаль две Родины не главнее... и даже Алиса из Зазеркаля не главнее, ибо она прочла сценарий на много страниц вперед...

Но Боже, какое облегчение! Метров за пять до входа в самый нарядный коттедж на берегу Нефритового озера новость откуда вынырнула фигура, которой поручено было, наверное, подать реплику: «Вам сюда нельзя!»

Но Боже, стало еще страшнее! Фигура произнесла: «Проходите!» и предупредительно посветила фонариком. Значит, в сценарии написано **это**?!

Да, было написано именно **это**, поскольку распахнувшая перед ним дверь Алиса воскликнула, обращаясь – но не к нему, а к багровому диску луны и искрящемуся звездами небосклону:

– Наконец-то!

Конечно, она рождена была всадницей и сжимала ему коленями бока, вскрикивая и моля, чтобы он унес ее мистически близко к багровой луне.

Конечно, она рождена была наложницей – и, целуя его плечи, бицепсы, грудные мышцы, журчала о том, что ею теперь владеет еще лучший атлет.

Но между вскриками и журчанием говорила о другом:

– Я чувствовала, что в доказательстве у меня ошибка, но не искала ее. Просто знала, что появится тот, кто найдет. И исправит. Но не только... Один наш дервиш, он живет высоко в горах, предсказал, что по милости Аллаха скоро появится мой спаситель. Он станет моим ведущим и поведет меня к свершениям и счастью. Он станет моим ведомым, потому что я поведу его к свершениям и счастью. Клянусь, когда я изучала твои работы, то понимала, что это ты. Когда писала тебе, знала, что это ты. И мы будем вместе.

В этом «будем вместе» не было и тени вопроса, тем паче сомнения.

Это «будем вместе» было решением племянницы своего дяди – и не верилось, будто их общая кровь хоть кем-то разбавлялась.

Это был далеко идущий план властительницы, коей она была рождена в гораздо большей степени, нежели всадницей и наложницей.

– Ты станешь моим замом в Институте математики. Мы будем платить такие высокие гонорары, что в Стан будут с радостью приезжать с лекциями топ-10 математиков мира. Наши совместные с тобой статьи появятся в самых престижных журналах... Но дядя не хочет, чтобы наши с тобой отношения были тайными. А для заключения брака тебе необходимо принять ислам. Ты же не воцерковлен?

– Нет. Моя фамилия с идиш переводится как «Мыслитель». Поэтому я не могу не быть агностиком. А таких ненавидят все конфессии мира...

– Ничего, ислам тебя полюбит за то, что тебя люблю я... Агностик мой, «Мыслитель» в переводе с идиш! Ведь для того, чтобы стать мусульманином, никакие медицинские операции тебе не понадобятся – я правильно ощутила?

И засмеялась горделиво, как пронизательная властительница.

Но при этом чуть смущенно, как испуганная собственной дерзостью наложница.

А потом опять так звонко, что он понял: всадница и наложница дома, ведомая жена на людях, но во всех делах – ведущая.

– Зачем медлить? Через три часа вертолет, еще через шесть – Москва, плюс еще два – Воронеж. Там счет пойдет на недели, но трех, уверена, хватит: уволишься, выпишешься и оставишь жене пять тысяч долларов

«Эх, – подумал он, – «дефис-жена», прекрасно понимая, что «дефис-мать» такой щедрой не бывает, все же скажет мне немало обидного».

– Деньги получишь в Москве, от сотрудника посольства. Но не пять тысяч, а шесть: пятьсот тебе на карманные расходы, а пятьсот адвокату, который будет вести по доверенности твой бракоразводный процесс.

«А вот этот, – опять подумал Денкер, – в отличие от «дефис-жены» скажет: «Спасибо! Приходите еще!»

– Потом Москва, бизнес-класс, Стан, религиозная подготовка, свадьба, но приказ о твоём назначении моим заместителем будет готов сразу, как вернешься. Кабинет, дверь в дверь с моим, тоже... И знаешь, мы будем планировать каждый месяц так, чтобы он был максимально результативен. Сначала, безусловно, отзывы. Потом твоя

задача – отыскать в мире пять-семь многообещающих молодых математиков, которые займут в нашем университете позиции *visiting professor*; моя – превратить этот рай у Нефритового озера в место для ежеквартальных сессий, во время которых лучшие российские учителя, – их подберет посольство, тебе нужно будет только утвердить кандидатуры – будут готовить наших талантливых школьников к мировым математическим олимпиадам. Хвала Аллаху, сколько же великого мы с тобой совершим!.. И вот еще: английский твой наверняка хорош, но придется хотя бы немного заговорить и на нашем языке. Ничего, я тебя научу.

И, как бы переходя от распоряжений к журчанию и вскрикам:
– Выбери, когда будут уроки: до таких ночей или во время них?

Медленно спускаясь к озеру, он спрашивал себя: «Все решено? Так сразу, за меня и помимо меня?»

Или не стоит формулировать именно так? Ведь теперь это, кажется, называется «честная сделка», по-старому: «баш на баш»? А чистые взаимные чувства – это чистый профит? Сделка же действительно честная: в науке и в постели он – ведущий, в политических танцах и в играх на публику – ведомый... Чем не Потемкин, только не Таврический, а Математический? Кстати, Григорий Александрович уж каким ведущим был, когда за «бабью дурь» Катку в спальне за волосы таскал! Он, Денкер, конечно, на такое не способен, а Алия-Алиса-Алисочка, интересно, ему мужское буйство простила бы? А может, и «дефис-жена» простила бы... раньше... но не теперь, когда он упрямо не берет взятки и доказывает не приносящие денег теоремы... Перед его отъездом процедила: «В челночницы пойду, жить-то надо. Добытчик опять просто мужем стал, но в начале семидесятых хоть на степень и звание рассчитывать можно было, а сейчас не на что. Хорошо, сына успели в Штаты сплавить...». Похоже, выкуп у нее никчемного мужа за целых пять штук зелени рада будет – это ж какой стартовый капитал! Это ж можно будет на двух рынках палатки арендовать, а самой – в Турцию за шмотками. Для него, Денкера, доктора физико-математических наук, это было бы сломом жизни, а для «дефис-жены», кандидата военных наук, станет «переходом к стратегии активной обороны».

Или зря он приписывает ей подобную бесчувственность?

Может быть, будет денно и ночью слезы лить?... но нет, чутье подсказывает, что не будет: после первого же прихода четверти от космической зарплаты, которую обещала ему, Денкеру, любимая восточная хозяйка Зазеркалья, – Родина, «дефис-жена», встряхнется и с головой нырнет в новую жизнь. Такую боевую, что математическими моделями охватов, «клещей» и «котлов» описать невозможно.

А сын, аспирант в MIT-е, получив в первый раз такую же сумму, подумает: «Ай, да батя! Похоже, мы с маманей недооценивали тебя, считая теоретиком не от мира сего!».

Что еще? Он станет мусульманином... нет, вернее, будет считаться таковым. Никто не будет заставлять его совершать намазы... а окружающие скоро перестанут гадать, во имя какой из двух мировых религий он отказывается от свинины и строг в употреблении алкоголя. Нет, это не препятствие...

Заодно с «дефис-женой» он поменяет и «дефис-мать»? – так что?! Разве имеет значение название страны для человека, которому для счастья необходимы лишь любимая наука, любимая женщина, любимые книги и музыка; которому так часто хочется орать: «Да покажите же мне другой глобус!»

Но что-то свербит внутри, что-то мешает радоваться, что вот оно, счастье, – с Алисой и в Зазеркалье! Почему-то в голове мелькают имена инспектора ВАК Анны Сергеевны и ректора Николая Александровича Ульянова...

Ни разу в жизни, ни от одного понимания его не бросало в жар и не швыряло оземь.

А тут бросило и швырнуло, хотя он и не почувствовал удара, оказавшись на песке у самой кромки лучисто-изумрудной воды; хотя чувствовал, как веет от нее холодом... но изнутри него пышет жаром, и, – встречаясь, – эти «лед и пламень» рожают пробегающие по коже разряды грозowego электричества.

Он думал, что, может быть, зависел когда-то от благосклонности Анны Сергеевны, но она, эта благосклонность, поощряла его биться башкой об стенку – и, в конце концов, прошибить ее.

Наверное, зависел от благосклонности Ульянова, но она, его благосклонность, заставляла наращивать мышцы, становиться сильнее, получать хорошие результаты – и они, в конце концов, стали основой очень хорошей докторской.

Но теперь-то он станет зависим от благосклонности «дяди», в свой десятикратный бинокль разглядевшего в нем «достойного человека», но эта благосклонность может в один миг смениться враждебностью.

Не оттого, что он, Денкер, что-то сделает не так, но из-за каприза Властелина, или аберрации его зрения, или замутненности линз его бинокля, в который Денкера будут продолжать разглядывать – потому что Алиса, будущая жена его, всегда будет любимой племянницей, а Денкер, пусть и муж, навсегда останется ее фаворитом.

И в космической тишине утра он словно бы услышал шелест разговоров о том, что взбалмошная Алиа вполне могла выйти замуж за «своего»... ладно, пусть за еврея, но хотя бы «нашего», а не какого-то бакинско-воронежского. А следом до него «донесли» шепотки, что Президент нашей славной Академии наук, досточтимая красавица Алиа стала хуже выглядеть... говорит, что устает. Но можно ли этому верить, уж не изводит ли ее муж, вспомнивший о том, что выскочка Гришка Потемкин, попавший из грязи смоленского имения в Светлейшие князи, таскал за волосы саму Екатерину Великую...

Какая мерзость – так думать! Ведь из-за подобных дум красавица Алиса покажется ему дурнушкой, а математика станет не в радость! Но как опасно – так не думать и не быть внутренне готовым к тому, что красавица Алиса и Зазеркалье в одну минуту сменяются тоскливым одиночеством в не известно какой дыре...

В какое жестокое «или-или» он, Денкер, попал: нелюбимые Родина и Родина, с которыми смирился и кое-как ужился – или жизнь с красавицей Алисой, но не в Зазеркалье – зачем себе-то врать! – а в пределах видимости «дядиного» бинокля...

Так на что решиться?! Или пока еще есть время не решаться, а поплавать бурным кролем?

Ему не было холодно – настолько, что заплыл довольно далеко.

Не было – настолько, что именно этим утром сумел нырнуть глубоко и коснуться дна.

... Но стало – настолько, что когда Анна Сергеевна утешила его: «Пусть не все у вас сложилось, зато доктором и профессором стали!»; когда Ульянов-ректор спросил: «Клянешь судьбу, неудачник?», а Ульянов-маршал ему ответил: «А что еще таким, как он, остается?» – Денкер едва успел возразить: «Таким, как я, остается радоваться, когда за них, зажатых в тисках «или-или», все решает вода Нефритового озера».

КРЕЩЕНО

Триптих

Изысканному музыканту Вургуну Векилову

Пропойца ветер

*«А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер»
В. Лебедев-Кумач*

**Пропойца ветер был весёлым.
Пропойца песни все не пропел.
Они не ууу-тикали с ветром,
А всё кружили-лися над нами.**

**Попойка ветра разыгралась,
Разбушевалась попойка,
Раздухарилась духовыми,
Аэрофонилась бесстыдно
В ночи беззвучной, сонной, синей,
Трубила в трубы, как шальная,
Сурдинилась под сурдинку,
Браслетами литавр звенела
И трубно била в барабаны!**

**Под утро скрипками захныча,
Усталость ветра проявилась.
Валторновая колыбельность
Утихомирила реальность.
Рояльная аккордность пала
До пианиссимого пьяно,
До полусонного напева,
До одноотного сопенья
Мелодии отдых-новенья,
Покорности и засыпанья,
В надежде – вновь проснуться
С ветром.**

Emanatio

**Рояль – ночное небо, но без звёзд
И он огромен**

**Он всеобъемлющ, чёрен и крылат
Он молчалив, когда ты спишь, гуляешь
Или другими занят пустяками**

Но только ты приблизишься к нему –
Он тотчас оживёт, стряхнув дремоту
Блестя всем телом, разомнёт он ноги
Зевнёт, откидывая ставню ночи
Открыто улыбается навстречу
Тебе широкой зубоскальей пастью

И сонмы звёзд из-под искусных пальцев
Разбуженных, заждавшихся, счастливых
Несутся в мир без них такой убогий

Ты мир наполнишь – и не станет тьмы
Сплошь в звёздном свете он, звенит, искрится

Рояль уже не чёрен, осиян
Он звёздами из-под искусных пальцев

И высекаемые тобой
Из клавиш звёзды
В мир улетаю
Мир преображают.

Концерт

Твой чёрный зверь
Крылатый и зубастый –
Как звать его? Бывает ли такой? –
Но вот он! Есть!
В твоих руках прекрасных,
Умеющих увлечь
Магической игрой
В полёт...
Ты – маленький –
Летишь на нём –
Таком огромном,
Для и из музыки
Сейчас рождённом.
И мы летим за вами вслед,
За чёрной птицею
Гигантской и ручной.
И большего самозабвенья нет,
Чем в том полёте,
Чем в дороге той.

2023–2024

ТАМИРЛАН БАДАЛОВ

Искусство – это только «Как... каким образом»

*Высшая мечта писателя:
превратить читателя в зрителя.*

В.Набоков

Сразу оговорюсь, этот этюд – отношение к тому, чем живу и увлекаюсь многие годы. Упражнение на заданную тему. Тему вечную и неисчерпаемую, в которой много неясного и спорного.

На протяжении жизни нам постоянно приходится соприкасаться с результатами деятельности людей, профессия которых – создавать иллюзорный мир, не имеющий критериев стоимости. В недрах этой странной деятельности – воображение, заставляющее нас то восторгаться и радоваться, то смущаться и печалиться. Как говаривал Александр Сергеевич: «Над вымыслом слезою обольюсь».

Как-то случайно наткнулся я на диалог двух искусствоведов о современной музыке. Обратил внимание на многократно звучащую мысль – об «увлечении исполнителей техническими средствами извлечения звука в ущерб содержанию произведения». Давно заметил, что в музыкальной среде суждения о «верных» и «неверных» интерпретациях – любимое лакомство. Чтобы не быть голословным, приведу несколько фраз из той беседы: «Наконец-то можно задаться в музыке вопросом «что?», а не «как?»; «Кончилось время новаторства – можно наконец созидать саму музыку»; «Они (представители новой волны) едва ли не первыми осознали, что ныне главное в музыке – «что», а не «как».

Может, и не вполне правомерно, но почему-то всплыли старые идеологемы из основ марксистско-ленинской эстетики: «о единстве формы и содержания», «о вульгарном формализме, разрушающем единство целого».

В комментарии выразил своё понимание предмета дискуссии: «*На мой взгляд, – «что» (или «о чём») – это: а) начальный импульс к творчеству и б) конечный образ созданного. И первый, и второй локус находятся вне творца, вне разработки музыкальной композиции, вне процесса созидания. Функция искусства ограничивается задачей «как» и находится между этими двумя полюсами. При более широкой трактовке предмета начинается смысловая путаница. В той или иной степени это относится ко всем видам искусства, но особенно заметно в самом условном из них – музыке*». Теперь добавлю – отсутствие вербального и зрительного компонента (оставив только слух) заведомо предопределяет нематериальность музыки. А потому музыкальную тему (её нотацию и озвучивание) зачастую воспринимают как неразрывный процесс, а границу между «что» и «как» считают условной. Подчеркну: речь об искусстве сотворения, воспроизведения, а не о производстве, представляющем собой результат этой деятельности.

Вначале заглянем в книги

Определение искусства как явления – предмет дискуссий, идущих на протяжении веков. Менялись представления, углублялось понимание, но противоречий меньше не становилось. И вряд ли эти споры когда-нибудь прекратятся: «*Как ни странно это сказать, несмотря на горы книг, написанных об искусстве, точного определения искусства до сих пор не было сделано*» (Л.Н.Толстой, «Что такое искусство?», 1897).

По приблизительным подсчётам, в настоящее время существует свыше двухсот известных определений «искусства». О чём это говорит? Во-первых, о том, что не найдена непротиворечивая и исчерпывающая формула или её компромиссная модель; а во-вторых, сам объект интриги, подобно бесформенной медузе, всякий раз проскальзывает сквозь ячейки сети. Пытаясь разобраться в определениях, тотчас попадаешь в такой водоворот формулировок, такое наложение доводов, противоречащих друг другу, что не мудрено утонуть в этом ворохе словес, понятий и трактовок, так и не выбравшись на поверхность. Но всё равно придётся нырнуть...

Сначала из Википедии (разумеется, с купюрами): **«ИСКУССТВО** (старославянское – *искоуьс* – *опыт, пытка*; лат. *Experimentum* – *опыт, проба*) – образное осмысление действительности (а если образ вымышленный, эксклюзивный – не имеет аналогов, что осмысливать?!); процесс или итог (разные сущности – **Т.Б.**) выражения внутреннего или внешнего мира творца в (художественном) образе...». Далее, в такой же логике и стилистике ещё несколько абзацев, в которых много нестыковок. И всё-таки можно зафиксировать ключевые слова – **опыт, проба**.

А вот Британская энциклопедия (1985г.) даёт такое определение искусства: *«Использование мастерства или воображения для создания эстетических объектов, обстановки или действия, которые могут быть разделены с окружающими»*. И здесь ключевыми мне представляются слова – **создание, действие**.

В Новой философской энциклопедии (2010г.): **«ИСКУССТВО** – художественное творчество как особая форма общественного сознания, вид духовного освоения действительности». Все слова вроде правильные, отшлифованные, но выхолощенные, написанные будто бы не для обычного человека во плоти, а для бездушных механических существ.

В других источниках – либо многословная мудрость, с желанием убедить случайного читателя в его непросвещённости, неполноценности; либо «высокий» дух, доступный только высоколобым, посвящённым в тайну.

Пример: *«Искусство принципиально апофатично как в отношении своего субстанционального характера, так и в отношении конкретных социально-исторических целеполаганий»*.

Ещё через пару абзацев: *«Искусство, порождая являющий его комплекс художественных произведений, одновременно конституирует собственный мир - художественную культуру, – мир, иррелевантный по отношению к эмпирической действительности, обладающий собственной (имманентной) законосообразностью, ориентированный на прекрасное, в направлении которого искусство только феноменально и осуществляется»* (Новейший философский словарь, 1998г.).

Там ещё много подобных замечательных фраз, одна из которых заканчивается так: *«...в гносеологическом плане искусство устанавливает феноменальное присутствие вещи и устремлено в трансцендентные основания всякого присутствия»*. Заумь специально затуманена магистрами искусствоведения, дабы продемонстрировать свою кастовость.

В свою очередь, о божественном происхождении искусства говорит довольно распространённая легенда, известная со времён Эхила. Согласно ей, секрет искусства принёс людям Прометей, выкрадший его у богов. К этим откровениям, основанным на представлениях о мире тысячелетней давности, невозможно сегодня относиться без скептицизма, но и сегодняшние концепции о потусторонней природе искусства, выраженные в более изощрённой форме, фактически утверждают схожее.

И уж совсем неловко цитировать «Философский энциклопедический словарь» (1989), по которому **«ИСКУССТВО** – специфическая форма общественного сознания и человеческой деятельности, представляющая собой отражение действительности в художественных образах, один из важнейших способов эстетического освоения мира. Марксизм отвергает идеалистические толкования искусства...».

И далее страница за страницей, с неожиданно смелыми, порой революционными откровениями: «...в литературе эстетическое воспроизведение мира осуществляется через слово; в живописи – через зрительно воспринимаемые образы цветового богатства мира; в скульптуре – через пластические образы, объемно-пространственные формы; в графике – через линию рисунка, штрих, светотень; в музыке – через звукоинтонации; в театре и кино – через воплощение живыми людьми, актерами, действиями героев и лежащих в их основе драматических конфликтов; главной особенностью архитектуры и декоративно-прикладного искусства является единство в их произведениях утилитарных и эстетических принципов».

Авторы забыли указать, что утро начинается с рассвета, Земля круглая, а Волга впадает в Каспийское море. А ведь эта сентенция сотворена совсем недавно – в 1989 году!

Кому это представляется не заслуживающей внимания нелепицей, приведу слова немецкого эстетика Шасслера, написанные в конце XIX века, но до сих пор не утратившие своей актуальности: *«Едва ли в какой-либо области философских наук можно встретить такие грубые до противоположности способы исследования и способы изложения, как в области эстетики. С одной стороны, изящная фразистость без всякого содержания, отличающаяся большей частью самой односторонней поверхностью; с другой стороны, отталкивающая неуклюжесть философской терминологии, облакающая самые простые вещи в одежду отвлеченной научности как бы для того, чтобы сделать их достойными вступления в священные чертоги системы, и, наконец, между этими обоими приемами исследования и изложения, третий, составляющий как бы переход от одного к другому, прием, состоящий в эклектизме, щеголяющем то изящною фразистостью, то педантической научностью...»* (Schassler, Kritische Geschichte der Aesthetik, 1872, I, p. XIII).

Историки утверждают, что понятие «искусство» изначально утвердилось в виде оппозиции понятию «естество». Но задолго до того, как в общественном сознании появилось понятие «искусство», была обособлена деятельность, изменяющая формы природной предметности. Долгое время эта деятельность, противопоставленная дикорастущей природе, включала все виды ремесел, любую искусственную надстройку, отличающую рукотворное от имманентного, человеческое от первозданного. И теория искусства долгое время фактически была теорией ремесла.

Новое время

Современное понимание искусства началось относительно недавно, приблизительно с середины XVIII века. Обычно это осмысление связывают с работами немецких эстетиков, разграничивших объект логического познания – «истину» и объект эстетического (чувственного) познания – «красоту» (Баумгартнер, 1714-1762 гг.). Позднее произошло отделение «изящных искусств» или «царства духа» от иных видов искусственной человеческой деятельности. Сегодня это только история, так как многие понятия превратились в анахронизм, подверглись серьезной трансформации, переосмыслению, особенно во второй половине XX века. Часто даже современные эстетические школы совершенно несопоставимо трактуют одно и то же явление, один и тот же творческий процесс. Само по себе это неплохо, так как позволяет придерживаться позиции, созвучной с собственным представлением.

Мне, например, понятна и близка мысль В.Набокова, который воспринимал искусство как ослепительную вспышку молнии: *«Оно целиком уместается в напряжённое мгновение между вспышкой и раскатом. В ней нет так называемой экспозиции. Молния не теряет времени на объяснение метеорологических условий»*. Там же, через несколько абзацев: *«...идеи в литературе не так важны, как образы и магия стиля... Слова, выражения, образ – вот истинное назначение литературы. Но не идеи»* (В.Набоков. Лекции по русской литературе, стр.59).

Именно поэтому искусство – это игра воображения по поиску формы выражения, но не истины или целеполагания, поскольку этот тяжкий труд есть забота иных профессий, лучше вооружённых методами и средствами познания.

В русских переводах И.Канта часто прочитывается видение искусства как игры, «цель которой – приятное удовольствие само по себе», «удовольствие от рефлексий». Поэтому **познавательная** функция искусства по Канту скорее **прозревательная**. «Сфера, открываемая искусством, – это сфера трансцендентальных идей («откровение»), которое не познаётся концептуально, а является сознанию напрямую, минуя формализованный дискурс».

По мнению французского писателя Э.Верона (1825-1889): «Искусство есть проявление чувства (*émotion*), передающегося вовне сочетанием линий, форм, красок или последовательностью жестов, звуков или слов, подчиненных известным ритмам» (Eugene Véron, «L'esthétique», 1878). Заметьте, здесь нет слов о содержании, об идейной сущности. И это не по забывчивости или неряшливости – по убеждению.

Сегодня, после многочисленных в прошлом попыток использовать слова «истина», «идеал», «красота», «доброта» в качестве содержательного дискурса в определении «искусство», к этим категориям практически никто всерьёз не обращается. А ведь прежде, и не одну сотню лет, они были основой рассуждений на тему о сущности искусства. Впрочем, даже в XVIII веке немецкий эстетик Винкельман (1717-1768) утверждал, что «цель всякого искусства есть только красота, совершенно отдельная и независимая от добра».

Каждому вдумчивому читателю известен не один случай, когда после прочтения нескольких «плохо уложенных» фраз незнакомого автора книга отбрасывается, даже если на следующих страницах развёртывается необычайно интересный сюжет. Что мы тем самым продемонстрировали, что выявили своим нетерпением? Оказывается, вольно или невольно этим акцентированным жестом мы согласились с художественным принципом – **эстетизм важнее морализма**. Интересный сюжет можно обнаружить в журнальной или газетной статье, в исторической или криминальной хронике, а требование к произведению искусства – способ изложения (средство изображения).

Другой пример. Выберем несколько типов состояний или ощущений, присущих всякому человеку – радость, гнев, боль, отчаяние или печаль.

Это простая констатация состояний, которые могут подробно охарактеризовать профессиональный психолог или невропатолог, педантичный лингвист или публицист. Пока здесь нет искусства, если не использовать понятие метафорически. Искусство начинается лишь тогда, когда форма этого состояния обыгрывается художественными средствами, когда на эту тему создаётся искусственная композиция. И заканчивается это действие в тот момент, когда творец отчуждает от себя произведение: выставляет его для обозрения или прослушивания, совершает акт дарения или продажи. Это в равной мере относится не только к создателю, но и к интерпретаторам (режиссёрам, актёрам, музыкантам). То есть, **искусственное творчество** преобразуется в **произведение искусства**. Деятельность превращается в товар, обретает рыночную стоимость. Но товар этот странный, необычный. Его нельзя намазать на хлеб, растолочь или распылить, налить в сосуд или расплескать, его нельзя выпить или съесть, в него нельзя укутаться и согреться. То есть на выходе деятельность абсолютно бессмысленная.

В качестве подтверждения сошлусь на авторитет приверженца эстетики И.Канта – Ф. Шиллера (1759-1805), утверждавшего, что целью искусства является красота без практической пользы. «**Искусство – целесообразная деятельность без цели**».

В своих лекциях о литературе Набоков рассматривает письменные тексты классиков, в частности, Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого. Цитаты большие, однако стоят того, чтобы представить их без купюр.

«Ф.Достоевский, как известно, – великий правдоискатель, гениальный исследователь больной человеческой души, но при этом не великий художник в том смысле, в каком Толстой, Пушкин и Чехов – великие художники. И не потому, что мир, созданный им, нереален, мир всякого художника нереален, но потому, что он создан слишком поспешно, без всякого чувства меры и гармонии, которым **должен подчиняться** даже самый иррациональный шедевр... В качестве романов его книги рассыпаются на куски, в качестве пьес – они слишком длинны, композиционно рыхлы и несоразмерны» (стр.211).

«У толстовского стиля есть одно своеобразное свойство, которое можно назвать «поиск истины на ощупь». Желая воспроизвести мысль или чувство, он будет очерчивать контуры этой мысли, чувства или предмета до тех пор, пока полностью не удовлетворится своим воссозданием, своим изложением. Этот прием включает в себя... художественные повторы или плотную цепочку повторяющихся утверждений, следующих одно за другим, каждое – выразительней, чем последующее, и всё ближе к значению... Он продвигается на ощупь, разрывает внешнюю оболочку слова ради его внутреннего смысла, очищает смысловое зерно предложения, лепит фразу, поворачивая её и так и сяк, нащупывает наилучшую форму для выражения своей мысли, увязает в трясине предложений, играет словами, растолковывает их и «растолстовывает» (стр.309).

Высказывания В.Набокова не оставляют сомнений в предпочтениях уникального лектора и не нуждаются в дополнительных комментариях.

В работе «Структура художественного текста» Ю. Лотман приводит двестише А.С.Пушкина, сочинённое, по словам поэта, во время очередной бессонницы. В стихотворении говорится об обступившей поэта темной и суетливой жизни, требующей, чтобы ее разгадали:

Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу...

Стихотворение это при жизни опубликовано не было, но В. Жуковский включил его в посмертное собрание сочинений Пушкина, заменив последний стих. Лотман по этому поводу высказывает свои соображения («...Жуковский, при явном отсутствии здесь каких-либо внешних причин цензурного характера, стал заменять пушкинские стихи своими, очевидно, для улучшения рифмы...»). В результате получилось:

Я понять тебя хочу, Темный твой язык учу...

Обратите внимание, оба стиха семантически эквивалентны, изменилась только словесная конструкция (форма выражения), и мы имеем другую мелодичность. Это и есть суть искусства – формирование композиций из слов, звуков, их формальных сочетаний оттенков цвета. Не преувеличивая своего значения, не претендуя на роль искателя истины, не вторгаясь в область философии, научных представлений, религиозных воззрений, законодателя морально-этических норм. Искусство только транслирует эти знания, представляет их интерпретации специфическими приёмами и средствами выражения.

Сегодняшние представления

Начало XX века прошло под знаком распространения функционализма, проникшего во многие сферы интеллектуальной деятельности (архитектуру, дизайн, культурологию, социологию). В архитектуре это течение получило наименование «конструктивизм», характерные черты которого – лаконичность, строгость, аскетизм, приоритет прямых углов. Суть конструктивизма образно выражал афоризм: «Всё, что функционально, то гармонично и красиво». В тот момент казалось: функционализм настолько логичен и рационален, что альтернативы ему нет и не будет никогда. Но в 70-е годы прошлого века антитезой функционализму утвердился постмодернизм, а его архитектурным выражением можно считать «деконструктивизм».

В Баку в 2012 году было завершено строительство культурного центра, по про-

екту Захи Хадид, яркой представительницы британской школы деконструктивизма. Комплекс напоминает гигантскую морскую раковину с размякшим от солнца панцирем, из которого как бы вытек моллюск, превратившись в приливную волну. Уже сейчас своей уникальной эстетикой и неординарностью формы сооружение заслуженно воспринимается как достопримечательность города.

Важен другой аспект: внешняя пространственная оболочка здания и его внутренняя планировочная организация, с утилитарной точки зрения противоречат принципам рациональной логики. Много неиспользуемых площадей, функционально бессмысленных интерьерных зигзагов, десятки кубометров пустоты в высоком овальном пространстве, требующем постоянного обогрева и кондиционирования. Однако эстетика постмодернизма не только допускает такие противоречия, кощунственные с точки зрения функционализма, но даже настаивает на этом – **образ важнее функции**. С этим можно соглашаться или не соглашаться, восхищаться или возмущаться, но постмодернизм, с его инверсией смыслов и эстетикой стёба, утвердил своё место в истории искусства без нашего дозволения и согласия.

Несколько лет назад в кинопрокат вышло две версии «Анны Карениной». Представлены они широко известными в мире кинематографическими школами: российской – Сергей Соловьёв, и английской – Джо Райт. Оба фильма широко обсуждались, но при всей разногласии мнений приверженцев английской версии оказалось значительно больше, чем российской.

Джо Райт и Том Стоппард (сценарист) изначально поставили перед собой задачу: используя сюжет толстовского романа, создать киноверсию по его мотивам. Авторы фильма основательно переработали текст первоисточника, приспособив его к образному языку современного кино, и последовательно проводили эту стилизованную линию на протяжении всего фильма. Можно сколь угодно язвительно высказываться в адрес англичан – за отступление и вольную трактовку идей романа, за недостаточное проникновение в суть произведения, за непонимание особенностей загадочной русской души, но нельзя не согласиться с тем, что перед нами самоценное произведение далеко не худшего образца. На мой взгляд, это лучшая из существующих к настоящему времени экранизаций, а их уже накопилось около тридцати.

Противоположно этому, Сергей Соловьёв в своей тягучей, многосерийной версии попытался бережно следовать тексту романа и цели своей добился. Практически все основные темы и сюжетные линии в фильме присутствуют. Получился тщательно разработанный набор эпизодов, с выверенной интонацией, с блистательной игрой Олега Янковского, сделавшего Каренина главным действующим лицом фильма. Но не случилось откровения. Злые языки утверждают даже, что фильм следовало назвать «Алексей Каренин», тем самым подчёркивая, что созданный Янковским образ изменил иерархию героев, композицию романа и, в определённом смысле, даже контекст. Следовательно, формальное «Как» создало нечто новое, непредвиденное, отличное от первоначально задуманного, и это оказалось достаточным противовесом замыслу. С другой стороны, в очередной раз подтверждается правило: добросовестность художника никак не приближает его к цели – эмоциональному всплеску, достижению катарсиса, если не найдены адекватные средства изложения-отображения, отличающие произведение от прежних версий и интерпретаций.

Искусство, создающее придуманную реальность, похоже на «лицедейство» или шире – сотворение («creative»). Креативность – это счастливый дар, умение выразить свои чувства в художественном обличье, данное ограниченному числу людей. Но игровая творческая способность и аналитическое мышление имеют разные основания и вовсе не предполагают соединения двух талантов в одном лице. Нет ничего удивительного в том, что художник использует чужие мысли или чужие слова. Важно только одно: «Как» он с ними обращается, как конструирует свою «несуществующую» реальность.

На мой взгляд, всякие неосторожные шаги в сторону «Что», претензии на проникновение в глубины сущности рано или поздно приведут к высокомерным декларациям, например: «цель искусства есть нравственное совершенствование человека». Прозорливые люди без труда догадаются, куда ведут следующие шаги и чем заканчиваются эти благие намерения. Двадцатый век дал тому массу примеров.

Совсем уж упёртым поясню, что содержание произведения, так называемые «о чём» или «про что» никуда не исчезают. Они благополучно существуют в виде заимствованных идей или собственных «умозаключений» творца, часто бессознательных, принадлежащих другой функции нашего мозга – аналитической деятельности. Искусство же, используя формальные приёмы, привлекая разнообразные выразительные средства, создаёт новые формы, новые образы, меняя ракурсы известного. Иногда намеренно нарушая сложившиеся правила и стереотипы, иногда умышленно их цитируя. При этом неожиданно могут обнаруживаться новые смыслы, и в этом особенность, но не предназначение.

На одном из фестивалей современной музыки памяти Кара Караева был вечер, посвящённый авангардной музыке. Концертировал камерный ансамбль Accroche Note (Франция), с солисткой (сопрано) с необычной техникой пения, с прикольным составом инструменталистов: флейта, контрабасный кларнет, арфа, скрипка, ударные, виолончель, вибрафон. Музыка на слух провокационная, сбивающая с толку, раздражающая непривычное к атональной гармонии ухо. В зале сначала глухой ропот, затем гул, и, наконец, часть публики демонстративно покидает зал.

Мысленно разделил зрителей на три неравные группы: первая – те, кто знает, понимает и любит современную гармонию; вторая – к которой причисляю и себя – принимающие смысл происходящего, с большим интересом воспринимающие это разумом, но не сердцем; и, наконец, третья – убеждённая в своей «непорочности», знающая только тональную гармонию, для которой «правильная» музыка совпадает с восемью ступенями октавы и понятной образной картиной.

Публика из третьей группы воспринимает музыку «содержательно», обязательно с логичным развитием сюжета и не допускает самостоятельной ценности музыкальной композиции без зримого контекста. В их прежнем опыте не было «кошунственных» утверждений о том, что «искусство по своей природе бессодержательно». Им неведомо, что, помимо слышимых звуковых частот от нижнего «ля» до «до» пятой октавы, в композицию могут быть вплетены шумы (скрип, стон, писк, хруст, скрежет и т.д.), а также назойливые диссонансные повторы, продолжительные паузы тишины. Что музыкальная фраза вместе с шумовыми вкраплениями не нуждается в дополнительных смысловых разъяснениях, она самоценна. Пока это не осознано, зритель или слушатель каждый раз будет наткнуться на сакраментальный вопрос: «Что хотел выразить творец?»; а не сумев понять «Про што», будет болезненно реагировать.

Всё вышесказанное исподволь подводит к такому операциональному определению: «Искусство – это умение создавать вербальные, визуальные, звуковые композиции, предназначенные для эмоционального восприятия».

P.S. *«В нашем обществе искусство до такой степени извратилось, что не только искусство дурное стало считаться хорошим, но потерялось и само понятие о том, что есть искусство... нужно прежде всего выделить настоящее искусство от поддельного...»*

Не улыбайтесь снисходительно, эти слова произнесены в конце XIX века и принадлежат великому ворчуну и моралисту – Льву Толстому. Писатель так и не разъяснил, кому предоставлено исключительное право отличать настоящее искусство от поддельного...

МЕДИНА ЭЛЬДАРОВА

МИНИАТЮРЫ

Век веку рознь

Большой город спал. Теплая летняя ночь берегла его недолгий сон, и баюкало ласковое море. Резко налетел вдруг ветер, дождь, молния, ударил гром. Началась гроза. Всё живое затрепетало, попряталось, пало ниц. Прижались к клумбам маргаритки, трава распласталась по газонам. Тополя и кипарисы, воздев к небу ветви, раскачивались из стороны в сторону, просили пощады или в свидетели звали. Люди позакрывали окна, двери, задернули шторы. И только большой город стоял невозмутимо спокоен.

– И чего разошлась? Столько бурь и гроз повидал я на своем веку, – проворчал он лениво.

– А сколько вас, городов, я на своем-то веку повидала, большой глупый ребенок, – расхохоталась стихия и как-то сразу угомонилась.

Близился предрассветный час, стояла тишина.

– А в мой недолгий век вместились всего лишь один город и одна гроза, – вздохнула сорванная ветром афиша.

И призадумалось всё вокруг о том, кто, сколько и что повидал на своем веку. Почему на чей-то век выпадает много всего, а на другой почти ничего. Тут взошло солнце и, сияя, возвестило:

– Всё есть как есть. Век веку рознь.

– Конечно, – согласилось сразу всё вокруг, – солнце видит, солнце знает, у солнца долгий-долгий век.

– Какая несправедливость! – всполошились, было, чайки, но тут же разлетелись по причалам, помойкам и бульварам. Как бы своего-то не упустить, как знать, кому какой отпущен век.

Судьба

По дороге жизни кто-то бежит, кто-то идет, кто-то лежит или ползет. Цветок придорожный корнями в землю врос и тоже по жизни идет. Как бы там ни было, свою дорогу жизни каждый пройдет. Я тоже здесь, в толпе людской, со своей судьбой, как с сумой. Что положишь, то возьмешь, что посеешь, то пожнешь. Никто не видит, никто не знает той дороги конца. В спутницах у каждого Судьба.

Нет предела

Совершенству нет предела, как известно, оно бесконечно, движение в беспредельность совершенства вечно. Можно, к примеру, смотреть, можно видеть, можно созерцать. Наше зрение и слух настроены определенным образом, видим и слышим лишь часть того, что есть вокруг. Но и в очерченном для нас кругу можно смотреть и можно видеть. И созерцание, конечно, – высота, полет и отрешенность, – при желании имеет место быть. Так видим мы порой за маскою лицо, среди плевел замечаем зерно, в коротком взгляде видим глубину, в грозной позе и речах – обычный страх, в высокомерии надменном – пустоту, в незатейливости быта – красоту. Смотреть и видеть – это, возможно, ум, душа и сердце в одном процессе, где нет предела совершенству, где шаг за шагом оно уходит в бесконечность, беспредельность, вечность. Один из множества аспектов нашей жизни в несовершенном мире бытия.

Бульвар со вкусом

Наш любимый бульвар, Приморский парк, сколько помню себя, постоянно менялся, реконструировался, обновлялся, при этом всегда был и есть неизменно красив. Море, слегка изогнутая набережная, чайки, горизонт хороши в любое время года, неповторимы, живописны, атмосферны и в ясный день, и в непогоду. Клумбы, газоны, рабатки, полные роз, ирисов, петуний, маргариток, виол, всех цветов не перечсть. Когда-то парашютная вышка с часами, всегда катера у причала, вытянутый остров прямо по курсу, салюты по праздникам, живая музыка, важные курсанты в морской форме, девушка в наушниках, свесив ноги, прямо у воды, спортсмены – здоровый дух в здоровом теле, служба бульвара при деле. Фотографы, художники с мольбертами – завсегдаитаи приморья. Первым, главное, не испортить кадр, вторым – постараться не спугнуть вдохновение, потому как всем интересно взглянуть, что там на мольберте, приобщиться к магии мастерства, волшебству творения. И, конечно, наш бульвар – это море, вода, всему, что есть, что происходит на берегу, придает оно особую красоту, особый шарм и даже смысл. Вязы, сосны, ели, чинары, маслины, площадка огромных кактусов, на любителя, конечно, несколько невиданных здесь баобабов, древних заморских оливок и множество разноголосых птиц. По всему парку карусели, аттракционы и качели, колесо обозрения непременно, морские прогулки на ура, комната смеха, серпентарий в былые времена, диковин и развлечений не счесть. Любимая набережная горожан, куда водят гостей, где развлекается молодежь, выпускники вузов и школ здесь встречают рассвет, резвятся дети и отдыхает возрастной контингент. Аллеи, скамейки, шахматы, фонтанчики с питьевой водой, кафе, всё так душевно, тепло. Сливаясь с морем, небом, облаками, льется музыка, родные песни, мотивы, голоса, шелест листвы, крики чаек, зелень травы. Воздух свеж, переменчив, со вкусом и запахом моря, соли, ветра и роз. Яхты, порт, на парадах военные корабли, местная Венеция, мостики, ивы над водой, фонтаны с музыкой. Можно описывать наш бульвар бесконечно, а сколько теплых воспоминаний, только начни, так и пойдут чередой, с детских времен и до нынешних пор. Бульвар – часть нашего замечательного города, уютный уголок его души. Он – часть нашей жизни, как и мы – его часть, живая, эмоциональная, яркая, трепетная, самобытная, многоликая, очень разная, конечно, тоже меняющаяся со временем и обновляющаяся. Как известно, ничто не стоит на месте, всё течёт, всё меняется, как всё есть целое, и всё есть часть, определенная составляющая в бесчисленных пазлах многомерных картин этого мира.

Оливия

По обе стороны дороги, возле нашего двора, где раньше, позванивая, ходил трамвай, росли оливы, как и в самом дворе, перед домом и позади него. Тополя, кипарисы, софора, акация, сосны и церцис, мы называли его дикой сиренью, были повсюду. У тополей короткий век, сосны вырубил, что-то высохло, что-то пропало, а оливы и сейчас там стоят. Дорога постоянно обновляется, в городе давно нет трамваев, и старый двор наш уже другой. Не осталось прежних жильцов, разъехались соседи по новым адресам, мы тоже давно там не живем. А старые оливы всё те же. Неизменно одеты неброской листвой, скромно украшены бело-желтыми цветами в положенный срок и позже, конечно, зелеными или спело-черными плодами. Чудесные деревья, вечные, у них нет годовых колец, их молодая поросль от корней и ветвей, срастаясь, постоянно формирует ствол. Оливы любят птицы, их плодами лакомятся все. Они упоминаются в священных книгах, символична оливковая ветвь. Благородны, сдержанны, не кичливы, растут в садах, парках, дворах, в домашних горшках. У нас на балконе саженец оливы, подаренный детьми, встречает первую весну. Он проснулся

после зимних ветров, непогоды, покрылся нежной молодой листвой и мелкими бутонами будущих ароматных соцветий. Дерево Средиземноморья, южных широт, наших мест, разных стран и континентов. Много видов, названий, сортов. Они разные, как все живое на планете. Только мало кто из нас доживает до ста лет, а они могут жить тысячелетиями. Так что семейство наше, балкон и лаконичный сад в долгой, надеюсь, жизни нашей Оливии, так ее зовут, останутся лишь мимолетным эпизодом. Хочется верить, что будет он приятным. Оливы старого двора видели моих родителей, бабушку и дедушку, наших детей. Недавно тот двор навестили внуки, случайно оказавшись в тех краях. Есть в оливах какое-то тепло, умиротворение, ненавязчиво и мягко они рядом с нами всю жизнь, с самого детства. Они увидят наших правнуков и их детей, с любовью и достоинством храня тепло и свет ушедших поколений.

Летом

Летний балкон высоко над землей, под полосатым тентом-зонтом, среди флоксов, алиссума, роз и лаванды июня. Смотрю на небо, в его яркой голубизне уже проглядывает бледная луна, хотя до ночи далеко. Смотрю на море, оно не близко, лишь узкой прерывистой каймой просматривается на горизонте, за причудами архитектуры современного города. И, тем не менее, оно там, оно есть, оно сегодня в глубокой синеве, его величия ничто не умалит. Полоска моря постоянно притягивает взгляд, о многом говорит. Перед балконом порхают птицы. Носятся крикливые стрижи-непоседы, вороны проплывают низко, грузно, то и дело стремительно и резко пролетает небольшая круглоголовая птица. Похоже, хищная, пустельга, наверное, или канюк. А внизу у конюшен выгуливают лошадей. Кругом красота, непередаваемое ощущение лета, его эманаций, томных волн. Что-то из детства и дальше по жизни, что копится из лета в лето, навеивается, наслаивается, бывшее и сущее, мечты и грезы, всё в этом мире, между небом, морем и землей, живет и отзывается в душе, легким бризом обдает теплом пропитанную кожу, разливается внутри умиротворением и тихим счастьем. Июнь идет к концу, не загостится вечно юный месяц лета. Мимолетны ощущения, быстротечно лето жизни, бесценны капли счастья.

Глубокая зима

Середина января, глубокая зима, глубже некуда. Даже снег пошел, роскошно хлопьями кружа, небывало, пролежал два дня. Глубокая зима, непривычно холодно. Вечером кресло поглубже, теплый плед, утром с трудом выбираешься из долгой ночи, из глубокого сна, из темных недр. Сумрак утра, ни солнца, ни света, за окнами холодная темнота. Где-то в дальней комнате букетик нарциссов в глиняном кувшине. Легкий, дразняще-тонкий аромат, наплывами, едва слышными нотками, свежими и тонкими. Воспоминанием дохнёт, будто невзначай, былого дымку наведет, букетик, милый сердцу, как незабудки и фиалки, скрасит утро нежными цветами, без претензий, просто ни о чем. Тихое очарование нарциссов, верных спутников нашей зимы, трогает до глубины души.

Середина января, глубокая зима – время в себе, во внутренней тишине, где можно отойти душой, помолчать с собой, время всего в себе, тихое, строгое и отрешенное.

Глубокая зима в середине января – это всегда начало ее конца. Зима на убыль, медленно, по капле в день, начинает отступать темнота, и дальше – цветок за цветком, лист за листом, неперемнная весна.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Дива

Горло саднило который день. Кашель мучил временами. Но счастье заключалась в том, что голосовые связки оставались чистыми. А это значит, что она может петь. Днем – репетиция. Прогон оперы с оркестром. Сегодня Фарах будет петь ключевую сцену со Скарпия. Она его убьёт и не просто убьёт, а ударом ножа в сердце. Петь Фарах собиралась вполголоса и заранее предупредила об этом партнёра. Он не возражал, тем более, что и сам страдал от насморка.

– Словно прочла мои мысли. Посмотрим на реакцию дирижёра. Он и так изо всех сил старается, чтобы оркестр не заглушал наше пение. Его можно пожалеть, беднягу. Ты слышала, что творили гобой и трубы в прошлом спектакле?

Фарах вздохнула.

– Да... К тому же попадали в ноты через раз. Не важно. Главное, чтобы у нас все получилось.

– Согласен.

«Тоска» – одна из вершин оперного репертуара, и Фарах очень хотелось блеснуть. Спеть, как она может, но и сыграть так, чтобы весь зал, даже те, кто не особо силен в опере, затаили дыхание и с ужасом и восторгом следили за тем, что происходит на сцене.

Тоска и Скарпия сходятся в смертельной дуэли. У каждого свой интерес. У него – насладиться красавицей Тоской, у нее – спасти любимого Каварадосси. Главная роль в пьесе «Тоска» Викторьена Сарду, на основе которой написано либретто, предназначалась Саре Бернар. Великой и ужасной. Бернар играла в Тоске саму себя. Страстная женщина, временами кокетка, прирожденная актриса. Оперную Тоску ярче всех спела Мария Каллас. Divine. Дива. Тоска у Каллас становится вровень с героинями греческих трагедий. А теперь Фарах ищет свою Тоску. Она будет похожа и на неё, Фарах. Перепады настроения, приступы ревности, беспричинное веселье и такая же грусть. Похожа. В самом деле, похожа.

Репетицию назначили на 2 часа. Явились почти все музыканты, за исключением второй скрипки, у которой в этот день праздновали обручение. Для девушки, давно ждавшей этого события, речи не могло быть о том, чтобы поменять дату обручения. Партию второй скрипки доверили молодому стажеру, мечтавшему попасть в основной состав. Он сидел на своем стуле бледный, как Каварадосси в пыточной комнате. Старался изо всех сил. Играл громко, но дирижер, помня о своем дебюте и том, как он размахивал руками, иногда совершенно невпопад, не замечал промахов молодого музыканта.

Сцену в церкви, где Тоска мучает своей ревностью любовника, прошли легко, без особой проработки. Каварадосси был в голосе, Тоска, выговаривая любимому художнику, вновь переживала перипетию своего собственного романа, свою ревность. Глядя на картину, где Марио изобразил Марию Магдалину, она высказывала ему свои ревнивые сомнения. Фарах вспомнила все подозрения, терзавшие ее в реальной жизни, и все обиды, высказанные ею своему настоящему любимому. Сублимировать. Вот что значит сублимировать. Превращать свои страсти в искусство. Голос ее звучал трагично, на глазах появились слезы. Фарах ярко и драматично переживала

драму, ту, что старалась скрыть в жизни. На сцене она могла выстрадать, спеть все, что пережила.

И вот наступает кульминация. Ей предстоит убить коварного Скарпия. Тоска об этом и не подозревает. Все произойдет внезапно, она будет действовать в состоянии аффекта. Накануне певец, исполнявший партию Скарпия, предупредил Фарах:

– Посмотри на меня внимательно. Видишь? Я не мальчик. Сильный, большой мужчина, к тому же в теле. Как ты себе представляешь одним ударом попасть мне в сердце и убить? Тебе, слабой женщине, под силу убить мужчину одним ударом? Если ты не амазонка, учившаяся с детства приемам ближнего боя, то я сомневаюсь, что это возможно.

– Не преувеличивай. Это опера. Так написано в либретто. Я не собираюсь тебя убивать. Ха-ха. Мне незачем тебя убивать, сам знаешь.

– Знаю, все прекрасно. Даже больше, чем ты думаешь... Я просто забочусь о сцене. О том, чтобы все произошло естественно, публика успела бы разогреться. Действие ведь происходит в Риме. Там, где страсти бьют через край.

– Ты меня заинтриговал. Хорошо. Предположим, я соглашусь на твой вариант. И сколько раз мне придется вонзать в тебя нож? Ты уже решил для себя?

– Да. Я ясно представляю мизансцену. Сначала я сижу за письменным столом, выписываю тебе и твоему любовнику пропуск. Ты в смятении, вроде согласилась уступить мне, но не представляешь, как смирить свою гордыню. Подходишь к столу, чтобы выпить вина. Естественно, чтобы затуманить себе мозги и не так сильно страдать. Внезапно видишь нож. Молнией сверкает мысль о том, чтобы избавиться от насильника...

– Послушай, зачем ты мне все рассказываешь. Я знаю либретто не хуже тебя. В отличие от тебя, я прочла пьесу Викторьена Сарду в оригинале, на французском языке. Я прекрасно знаю, что переживает Тоска, и как все произошло. Она убивает Скарпия в состоянии аффекта. Понимаешь? Возможен только один удар.

– Твой Сарду – француз. Хоть он и писал об итальянцах, тем не менее, он представлял себе Скарпия сморщенным старым злодеем, которого слабая женщина может сразить одним-единственным ударом ножа. Ты сама видишь, что здесь не тот случай.

– Я устала. Хорошо. Я принимаю все твои предложения.

– Три удара. На меньшее я не согласен

– Тебе придется убедить режиссера-постановщика.

Скарпия самодовольно улыбнулся, и Фарах подумала, что, возможно, неплохая мысль продлить пытку и убить его только с третьего захода. На репетиции все произошло так, как предлагал артист. После первого удара в спину он обернулся, еще не осознавая, что происходит, после второго, нанесенного в столкновении лицом к лицу, он понимает, что Тоска из беззащитной жертвы превратилась в разъяренную фурию, способную на любой поступок. Уже поверженный, лежа на полу, осознает, что пришел ему конец. Скарпия сыграл безупречно. Хотя накануне говорил о том, что будет петь вполголоса, пел, как на премьере. Вдохновенно, в полный голос.

Последняя сцена, где Тоска будет не только петь и играть, но и прыгать со стены крепости, беспокоила Фарах почти так же, как и сцена с убийством Скарпия. Ей предстояло в бальном платье, на каблуках прыгнуть в пустоту. В финальной сцене обнаженные плечи Тоски закрывал кап с капюшоном, модная верхняя одежда той эпохи. Атласный черный плащ подчеркивал романтический и в то же время фатальный образ главной героини, сродни античным героям. Предположим, кап она эффектным движением сбросит с плеч на землю. А дальше..., все равно придется прыгать. К крепостной стене декоратор заботливо приставил небольшую лесенку. Со стены по ту сторону занавеса открывалась бездна. По крайней мере, так казалось Фарах. Прыгать ей придется, как с балкона. К тому же не первого этажа, а бельэтажа.

Внизу, на полу, лежат маты, матрасы, чтобы Дива не ушиблась. И все же. Глядя в пустоту, Фарах испытывала страх при мысли, что сейчас ей придется преодолеть еще одно препятствие, и она не знает, чем закончится ее отчаянный прыжок. Немного успокаивало сознание того, что судьба Тоски ей не грозит. И если все пройдет, как она ожидает, то после отчаянного прыжка, возможно, ее ждет триумф.

– Прыгай! Чего ждешь! Прыгай уже! Боишься? А Скарпия так красиво заколола, не боялась?

Фарах не удержалась, повернулась, посмотрела на постановщика взглядом, словно метнула тяжелое копьё. Мужчина поперхнулся и сказал другим тоном:

– Фарах, солнце, прыгай, не бойся. Бабаверди стоит наготове. Он тебя подхватит.

Фарах засмеялась:

– Хорошо, что Бабаверди, а не Верди.

– Прыгай! Прыгай! – закричали все хором.

Тоска развязала тесемки шелкового капа, упавшего на землю, решительно поднялась по ступеням и прыгнула в никуда, в темноту. Упала на маты. Скатилась по ним прямо в объятия Бабаверди. Встала на ноги. Жива и, кажется, здорова! На сцене и в зале артисты кричали «Brava! Brava!» Фарах улыбалась. Итальянское слово Brava значило еще и «смелая». Смелая была Тоска, но и она, Фарах, тоже смелая.

Премьера прошла замечательно. Цветы и аплодисменты. И крики «Браво». Обидно, что только одно представление. Родной оперный театр на капитальном ремонте, а оперная студия нарасхват. «Ничего, в следующем сезоне наша опера вновь откроется. Артистические уборные будут отапливать, не придется в пальто сидеть. На сцене не надо ставить тазы, чтобы вода с крыши не растекалась по полу». Фарах поймала себя на мыслях о бытовых проблемах. «Интересно, Тоска тоже, наверное, кроме высоких страстей, думала о прозе жизни».

Через неделю Фарах уезжала в Турцию, где чествовали ее любимого педагога, композитора. Ему исполнилось 80 лет, серьезная дата. Современную музыку могут петь не все. А вернее, лишь некоторые. Причина тому хорошо известна, атональная музыка необычна для слуха, а исполняют ее чаще всего по нотам. Запомнить и воспроизвести такого рода музыку очень сложно. Такая музыка вполне подходит для современной жизни, скоротечной, непредсказуемой, с множеством событий и бесконечной гонкой. Рваный ритм, отсутствие привычных классических гармоний, смена регистра. Возможно, именно такую музыку исполняли далекие предки, когда собирались в пещерах после охоты и на свирели изображали, как прошел день, какой страшный зверь, саблезубый тигр, например, преследовал охотников. Как они со всем справились. Одна свирель не может заменить симфонический оркестр, но создать соответствующее настроение ей по силам. Фарах в своей профессии бралась за любую, иногда просто непосильную задачу. И что удивительно. Она справлялась. Вот и современная музыка ей покорила. Не просто покорила, она исполняла свою партию наизусть.

Снег шел всю ночь. Самолет оторвался от земли точно по расписанию. Баку – Стамбул. Облака внизу под большой птицей, на которой летела Фарах, всегда вызывали у нее странное чувство. Она вспоминала о тех, кто покинул мир земной; о тех, чьи души могли свободно парить над облаками. С того дня, когда она согласилась петь на юбилее учителя, она, не переставая, думала о своем ушедшем друге, гитаристе, исполнившем в первый раз вместе с ней произведение учителя. На репетициях Фарах иногда искала взглядом друга, затем спохватывалась, вспоминая о том, что его нет. Его физическое присутствие – невозможно. В день юбилея Фарах особенно волновалась. Ей нужно спеть так, чтобы и учитель, и ушедший друг остались довольны.

В небольшом зале собрались ценители современной музыки, друзья юбиляра. Публика, способная оценить искусство мэтра и исполнителей. Перед выходом на сцену Фарах совершенно успокоилась. Она пела вдохновенно, как всегда, а может, даже лучше.

Улетала она через день. На утро она позвонила сестре ушедшего друга и попросила поехать с ней на кладбище, где его похоронили. Сестра не удивилась просьбе, только заметила, что снегу намело много. Пройти к могиле будет сложно. Она не уверена, что кладбище не занесло снегом. Фарах настояла на своем. Она заказала накануне букет желтых тюльпанов. Редкие цветы... Ее друг любил тюльпаны и дарил их Фарах. Красные тюльпаны. Желтые цветы выбрала Фарах. Расставание. Так она решила отметить его уход. Желтыми тюльпанами. Таксист довез их до кладбища, а дальше они пошли по аллее, утопая в снегу. Ветер звучал в ушах, напоминающая вчерашнюю арию. Вверх, вниз, провал в снег, пауза в несколько тактов, смена тональности. Вверх, вниз, пауза. Верхнее пронзительное си. Внезапно Фарах услышала партию гитары. Рыдания инструмента сопровождали пронзительную партию сопрано. Они остановились у плиты. Фарах поняла, что они на месте. Здесь лежит ее друг. Он сыграл для нее свою партию. Слезы высохли. У нее всегда высыхали слезы, когда она страдала. Слезы лились только на сцене. Натуральные, соленые слезки текли из глаз. Какое облегчение выплакать свои страдания на сцене. Все, что скапливалось в тугой ком в груди, выливалось в виртуозное пение и неподдельные страдания на сцене. Обрато они шли, стараясь попадать в свои следы. В гостиницу Фарах добралась совершенно замерзшая. Заснула сразу, не раздеваясь. Ей ничего не снилось. Только под утро вновь зазвучала гитара.

Вернувшись домой, она несколько раз возвращалась к мысли о том, что сказал бы ее друг, если бы им удалось встретиться еще раз. Горло продолжало болеть, предгриппозное состояние не покидало ее. К концу года начальство объявило о грандиозном концерте, посвященном одному из ее любимых композиторов, Пуччини, с участием всех солистов оперы. В этом же сезоне она спела Тоску и долгое время переживала перипетии трагической судьбы далекой подруги, так она звала Тоску. Концерт должен был состояться в одном из новых залов. Комфортабельном, с хорошей акустикой. Фарах надеялась, что ей удастся не заболеть окончательно и она сможет спеть так, чтобы ее поклонники узнали свою любимую диву. Фарах размышляла над тем, что будет исполнять. Выбор пал на арию Чио Чио сан, или как ее предпочитали называть в западной традиции «Мадам Баттерфляй». Еще одна трагическая героиня Пуччини. Ария Чио Чио Сан долго преследовала Фарах. Она подумала о том, что произведение, столь часто исполняемое, впрочем, как и Тоска, не вызовет яркой ответной реакции зала, привыкшего к тому, что Фарах часто поет то, что не под силу другим исполнителям. В случае с Пуччини подобная задача оказалась невыполнимой. Все его оперы имели небывалый успех во всем мире.

Наступил день концерта. После легкого особого предконцертного завтрака, Фарах занялась своим горлом. Публика увидит певицу, в совершенстве владеющую голосом. Затем она стала выбирать наряд. Отказалась от традиционного для этого персонажа кимоно. Отдала предпочтение концертному платью в черно-золотых тонах. Ей хотелось предстать не просто эффектной, но и трагичной женщиной, такой же, как и Чио Чио Сан. Фарах вспомнила фильм, посвященный опере «Мадам Баттерфляй». Фильм назывался «М. Баттерфляй» с Джереми Айронсом в одной из главных ролей. Буква М. вместо Мадам заключала в себе загадку, которую большинство зрителей разгадывали не сразу. В фильме Чио Чио Сан была представлена мужчиной. То есть буква М означает Мсье. Бухгалтер французского посольства в Пекине, прототип американца Пинкертона, не сразу догадался, что общается с женщиной, переодетым женщиной. В Пекинской опере все роли исполняли мужчины; и

женские в том числе. Так случилось, что француз, попавший в оперу на «Мадам Баттерфляй», настолько был очарован дивой, что не удосужился уточнить, кем же на самом деле была китайская Чио Чио Сан. Фильм произвел на Фарах большое впечатление еще и потому, что сила искусства способна внушить любовь безусловную, слепую. Финал фильма необыкновенным образом менял местами условных «жертву» и «палача». Француз попадает в тюрьму и кончает жизнь самоубийством, а Чио Чио Сан – молодой китайский шпион – возвращается на родину. Подобная метаморфоза позволила Фарах лучше прочувствовать персонаж Чио Чио Сан и в очередной раз вспомнить о том, что восточный и западный образ мышления очень часто не просто не совпадают, а идут в противоположных направлениях.

Концерт прошел на «ура». Правда, на бис вызывали не всех. Молодой тенор, исполнивший арию Калафа из оперы «Турандот», «Nessun dorma» отличился высоким звонким чистым голосом. Кто-то даже вспомнил великого Паваротти.

Фарах пела, как всегда, проникновенно, искусно. Смогла передать страдания покинутой женщины. Дирижер итальянец подошел после концерта к Фарах, поцеловал ей руку, подарил букет алых роз.

– Я слушал многих певиц, исполнявших Чио Чио сан. Услышав вас, я понял, что Мадам Баттерфляй – не просто несчастная женщина, а женщина, которая смотрит на мужчину, как на господина. И ему позволено все. Такая женщина сегодня живет на Востоке. Спасибо вам, Фарах! Вы подарили мне незабываемый вечер.

Фарах мило улыбнулась и подумала:

– Пусть остается в заблуждении. Я – артистка и могу прочувствовать то, что в жизни я бы никогда не сделала, хоть я и восточная женщина!

Актерское ремесло

Последний акт начался. Шахназ сидела перед зеркалом в гримерке и придирчиво рассматривала морщины, испещрившие ее еще молодое лицо. Гримерша постаралась. Узнать Шахназ в сгорбленной, морщинистой старухе мог лишь очень близкий ей человек. На минуту она отвлеклась от созерцания своего и в то же время чужого лица. «Интересно, у меня будут такие же морщины? Или все-таки другие?»

Прозвучал звонок: «Шахназ ханым, ваш выход». Актриса медленно поднялась со стула, осторожно держась за спинку. Удивилась своей немощи, тому, как трудно передвигать ноги, как тяжело дается каждый шаг. На сцену она вышла настоящей старухой; никому и в голову не могло прийти, что перед ними цветущая женщина среднего возраста. Она прожила трагедию старой женщины. Растрогалась слезам молодой партнерши, игравшей ее дочь. Самым дорогим подарком для нее стало молчание зала, потрясенного судьбой далекой ирландской женщины. Только через несколько минут раздалась аплодисменты и крики «Браво!»

На сцену вышел режиссер. Он прижал Шахназ к груди и сказал слова, которые она поняла, несмотря на свой не очень хороший английский.

– На моей родине эту роль сыграла великая английская актриса. С тех пор она в моем сердце. Сегодня вы заняли свое место в моем сердце. Отныне, думая об этой роли, я буду видеть двух актрис: ее и вас.

Вечером по случаю премьеры состоялся прием в английском посольстве. Шахназ немного нервничала. По опыту знала, что послепремьерные комплименты не всегда правдивы, что среди тех, кто сегодня будет осыпать ее превосходными эпитетами, много завистников. За годы служения театру она узнала цену лести. Свою работу она называла службой и чувствовала себя солдатом. Играла разные роли, не думая о том, кто сегодня в примадоннах и почему не она. Получила звание после того, как многие из ее молодых коллег, не имевших такого количества ролей и успеха, как она,

стали именоваться заслуженными, народными. Некстати вспомнила, какой шок она испытала, когда министр со сцены, в День театра, объявил о том, что она получила звание. Она вскрикнула и чуть не упала в обморок. Кто-то прокомментировал: «Хорошая актриса!»

Шахназ сидела за столом с сотрудниками посольства. Секретарь посольства, приятная молодая женщина, обратилась к Шахназ с вопросом:

– Извините, нас не представили, у вас есть визитка?

Шахназ рассмеялась:

– Нет, визитки у меня нет. А вы меня не узнали? Я играла главную роль в сегодняшнем спектакле, старуху.

То, как поменялось выражение лица женщины, дорогого стоило. Поднятые от удивления брови, широко раскрытые глаза, некоторая растерянность во взгляде, приоткрытый рот. Актриса в Шахназ подмечала все детали. Вот так выглядит настоящее удивление. Вот таким его должна изобразить актриса, играющая на сцене.

– Вы такая молодая, красивая! И так сыграли старуху!

Шахназ не удержалась от реплики:

– Знаете, гораздо сложнее играть молодую и красивую, когда ты стара и немощна! Кожей ощутила колючий взгляд одной из коллег, играющей молодух в пенсионном возрасте. В тот вечер она поверила в то, что не зря выбрала сложную и не всегда хорошо оплачиваемую работу. Во всяком случае на родине.

На утро раздался звонок, и знакомый телевизионный продюсер после обязательных любезностей перешел к делу. Он предложил Шахназ сняться в рекламе.

За свою долгую актерскую жизнь женщина успела переделать все, чем может профессионально заниматься актриса. Главное ее призвание – играть в театре, но она также не гнушалась и другими актерскими занятиями, хотя бы потому, что жалование актрисы действующего театра не дотягивает до прожиточного минимума. Она дублировала фильмы, мультфильмы. Говорила голосами разных персонажей: от взрослых теток до подростков. А иногда дублировала детей. Ее гибкий голос позволял иметь широкий диапазон ролей. Снималась в рекламах, с недавних пор в телевизионных сериалах. Ее приглашали с удовольствием: никаких капризов и претензий, склок и сплетен. Да ей и некогда было заниматься сплетнями. Шахназ терпеливо выслушала словоохотливого продюсера:

– Не могли бы вы рассказать мне вкратце сюжет.

– Конечно, Шахназ ханым. Рекламу заказала мебельная фирма. А кто у нас чаще всего покупает мебель? – мужчина сделал паузу. – Семьи, выдающие дочерей замуж. В приданое дают мебель. Вы же знаете, как трепетно у нас к этому обычаю относятся. Я предлагаю такой вот сюжетик. Две семьи, жениха и невесты, и самое главное – две матери, решающие все важные вопросы, встречаются. Вы можете выбрать, чьей матерью хотите быть: жениха или невесты. И вот они начинают обсуждать, мебель какой фирмы надо покупать. Вы понимаете, та фирма, что проиграет, – это конкурент. По ходу сюжета наши темпераментные матроны начинают выяснять отношения, свадьба на грани срыва, и только вмешательство молодых решает спор, и уже все вместе они выбирают мебельную фирму. Ну, ту самую, что заказала рекламу. Живой такой и главное реалистичный сценарий, вам не кажется?

Шахназ представила себе довольную физиономию продюсера. Его гордость за столь удачный и колоритный сценарий. И все-таки не удержалась от комментария:

– Я понимаю, что вы учитываете местный колорит. Телезрителям забавно и интересно посмотреть, как две взрослые тети начнут смачно ругаться. Они привыкли к этому. Видят с экранов местных каналов в основном такие сюжеты. Я – гайнана со стажем. Но ни разу не ругалась с новыми родственниками. Понимаете? В нашей семье

не принято ругаться. Конечно, я актриса и могу войти в роль. Не хочу. Но у нас есть много других очень хороших актрис, кто мог бы с блеском сыграть эту роль.

Продюсер не ожидал подобного ответа. Он чувствовал себя оскорбленным. Привык к тому, что, предлагая даже небольшую роль, выступал в роли благодетеля.

– А вы не хотите спросить, какой гонорар я предлагаю?, – козырный туз, спрятанный в рукаве, как у шулера, должен был эффектно лечь на стол.

– Не могу удержаться, чтобы не спросить, – Шахназ и в самом деле было интересно, от какой суммы она так легкомысленно отказалась.

Продюсер назвал цифру, смешную для серьезного актера развитой, как принято говорить, цивилизованной страны, но вполне приемлемую в местных условиях. Шахназ вздохнула с облегчением. Она все сделала правильно. Ей даже не придется сожалеть о гонораре.

– Я буду рада за ту актрису, кто сыграет эту роль.

Шахназ положила трубку. Представила, что продюсер будет говорить актрисе, которую он позовет на эту роль. Обязательно ввернет, что она, Шахназ, мечтала получить эту роль, но он выбрал единственную, способную зажечь потенциальных попутателей.

Последние три месяца Шахназ снималась в телевизионном сериале. Фильм снимали без годового сценария. Сценарист, а вместе с ним режиссер, импровизировали по ходу съемок. Актриса настаивала на том, что должна иметь на руках сценарий, хотя бы за день до съемок. Привыкнуть к тексту, подумать об интонациях, движениях, а зачастую самой продумать мизансцены. Телевизионные каналы не утруждали себя поиском профессиональных режиссеров, операторов, сценаристов. Все происходило совсем, как в ее любимом мультфильме «Вокруг света за 80 дней» про Филеаса Фогга и Паспарту. В конце каждой серии авторы мультфильма предлагали мораль. Одну из них Шахназ вспоминала неоднократно: «Используй то, что под рукою, и не ищи себе другое». Так и поступали те, кто снимал мыльные оперы. Никаких заморочек. Фотографы, недавно научившиеся снимать на камеру, становились операторами. Те, кто несколько раз ставил самодеятельные спектакли, получали полномочия режиссеров. Профессиональным оставался актерский состав. Актеры стоили дешево. В том и заключался секрет, почему никто не стремился занять их место.

По замыслу сценариста, финальная сцена разыгрывалась на кладбище. Шахназ играла безутешную вдову. Ей нужно было произнести трагический монолог. Рассказывая о том, как он видит сцену, режиссер несколько раз подчеркнул, что это ключевая сцена в фильме. Все недомолвки, горечь, страдания и одновременно всю невысказанную за время совместной жизни нежность, заботу, вдова выплачет в финальном монологе. Шахназ долго готовилась к сцене. По-разному представляла себе, какой у нее будет голос. Где он возвысится до мелодраматических высот, а где она перейдет на шепот (конечно такой, чтобы был слышен с экрана). Шахназ с утра ни с кем не разговаривала, входила в роль. Она выглядела такой грустной, несчастной, что посторонний человек, увидев ее, обязательно бы подумал, что у нее проблемы. Режиссер подошел к Шахназ, взял ее за руку и проникновенным голосом попросил сыграть как можно естественнее. Шахназ начала сердиться. «Как будто я девчонка какая-нибудь, не знающая и не понимающая, что такое роль или финальная сцена!» Она обратилась к оператору, ровеснику ее сына, зная по опыту, что именно от него будет зависеть количество дублей. Сможет он поставить профессионально свет и выбрать нужный ракурс, уловить смену выражений на лице, медленно ползущую по щеке слезу, вот в чем гамлетовский вопрос.

– Пожалуйста, сними с первого дубля. Ты же понимаешь, что такую сцену нужно играть один раз!

– Не вопрос, Шахназ ханым! Один дубль, значит один дубль!

Шахназ превзошла сама себя. Она говорила от имени вдовы, однако все, что скопилось у нее в душе за время ее замужества, выливалось вместе со словами, слезами, душевными терзаниями ее героини. В нескольких местах она непроизвольно добавила от себя особенно трогательные слова. Нашла те самые движения, что говорят о глубоком душевном волнении. Позже, оценивая сцену, Шахназ призналась себе, что помнила в эти минуты не только о том, что она пережила сама, но перед глазами у нее стояла великая Анна Маньяни, ее трагические глаза. Если бы все было так просто...

Первый дубль забраковали потому, что свет поставили не так, как нужно. Второй дубль не прошел, потому, что оператор выбрал неправильный ракурс. Третий дубль не понравился режиссеру. Шахназ снова и снова говорила о своей боли. Когда, наконец, сцена была снята, актриса дошла до того состояния полного изнеможения и душевного спада, что испытывает оглушенный горем человек в реальной жизни, если только подобная сцена не происходит на глазах у любимых родственников. Она поблагодарила Бога за то, что на кладбище не было никого, кроме их съемочной группы.

Весть о смерти ее коллеги, актрисы, разнеслась так быстро, как могут распространяться только плохие вести. Шахназ интересовало, почему так происходит? Ответ, лежащий на поверхности о том, что люди в массе своей зловредны и потому с таким азартом и плохо скрываемым злорадством сообщают о всякого рода несчастьях, злоключениях, не устраивал ее. Ведь не все же такие! Оставался другой, метафизический ответ, согласно которому, зло – активнее, настойчивее и проявляется намного ярче и быстрее, чем безоружное и такое слабое добро. На похороны собрались все работники театра. Голоса плакальщиц создавали особую грозную траурную атмосферу. Все присутствующие под воздействием криков знающих свое дело женщин, начинали всхлипывать, а через какое-то время некоторые из особо чувствительных уже плакали настоящими слезами. Шахназ невольно задержала взгляд на профессиональных плакальщицах. То, как они раскачивались, держали ритм, били себя в грудь и постепенно входили в транс, напомнило ей вдруг недавнюю, сыгранную ею сцену. Представила их в своей роли и еще раз похвалила себя за естественную простоту своей игры. Без лишних театральных эффектов. И только когда увидела маленькую дочь актрисы, забыла обо всех своих наблюдениях. Девочка не плакала; держалась за юбку бабушки, напуганная криками чужих людей. Шахназ ясно увидела себя маленькой, растерянной, несчастной, неприкаянной малышкой. Потянулась, чтобы погладить ее по головке, и отдернула руку, побоявшись испугать. Подумала о том, какой может быть дальнейшая судьба маленькой девочки, так рано оставшейся сиротой. Заметила, что малышка удивительно похожа на мать и, возможно, не лишена актерского таланта. Вот она вырастет, станет профессиональной актрисой и будет играть разные роли. И однажды ей предложат сыграть финальную сцену на кладбище. Интересно, вспомнит она себя сегодняшнюю, свое горе?

Задала себе этот странный вопрос и очередной раз ответила себе, что только актриса могла подумать об этом и что актерское ремесло – самое прекрасное и самое тяжелое ремесло на свете.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ
«О ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ...»

Forever In Love

«О, память, память!»
А. Грич

По берегу, вдоль линии воды,
Бегут, смеясь, мальчишка и девчонка,
И ветерок уносит хохот звонкий,
И волны размывают их следы.

Как будто позабытое кино,
Прокручивает память те мгновенья,
Где ты и я, и ветра дуновенье,
И солнце, и прибой – все заодно.

И море расстилается ковром,
И ветер обнимает нас за плечи,
И кажется, что лето будет вечным,
Как это солнце в небе золотом.

И впереди – свободный горизонт,
И жизнь, как море, – без конца и края!
... А я смотрю кино и понимаю,
Что будет все как раз наоборот.

Но я смотрю уже со стороны –
Случайный зритель
в старом кинотеатре...
Идет кино, резвятся дети в кадре
И с криком убегают от волны.

Нас в этом мире просто больше нет,
Нам не догнать самих себя счастливых,
Бегущих вдаль по линии прилива
Без малого шестой десяток лет ...

Жемчужина в ракушке

«Извечная печаль осенних вечеров...»
А. Калина

Извечная печаль осенних вечеров
Ложится, словно шаль, на зябнущие плечи...
Я помню о тебе мелодией без слов,
Тоскующей в ночи, мечтающей о встрече.

Я помню о тебе, о юности своей,
И легкий шепоток ночного листопада,
И быстрые шаги по золоту аллей,
И пьяный аромат пустеющего сада –

Все это навсегда останется со мной
На глубине души
 под грифом «дней минувших» –
Касанием руки, шагами за спиной,
Мелодией без слов,
 жемчужиной в ракушке...

Если я тебе приснюсь

*«И если я тебе приснюсь –
То все-таки светло...»*

Если я тебе приснюсь
В нашем городке военном,
По дороге в магазин
Мимо вашего двора –
Будет также прыгать пес
И пугать невероятно,
И деревья шелестеть
И баюкать до утра.

Если я тебе приснюсь –
В старом парке на скамейке,
Где японская сирень
Осыпается дождем...
Или в доме у огня,
За решеньем уравнений –
Вычислять дискриминант
Очень весело вдвоем!

Если я тебе приснюсь –
Значит, выдохлись обиды.
Я прощенья у тебя
Через годы попрошу.
И осенним теплым днем
В переулке позабытом
Как на картах, на листве
Нам с тобой поворожу.

И неважно, что прошло –
Важно то, что не забылось.
И не важно, что судьбы
Нам назад не повернуть.
Если я тебе приснюсь –
Значит, жизни не хватило,
Чтобы первую печаль
Насовсем перечеркнуть...

Если я тебе приснюсь...

Libertango

Она сидит одна в пустой квартире
И молча смотрит на пустую стену.
Не шелохнувшись, глаз не отрывая,
Так напряженно, словно что-то видит...

А может быть, и вправду что-то видит:
Как на экране, движутся в тумане
Она и Он...

И музыка Пьяццолы –
Великая, бессмертная, живая...
Их тени то сливаются едино,
То разлетаются, то опадают,
То вырастают, как протуберанцы.
И, повинувшись танго, ее память
Прокручивают, словно киноленту.
И женщина сидит, не шелохнется,
Почти что не дыша –
 чтоб не спугнуть,
Не оборвать заезженную пленку...

А где-то на другом конце планеты,
(Казалось бы, и не такой огромной),
Держа в руке остывший чай иль кофе,
Он так же смотрит в стену, замерев,
И видит тот же полутемный зал,
И слышит то же –

 то же Libertango!..

И чувствует ладонью ее кожу,
И аромат ее духов дурманит,
И волосы ее, порой касаясь
То глаз его, то рук, то губ, то щек,
Тревожат и волнуют, как когда-то...
О небо, столько долгих лет прошло,
А он все так же помнит этот вечер!..

И этот полуосвещенный зал,
И волшебство чарующего танго...
Их музыка великая свела,
И столько счастья обещала вместе!

Но несколько неосторожных слов
Разрушили ее очарованье,
И развели –
 мгновенно и навечно...

Он много лет искал, пока не бросил,
И сам себя уверил, что впустую...
Но каждый раз,
 оставшись в полумраке,
Он смотрит этот вечер, как кино.
Вот только ничего не изменить,

А дни идут,
сплетаясь в годы, годы...

Насколько справедлив наш мир,
в котором
Два человека, глядя просто в стену,
Из года в год танцуют вместе танго,
Но – только в собственном воображенье?
И что должно случиться в этом мире,
Чтобы однажды встретились их руки,
И стены рухнули, и это танго
Связало их –
отныне и до смерти?..

...Простите, это просто наважденье,
Навеянное музыкой Пьяццолы.
А в мире ничего не изменилось –
Она и Он сидят в своих квартирах,
И мысленно танцуют Libertango,
Танцуют вместе –
лишь в воображенье,
Все эти годы мысленно –
но вместе...

А дни идут, сплетаясь в годы, годы...

Август уходит на цыпочках

Вот и последний день лета идет, улыбаясь,
Легким движеньем качая сосновую хвою...
Август уходит на цыпочках и не прощаясь,
Словно не хочется августу нас беспокоить.

Все очень просто,
почти до отчаянья просто,
И от щемящей тоски никуда мне не деться –
По расписанию завтра заявится осень
И переполнит собою пространство и сердце.

И переполнит собою и сны, и надежды,
И переполнит собою и мысли, и чувства...
Осень наденет свои золотые одежды,
И неожиданно станет и грустно, и пусто.

Осень, не надо,
не надо так нагло, нахрапом!
Лето, останься,
прошу тебя, лето, останься!..
Осень плечами пожмет:
ты сама виновата,
Если уходят на цыпочках и не прощаясь...

САВЕЛИЙ КОЛМАНОВСКИЙ

Гасанбала

рассказ

Был в Баку такой один интересный человек, звали его Гасанбала. Вообще по-азербайджански «бала» значит «малыш», «младший», «ребёнок».

Когда я с ним познакомился, ему было лет семьдесят, и на «бала» он никак не тянул. Ну, а мне было под сорок, и лет десять, может, чуть больше, пока он не ушёл, мы с ним контактировали.

Гасанбала был старьевщик. Но не из тех, которые ходили по бакинским дворам и кричали: «Стар вещь забираем», нет! Он был заведующим пунктом приёма вторсырья у населения. Когда я впервые увидел Гасанбалу, у него был такой приёмный пункт в Ичеришехер. В переводе с азербайджанского это означает «внутренний город», так в Баку официально называют бакинскую крепость. В моё время говорили просто «Крепость», а жителей её называли «крепостные». Крепость – это самая старая, самая древняя часть города. Как говорится, «откуда есть и пошла земля бакинская».

Я уже жил в Москве, привёз в Баку кого-то из московских друзей, водил их по Крепости и, конечно, в ханский дворец – музейный комплекс «Дворец Ширваншахов». Когда мы из него выходили, я вдруг увидел маленький каменный домик, в один этаж, одну дверь и одно окно, а в окне – интересные для меня вещи.

Зашли туда, и вот так я познакомился с Гасанбалой, человеком небольшого роста, с живыми глазами, умиротворением и невозмутимостью напоминающим Будду.

Место было выбрано прекрасно – ведь в Крепости, или в старом городе, семьи жили многими поколениями, и мальчишки шарили по чердакам, по подвалам, по сундукам и какие-то старые ненужные вещи, то, что их бабушки-дедушки или даже прабабушки-прадедушки уже считали хламом, вытаскивали и приносили к Гасанбале. Он покупал за копейки, не в смысле, что он их обманывал, а был государственный тариф, чуть ли не по весу. То есть покупал он вещи как утиль, вторсырьё, оптом. Разбирал, сортировал, а потом продавал туристам поштучно, как раритет. Хотя, наверное, такого слова Гасанбала не знал.

Это было очень прибыльное, как я понимаю, мероприятие. Ну, представьте: приезжают туристы, заходят в музей. Смотрят, восхищаются, им рассказывают, показывают какие-то старинные предметы «национальной материальной культуры»: вот медная посуда, посмотрите, какой рисунок, вот это называется «кяса», это «сатыл», это «афтафа», им всё это интересно, слушают, да и предметы невиданные. А потом они выходят, делают два шага и оказываются около маленького, я бы сказал – очень маленького домика, и там всю эту экзотику можно купить.

Для справки: медная посуда действительно делалась из меди, украшали её чеканкой или гравировкой, обычно это были сложные орнаменты или изречения, написанные арабской вязью. И во избежание пищевых отравлений её покрывали оловом, то есть лудили – так же, как это делают с медными самоварами. «Кяса» – это чаша, пиала; «сатыл» – ведро для воды «с талией», грушевидной формы; «афтафа» – кувшин для омовения. Естественно, чем богаче украшена посуда, тем она дороже.

Кстати, когда в Баку в 20-ые годы строили первую электрическую трамвайную линию, нужна была медь для проводов. Провода производили в Германии. И бакинские газеты с гордостью писали, что трудящиеся Баку собрали и отправили в Германию, на переплавку, два эшелона медной посуды. Как я понимаю, в основном это была дорогая посуда, экспроприированная у эксплуататоров – беков, нефтепромышленников, купцов, обидно думать, сколько изделий мастеров было потеряно.

Но вернёмся к Гасанбале. У Ичеришехер была Дирекция, которая отвечала за памятники архитектуры, курировала раскопки, собирала древности, устраивала выставки. Этой самой дирекции Гасанбала стоял поперёк горла. Потому что он был конкурентом по приобретению ценных экспонатов. Чтобы продать что-то Дирекции, для музея, нужно было к ним прийти в определённые дни и определённые часы, предъявить документы, принесённые вещи брали на оценку, которая занимала довольно продолжительное время. Комиссия по культурному наследии смотрела, решение о покупке согласовывали с руководством и только потом что-то платили. А тут человек прямо пришел к Гасанбале, отдал, тут же получил деньги, ушёл и забыл. Поэтому жители охотнее носили вещи в «пункт», чем в Дирекцию.

Руководство Дирекции писало письма в Министерство культуры, но сделать ничего не могло, поскольку сбор вторсырья – программа государственная. Борьба продолжалась до тех пор, пока этот маленький дом, в котором был приёмный пункт, не снесли в рамках благоустройства, и Гасанбала переехал в другое место, в центр города.

Самое интересное в этом противостоянии было то, что в Дирекции не знали главного: никакого пункта вторсырья в Крепости не существовало. А существовало там пустующее помещение, Гасанбала договорился с участковым и ЖЭКом (то есть заплатил им денег) и заказал себе вывеску «Приёмный пункт вторсырья». Это был его личный пункт. Государство о нём ничего не знало.

В Ичеришехер и в новом помещении, большом подвале за углом от Центрального универмага, работали как бы два немного разных Гасанбалы. «Крепостной» был небритый, в вылинявшей сатиновой синей спецовке, простой человек, с трудом и ошибками говорящий по-русски, и поэтому, когда туда после ханского дворца заходили туристы, они видели такого тёмного (в смысле – малограмотного, а не смуглого) азербайджанца, который в экзотической для них манере говорил, мол, *«это то, сейчас такой не делают... но это не золото, не серебро... но такой, да... можно немножко кушать, можно взять так поставить»*. Туристам становилось очевидно, что хозяин явно сам не знал, чем торгует, и не понимал реальной ценности вещей, и они радовались удачной «выгодной» покупке.

А когда Гасанбала перебрался из Крепости в центр, в подвал, это уже был настоящий, официальный пункт приёма вторсырья. Там (место обязывает!) хозяин сидел выбритый, в слегка потёртом костюме, но в костюме, с галстуком. И когда посетитель спускался в этот подвал, там было несколько ступенек вниз, то первое, что он видел – на притолоке висел большой портрет Гасанбалы. В чёрной раме, которая тогда была очень характерной, – эти рамы знали все, потому что во всех школах, в Баку, во всяком случае, висели портреты вождей, и, в частности, обязательно портреты Ленина и Сталина, и они были вот в таких рамках, только размерами отличались – чем крупнее вождь, тем больше портрет и, соответственно, больше рама. Гасанбала на портрете был в белом халате, в одной руке он что-то держал, какой-то предмет, не помню, и внимательно, с учёным видом, прищурившись, рассматривал его, как через лупу, через сложенные очки, которые держал в другой руке. Это уже был не Гасанбала-старьевщик, а Гасанбала – антиквар.

Мы при встрече, наверное, сразу как-то друг другу понравились.

Ну, не знаю, мне он точно был интересен и симпатичен, может, поначалу я для него представлял интерес только как потенциальный покупатель. Возможно. Очень даже может быть. Но наши отношения развивались, и, думаю, потом действительно он испытывал ко мне какие-то приятные чувства. Потому что он меня приглашал к себе, я заходил в его небольшой двухэтажный частный домик на Даглынке (во времена моего детства это была окраина города, но Баку так вырос, что это уже почти центр) с небольшим двориком. А во дворике была пристройка, где хранился его «антиквариат». Правда, он первый раз меня пригласил, потому что много вещей, «*настоящий хороший вещь*», держал у себя дома, а не в этой самой лавке. Но потом звал просто в гости, и на чай, и на обед.

У Гасанбалы были четыре дочки и сын. Двух младших я помню хорошо, потому что они приезжали в Москву и недели две жили у нас. Девочки лет двадцати, звали их Зибя и Рубаба. (Зибя – персидское имя, переводится как «Красивая», однокоренное с именами Зебунниса «Красивейшая из женщин») и Зибанда («Достойная украшения»). Рубаба – тюркское название смычкового музыкального инструмента).

Красиво, да?

Единственного сына звали Гасан, и про него у меня есть отдельная история. Я познакомился с ним много позже, когда он приезжал в Москву. А когда я только узнал Гасанбалу, его сын сидел в тюрьме. Гасанбала рассказывал, что его племянник, то есть двоюродный брат Гасана, был в армии, и оттуда пришла похоронка. Это было в мирное время, конец 60-х, я сейчас не помню, случился ли несчастный случай, то ли конфликт с сослуживцами, для этой истории не так важно. Когда труп через некоторое время привезли в Баку в цинковом гробу, мать сказала, что она хочет открыть, посмотреть в последний раз на сына. И гроб вскрыли, но, поскольку прошло сколько-то дней, то, соответственно, зрелище было малоаппетитное. И на Гасана это произвело такое впечатление, что он вырвался и куда-то убежал, несколько дней домой не приходил, потом пришёл и сказал: «Я в армию не пойду». А у него как раз был призывной возраст. Ну, он не явился в военкомат, скрывался, его поймали и как уклониста посадили и дали ему два года. И, как рассказывал Гасанбала, «*он немножко такой крепкий... такой характер... ну, он такой, да*». И когда на него, как я понял, тюремные паханы наехали, то он дал жёсткий отпор. Как говорил Гасанбала, «*он там одно маленькое убийство сделал*», и ему добавили какой-то большой срок соответственно. Так что я видел сына уже после отсидки, впечатление он произвёл приятное и вполне мирное. Жил где-то на Востоке, в Сибири, там женился, но это я уже толком не помню.

А девочки, Зибя и Рубаба, приехали в Москву и жили у нас. Очень приятные девочки, ну, школу кончали, думаю, азербайджанскую, и поэтому по-русски небогатый у них был словарный запас, достаточный, чтобы всё понять и объяснить, но ограниченный. Девочки утром уходили, и до вечера их не было. Ходили они в городе в основном по магазинам. Однажды мы их зазвали в музей, в усадьбу Кусково, это недалеко от нас было. Им понравилось, и я сказал, что в Москве есть хорошие музеи, вы пойдите, получите удовольствие. Помню, это было 29 или 30 июня, потом скажу, почему запомнил число, мы объяснили, как проехать в Третьяковку, они попрощались, ушли и часа через полтора возвращаются с какими-то коробками. Я говорю: «А что это у вас?» Они говорят, что зашли напротив в магазин (напротив нас был обувной), а там такую обувь дают! Поэтому это было 29 или 30 июня, потому что одновременно был и конец квартала, и конец полугодия, и обычно в это время магазины для выполнения плана выкидывали на прилавки то, что считалось дефицитом, что обычно придерживали для какого-то особого случая или особых покупателей. Девочки купили туфли, пришли, себе-то они купили, но у них есть сёстры! Они стали звонить домой, рассказывать, какие туфли есть, купить – не купить, кому какие. Поговорили, ушли. Через некоторое время возвращаются – таких туфель уже нет, но есть другие туфли, надо опять звонить выяснять. Я помню, они звонили сестре, у

сестры телефона не было, они звонили соседке, соседка шла за этой сестрой, сестра с ними общалась, потом она уходила поговорить с мужем, видимо, выяснить допустимые траты, согласовывала с ним. Это были очень интересные переговоры... В этот день они ходили в магазин 5-6 раз и много коробок обуви принесли.

А самое интересное было уже потом, после их отъезда. Когда пришёл счёт на междугородние телефонные разговоры...

По вечерам мы с девочками ужинали и беседовали. Они, в частности, рассказывали, что Гасанбала очень любит чай. Мы говорим, что все бакинцы любят чай. Они говорят: «Нет, папа приходит после работы, и уже ночью, когда жары нет, папа любит сидеть на веранде, сидит и чай пьёт, а мы ему носим». Ну, я себе представил идиллическую картину: сидит Гасанбала, темно, прохладно, никого нет, он, уставший после жаркого дня, сидит, расстегнув рубашку, дочки приносят чай, и говорю: «О, как здорово!» И одна из них сказала: «Да, здорово, вы знаете, папа по тридцать армудов пьёт! А мы ему носим!» И тут я подумал, что, наверное, картина идиллическая, но только не для всех...

И ещё я помню, как-то нас не было дома, и позвонил наш приятель, тоже бывший бакинец, тоже уже живущий в Москве. Кто-то из девочек взял трубку, он удивился незнакомому голосу, явно не очень хорошо говорящему по-русски и с очень знакомым акцентом, спросил про нас, она сказала: «Нет дома». Тогда он спросил: «А вы кто? Я с кем разговариваю?» И получил классический ответ: «Мы – гость».

К концу пребывания девочек у нас приехал и Гасанбала, уезжали они вместе. Он был дня три, и я сейчас даже не могу вспомнить, у нас он жил или ещё где-то. Но я помню, что, когда он приехал, я много уже к этому моменту о нём рассказывал своим московским приятелям и пригласил их, чтобы они с ним познакомились, потому что с ним интересно было общаться, даже мне, бакинцу, который видел людей такого типа, а москвичам, для которых это была абсолютная новинка и большая экзотика, было интересно совсем. И вот сидят гости в большой комнате, разговаривают, Гасанбала в центре внимания, и я так сказать вывожу его на какие-то рассказы, все его спрашивают, слушают с интересом. Потом он вышел, вернулся, держа руки за спиной, и громко сказал: «Например!» Ну, все обернулись к нему. «Например! Вот мой подарок хозяйке!» – и вытащил из-за спины руку, а в ней такие старые, в смысле несовременные, серьги, бирюзовые, с подвесками, сугубо восточной работы. Ну замечательно, все восхитились. Потом он сказал: «А теперь! Мой подарок хозяину!» – и вытащил из-за спины другую руку, в которой был медный кувшин (он-то знал, что я коллекционировал).

А ещё до этого, в Баку, Гасанбала рассказывал, что к нему в лавку зашёл как-то московский художник, увидел медную посуду и попросил у него несколько предметов, чтобы сделать натюрморт, мол, напишет и всё пришлёт обратно. С тех пор прошло три-четыре года, и ничего от этого художника нет. И когда Гасанбала был у нас, он опять эту историю вспомнил и спросил, не знает ли кто такого художника. У нас сидел приятель Саша, в отличие от меня – деловой человек, который приехал на машине, и он спросил Гасанбалу, знает ли тот адрес художника. Гасанбала сказал, что адрес знает, что к нему пойдёт и всё у него заберёт, «ну, как он мне не отдаст?» Тогда Саша предложил Гасанбале отвезти его на машине прямо сейчас. И перед отъездом спросил меня: «А что он может сделать этому художнику?» Я ему абсолютно искренне сказал: «Он всё может сделать». Они где-то часиков в десять вечера уехали, вернулись примерно через час, и Гасанбала был с мешком, с этой посудой, и потом увёз её в Баку. Гасанбала сказал, что зашёл к художнику, «его жена немножко испугалась», художник сказал: «Да-да-да» и всё отдал.

А со старшей его дочкой была такая забавная история в трагический момент. Умерла мама, я был в Баку. И через три или четыре дня после похорон стук в дверь, приходит его дочка и говорит: «Вот, папа извиняется, он не знал, только сегодня

узнал». Ну, я понял, что кто-то из знакомых заходил в лавочку и сказал. «Папа только сегодня узнал, что такое случилось, и скажите, пожалуйста, папа просил меня узнать: у евреев четверг в пятницу бывает?» Дело в том, что у мусульман принято первые сорок дней после смерти каждый четверг вечером приходиться в дом покойного, это не поминки, а просто пьют чай и вспоминают. У мусульман святой день пятница, а собираются в четверг. Гасанбала знал, что у евреев шаббат, поэтому предположил, что четверг – в пятницу. Мы сказали: «Нет, у евреев четверг бывает в четверг, а пятница в пятницу. И у нас такой традиции нет, так не собираются, большое спасибо».

А как Гасанбала продавал! Его подвал в центре представлял собой анфиладу из трёх помещений. Вдоль стен стояли грубо сколоченные столы, на которых было невероятное количество всякого хлама, это: типографские шрифты, старые подстаканники, национальная медная посуда, ключи, какие-то замки, целые и сломанные, какие-то порванные парчовые кошельки, шелковые чехлы для Корана, пояса, обрванные части старых книг и книги целиком, примусы, в общем, много-много всего.

Гасанбала сидел в торце дальней комнаты лицом к двери. Ты спускался в этот подвал с электрическими лампочками, и некоторое время глаза привыкали к неяркому освещению после солнечной улицы, так что хозяина ты видел не сразу. Ты останавливался возле какой-нибудь горизонтальной поверхности и начинал что-то разглядывать. И в этот момент слышал плавный неторопливый звучный голос: *«О, вижу настоящий знаток зашёл. Вы именно на тот вещь смотрите, который очень интересный, очень редкий вещь, XV век, это нигде такой нет, только на музей республиканский искусства и у меня. Вижу, знаток, идите сюда, я сейчас буду вам про этот вещь рассказывать»*. То есть, когда ты услышал голос, ты на что-то смотрел, и тут оказалось, что среди множества наваленных вещей твой взгляд уловил, ты как-то почувствовал, что именно та вещь представляет интерес, на которой ты сейчас сосредоточился. Ты берёшь эту вещь, очень довольный своим безошибочным чутьём, идёшь на голос и видишь, что там, в дальнем конце, за столом, покрытым тканью до полу, сидит человек. Если подумать, то можно догадаться, что с такого расстояния хозяин не мог увидеть, на что ты смотрел. Но это так сразу в голову не приходит. И ты постепенно к нему подходишь, а он продолжает говорить: *«Идите сюда, это очень интересный, это многие большой интерес проявили, нет-нет-нет, сюда не смотрите»*, – ты по дороге на что-то ещё заглядываешься – *«сюда не смотрите, это уже Эрмитаж отобрал, это я отложил для Эрмитажа, но отправка ещё не сделал, поэтому туда даже не смотрите...»* Но, пока ты к нему подходишь, чем ты ближе, тем лучше он тебя видит, и за несколько шагов он наконец может разглядеть, что у тебя в руках. Он говорит: *«Это у вас XV век, это не продаётся, это из моей личной коллекции, просто поставил, чтобы народ красоту видел настоящую. Но есть другой вещь, очень похожий... XVII век, это можно договориться»*. И он вынимает из-под стола точно такой же предмет, кувшин, скажем, или чашу, как тот, что ты держишь в руках.

Муж старшей дочери Гасанбалы работал корреспондентом газеты. В Баку была какая-то Декада национального искусства, и по этому случаю выпустили серию красочных буклетов, посвящённых разным направлениям – мозаике, архитектуре и т.д. Один из них был про народное искусство. На первой странице фотография Гейдара Алиева (Первого секретаря ЦК Азербайджана) и соответственная цитата по поводу. А на следующей странице, уже в качестве иллюстрации, на ковре сидит старый азербайджанец в национальном костюме, в окружении медной посуды и подушек и держит в руках кувшин. Вот это был портрет Гасанбалы. И когда к нему приходила милиция или какие-то проверяющие, он показывал этот буклет: *«Вот, видишь, тут кто? А это – я!»* На многих производило впечатление – ну, если он попал в одну книжку с Алиевым, наверное, у него есть какие-то определённые связи и авторитетные друзья.

Я как-то в очередной раз был у него в кладовке, ходил, выбирал вещи и увидел два азербайджанских пояса, ну, очень красивых – большие серебряные пряжки, ажурная работа. Я даже не спрашивал, сколько стоит, потому что понимал, что я это не куплю. А сами пояса – широкие кожаные ремни, обшитые монетами, серебряными монетами николаевского времени. Мы поговорили, посмеялись, обменялись мнениями, я что-то взял и расплатился, и на выходе уже говорю: «Гасанбала, я уже всё, я не покупаю, в смысле – не сбиваю цену, но просто никому не говорите, что это пояса XVIII века. Потому что на них нашиты монеты...» Он говорит: «*Я знаю, там монеты 1913 года. Я знаю*». Ну, совсем! Это не то чтобы человек не знал или не обратил внимания, как я думал поначалу. Нет, он знал, но всё равно это говорил.

Однажды я приехал в Баку с приятельницей из Москвы. Ходил, показывал ей город, и зашли мы, естественно – ведь достопримечательность! – к Гасанбале. Она смотрит, восхищается, с ним беседует, интересная беседа, а я вижу – такой ветхий старинный кошелёчек парчовый, а в нём очень красивый жемчуг, нитка жемчуга. Я говорю: «А вы это продаёте?». Он говорит: «Да». Я говорю: «А зачем вы продаёте?» Он говорит уклончиво: «Нууу, так нужно». Я настаиваю: «Зачем вы продаёте? У вас четыре дочки, такой красивый жемчуг». Он отвечает: «*Не беспокойтесь, для дочек уже полный комплект есть*». Комплект – это значит бриллиантовое кольцо, серёжки, часы, это уже для каждой готово, ждёт, когда они выйдут замуж. Я спрашиваю: «А сколько это стоит?» Он отвечает: «*Ты не купишш*». Я повторяю: «Ну, вы скажите, сколько это?» Он говорит: «*Зачем тебе? Ты не купишш*». Ну, с одной стороны, я у него покупал обычно за 10-15-20 рублей, максимальные покупки. И понимаю, что жемчуг – это мно-ого дороже. Но мне как-то неприятно – что значит, что я не куплю? Тем более я с дамой, а тут он мне «не купишш». Я: «Ну, вы всё-таки скажите..» Он: «*Всё равно не купишш*». Когда он мне это сказал третий или четвёртый раз, я как раз обдумывал, как мне выразить своё возмущение, так, чтоб это не выглядело уж слишком банально. И пока я думаю, он тем временем продолжает: «*Его может только купить человек, который, например, вот купил, а через два часа уже улетает*». Я абсолютно обалдел: «Почему?» Он отвечает: «*Потому что он ненастоящий*». Тут я посмотрел и понял, что только сослепу мне померещилось – на самом деле это стеклянные бусы, покрытые какой-то краской «под жемчуг», и половина даже уже облезла. Я просто не разглядел. Ну, и, кроме того, я, хотя уже всё знаю, попал под очарование авторитета: все вещи старинные, и кошелёчек старинный.

С ним было интересно. Я приходил к нему в его «золотую кладовую». Там было очень много замечательных вещей, красивых, просто глаза разбегались. И не только медная посуда, которую я коллекционировал. Я ходил, смотрел и понимал, что сильно не всё могу купить. Беру какой-то кувшинчик, спрашиваю: «Это сколько?» Он говорит: «*Поставь, потом*». Я нашёл ещё что-то, опять: «Сколько стоит?», он: «*Поставь на стол, потом*». Так я отбирал пять-шесть предметов, которые хотел приобрести. Ставлю всё на стол, говорю: «Ну, теперь скажите, сколько». Он говорил: «*Давай, сколько хочеш*». Я говорю: «Ну, вы же продаёте, ваша цена». А он опять: «*Сколько хочеш, сколько дай*». Я опять: «Вы продавец, вы скажите, а я подумаю, брать – не брать». Он отвечает: «*Ну, я говорю, сколько хочеш, во сколько оцениш – сколько дай*». Я говорю: «Всё – рубль». Он: «*Я согласен*». Понимаете, фокус в том, что я точно знаю, что, если бы я дал ему рубль, он бы его взял и слова бы не сказал. Я бы забрал и ушёл.

Но он точно знал, что я этого не сделаю. Не смогу я так поступить. Поэтому это было всегда интересно.

Как-то из Москвы поехал в Баку мой приятель, который был большой коллекционер антикварных вещей, в том числе и медной посуды, и я ему дал наводку на Гасанбалу. Он что-то там купил, вернулся и рассказывает: «Замечательный человек, приветливый и всё, и всё, а потом, когда у него покупаю и спрашиваю, сколько это,

он говорит «*ради Сава – 20 рублей*», и я понял, что, если бы не ради тебя, это было бы десять».

Наверное, он был прав.

Много лет назад мы с тем самым Сашей, который возил Гасанбалу к художнику, на его машине поехали из Москвы во Владимир и Суздаль, посмотреть. Гуляли в центре, любовались, потом присели на лавочку отдохнуть. К нам подошёл какой-то подвыпивший мужичок, спросил, откуда мы. Мы ответили, что из Москвы. Он спросил: «Иконы не хотите купить?» Саша говорит: «Хотим. А что у тебя за иконы?» А тот: «Древние иконы, у меня XVII век есть». Саша, который, в отличие от меня, в этом разбирался, и вообще был человек ушлый, очень заинтересованно спросил: «А XV нету?» Тот говорит: «И XV век есть. Конечно есть!» Саша продолжает в том же ключе: «А Рублёва у тебя есть иконы?» А тот: «Есть, конечно есть». Ну, на этом, как говорится, наш разговор с ним и закончился. И как-то в очередной приезд в Баку шли мы с Гасанбалой из его пункта к нему домой, там было 5-10 минут ходьбы, и я ему в качестве забавного случая пересказываю это историю. А Гасанбала на полном серьёзе говорит: «*Это у него семнашки были, да? Не, вот если рублёвку, я бы тоже купил*». Я даже не сразу понял, что он имеет в виду.

Я вспоминаю приёмы Гасанбалы, которые вроде такие забавные и примитивные, со всеми его эрмитажами и личными коллекциями, ещё у него было такое выражение: «*Я вам это отдам, потому что такой знаток должен именно такую вещь иметь*», или: «*Почти бесплатно отдаю*». Ну, поскольку я старый барахольщик и получил ещё возможность ездить по миру, то везде, куда я ни приезжаю, я хожу на блошинные рынки, если они там есть, и, соответственно, стараюсь попасть в как можно большее количество антикварных магазинов. И вступаю по возможности в беседу с продавцами. Иногда со мной рядом оказывается переводчик, часто какие-то отдельные фразы на разных языках мне понятны самому, но в основном общаюсь жестами, улыбками, это даже интересно – объяснить с человеком, язык которого не понимаешь, и понять его. И всё, что я потом слышал, что рассказывали известные антиквары в дорогих антикварных магазинах, например, в лавках Пале-Рояля в Париже, торговцы на блошиных рынках, просто продавцы антиквариата в разных местах, ничего нового, кроме как того, что я слышал от Гасанбалы, только с названиями других веков и других музеев, не было. Ну, даже интонационно это было то, что делал Гасанбала, восточный человек без образования, а там были люди с подвешенными языками... хотя я сейчас это сказал и подумал, что, не зная их языков, я не знаю, насколько хорошо они были подвешены, ну, во всяком случае, они производили впечатление европейско-культурных людей (в моём представлении советского человека) и умно говорили об антиквариате, они знали такие слова, как «эпоха», «стиль», чего Гасанбала не употреблял, и так далее... Хорошо, что я познакомился с Гасанбалой до того, как получил возможность ездить за границу, я прошёл с ним такую школу, был уже очень подкованный, и, как мне кажется, никогда не поддавался на их уловки. Хотя... хорошо бы спросить их... Что они думают о том, сколько раз они меня обманули и втюрили что-нибудь не то.

И ещё я вспомнил, что в своей жизни я несколько раз был в одной компании с Параджановым, увы, близко я его не знал, но имел счастье и удовольствие присутствовать. И вот Параджанов говорил, я сам слышал, что его мечта – бросить всё и открыть в Персии антикварную лавку. И, конечно, лавка эта была бы невероятно красочна и красива, и вещи шикарные, и клиентура была бы высокого класса, и был бы он великолепным хозяином – но продавал бы всё равно по тому самому принципу Гасанбалы.